

МОСКОВСКИЙ ДОМ
Современная поэзия и проза

ОБРЕЧЁННЫЕ НА ДУЭЛЬ

МОССАЛИТ
2016

УДК 82-3.161.1
ББК 84 (2Рус)6
М52

ISSN 2078-0230

**Издательский проект «Московский Дом»
Московского салона литераторов
(МОССАЛИТ)
www.mossalit.ru**

Составитель сборника
Ольга Грушевская

Предисловие
Ольга Рыбакова

© Московский салон литераторов, 2016
© Авторы сборника, 2016

Вместо предисловия

Аэропорт Домодедово. Я отправляюсь в Барселону на долгожданное свидание с морем. Две недели медитативного отдыха: без телефонных звонков, без проверки электронной почты, без укоров совести. Только мы вдвоем — я и море.

Полет проходил без происшествий. Самолет уже развернулся над водной гладью и нацелился на конечную точку маршрута. Командир корабля объявил о начале снижения. Две синих стихии — море и небо — перетекали друг в друга в рамке иллюминатора.

Внезапно самолет начало трясти. Сначала неявно, едва ощутимо. Потом все сильнее и сильнее. Через пару минут нас швыряло и раскачивало из стороны в сторону. Несколько пассажиров начали кричать. Где-то в передних рядах отчаянно заплакал ребенок. Мой сосед справа тихо молился, закрыв глаза и стиснув подлокотники кресла.

«Вот и все, — подумала я. — Жалко. Никто не узнает». Неприятный голос у меня в голове произнес: «Ты же хотела только вдвоем — ты и море. Вот вы и встретитесь».

Людской страх и отчаяние металось внутри железной коробки. Тело и разум отказывались повиноваться. Никак не вспоминалась следующая строка после: «Отче наш, Иже еси на небесех!»

Неожиданно мой мечущийся взгляд споткнулся о нечто странное. Этого не могло быть. Но по тому, как постепенно смолкали шум и крики, я поняла, что вижу это не только я. Со стороны багажного отсека по проходу между кресел по ковровой дорожке шел кот. Красивый, дымчато-голубой, чистокровный британец. Он был величественен и неспешен.

Казалось, у него есть какая-то цель и он намерен ей следовать. Пройдя вдоль половины рядов экономкласса, кот остановился и лег. И начал умываться.

Все звуки в салоне, не считая шума двигателей, прекратились. Люди смотрели на умывающегося кота. Закончив наводить красоту, британец прикрыл глаза и заурчал. Это слышал каждый, хотя кошачье урчание было не громче обычного. Он урчал, и от этого мирного, домашнего звука лихорадка, бившая стальное тело самолета, стала утихать, тряска становилась все слабее и слабее. Когда лайнер окончательно выровнялся и вернулся к плавному движению, кот встал, направился в сторону кабины пилотов и исчез за занавеской, отделяющей кабину от пассажирского салона.

Через двадцать минут раздался голос стюардессы: «Дамы и господа, мы приземлились в аэропорту Барселоны. Пожалуйста, оставайтесь на своих местах до полной остановки». Может быть, на самом деле она сказала: «Дамы и господа, мы разбились об аэропорт Барселоны. Оставайтесь на своих местах до полной остановки на том свете»? Мало ли что я обнаружу, когда выйду из самолета...

Как тонка грань между реальностью и вымыслом, между жизнью и смертью, между добром и злом. Где стоит то зеркало, через которое наш привычный мир утекает в неизведанные миры? Мы сражаемся в одиночестве или ангелы-хранители стоят за нашей спиной? Реальна ли мистика или же мистична наша реальность?

Дуэль слов, дуэль мировоззрений, дуэль света и тьмы. Именно об этом пишут авторы, с чьими произведениями вы познакомитесь на страницах сборника, который держите в руках. Хорошего вам чтения!

Ольга Рыбакова

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ

<i>Евгений Агуф</i>	7
<i>Зинаида Кокорина</i>	16
<i>Дмитрий Ильин</i>	25
<i>Сергей Ворошилов</i>	35

ПРОЗА

<i>Мари Веглинская</i>	42
СТЕЛЛА	43
ЦЕЛЬ	49
ЧЕРТОВА МЕЛЬНИЦА	58
СМЕРТЬ ЗАБЫЛА ПРО МЕНЯ	64
<i>Микаел Абаджянц</i>	74
ВЕРОЯТНОСТЬ ПОЛЕТА	75
НАВАДА	90
<i>Ольга Грушевская</i>	100
ТАМ ЖИВЕТ ЭМО	101
<i>Рустам Карапетьян</i>	143
УЛЬМА	144

Игорь Бурдонов	152
ОБЫДЕННЫЕ ВЕЩИ	153
ДОРОГА И ПУТНИК	169
ОБРЕЧЁННЫЕ НА ДУЭЛЬ	172
ФАРФОРОВЫЙ КИТАЕЦ	174
Ольга Уваркина	179
ДЕНЬ АНГЕЛА, ИЛИ НОЧЬ ИСТИНЫ	180
ТЫ ЖИВИ...	187
Всеволод Круж	192
МИСТЕР ИВНИНГ	193
Алексей Казарновский	208
МОНАСТЫРЬ МИХАИЛА АРХАНГЕЛА	209
ПОРЧА	224
Анна Народицкая	236
ВДЫХАЯ ВЕТЕР (<i>фрагменты из повести</i>)	237
БЕССОНИЦА	252
МЕТАМОРФОЗА	254
ПОСЛЕДНЯЯ КАПЛЯ	257
Алёна Чубарова	260
ТРУЗИК И СФИНКСА. <i>Пьеса</i>	261

ПОЭЗИЯ

Евгений Агуф

Думаю, никого не удивлю, если буду утверждать, что сам процесс появления стихов — процесс мистический. Каждый, кто пробовал писать стихи, описывает свое состояние по-разному, но в стихотворчестве всегда присутствует элемент чего-то необъяснимого, непознанного.

Я далек от мысли определить всю поэзию как мистику, но к тонким мирам, где хрупкость чувств и эмоций не хочется объяснять, где любая конкретика разрушает искренность эфемерности, без сомнения, можно отнести большинство стихов любовной и философской лирики. Любое рассуждение о сущности и бренности бытия — прикосновение к мистике непознанного, к ощущениям, описать которые возможно лишь в стихах, а их не хочется препарировать и рассматривать в микроскоп...

Как врач я мог бы объяснить любовь уровнем и сочетанием разных гормонов в организме большого (влюбленного), но зачем? Я знаю причины, по которым человек взрослеет, стареет и умирает, но какое это имеет значение, когда я рассуждаю о мистике, которая есть везде, даже в обычной повседневности.

В психоанализе и психологии есть понятия двух сходных по ощущениям явлений — дежавю и жамевю. Проявляются эти ощущения в виде острого осознания исключительности происходящего, похожего на катарсис. При этом дежавю — ощущение уже виденного, а жамевю, наоборот — ощущение никогда не виденного. На мой взгляд, уровень литературной ценности стихов можно оценивать по способности вызывать у читателя эти ощущения.

Если стихи ничего не открывают и ничем не удивляют, значит, они слабы. Я уже не говорю про «момент истины», когда автор стихов делится с читателем (слушателем) чем-то уникальным, будь то неожиданный взгляд на природу или великолепная рифма в сочетании с искрометным литературным языком.

Вся мистика и волшебство стихов в оригинальности авторского ракурса!

Ангел, ты проходи...

Ангел? Ты проходи. Наливай — заправляйся.
Нет, дрова не нужны, и любовь — на все сто.
Ты — который хранитель? Давай, лучше к мальцу...
Мне уже ни к чему. Он — мой внук, если что.

Да, я знаю, ты сможешь — храни вас обоих...
Пусть поспит. Да и ты утомился, небось,
Прикорни, я тебя старым пледом прикрою.
Спите, ангелы, так, как мне в детстве спалось.

Печалью губ...

...накинь на сердце обруч слов прощальных,
разлей сургуч, расплавленный собой.
Печалью губ скрепляю расстоянье,
в надкушенную память пряча боль.

За острым краем сладких прегрешений
угрызенная совестью судьба
со списком воздаяний и отмщений...
но время есть до главного суда.

Читая прошлое в глазах своих детей...

Мы повторяем будущность сегодня,
Читая прошлое в глазах своих детей,
Они нам кажутся красивей и умней,
Но, всё же, многократно сумасбродней.
Им не хватает многого пока,
Чтоб окунуться в будничность рутины
И ощутить, как им необходима
Тобою пережитая строка.

Чужой души священные потёмки
В несчастье затерявшейся семьи
Сквозь призму лет и чаянья свои
Отыщут повзрослевшие потомки
И удивятся — как же глубоки
И утончённы были наши души,
Как пробовали мы друг друга слушать
И, как они, страдали от тоски...

До горизонта выжженное поле

До горизонта выжженное поле,
Где воздух — тлен и пригоревший хлеб;
В нём суп из судеб и предсмертный бред
Ушедших на войну по чьей-то воле.
Здесь в каждом вдохе их последний вздох,
Мальчишек, заигравшихся в стрелялки;
Им выдали патроны, ПТУРСы, танки,
Калаш, гранату, форму, роту... взвод...

Их столько полегло в грязи обочин,
Успевших разувериться в Христе,
Принявших смерть свою не на кресте —
В слезах, проклятьях, криках что есть мочи...
И нет прощенья тем, кто им солгал,
Что там, в Раю, прекраснее, чем в жизни...
Но продавцы разграбленной Отчизны
Не слышат ими преданных солдат.

Душа опять...

Душа опять отправлена трудиться,
Ваять стихи и сочинять дома;
И годы вскачь, и слёз по стремяна
В моих словах, на времени и лицах...

Но реки слёз осушит бог времён.
Лишь память, оставляя мне морщины,
Воспоминаний груз кладёт на спину,
А я с улыбкой вновь иду вперёд.

Я помню...

Я, помню, с детства кладбищ не любил.
И на поминках умирал от скуки —
Неловко наблюдать чужие муки,
А на сочувствие — ни слёз, ни сил.
Там череда привычных ритуалов,
И речи — хорошо иль ничего.
Был человек. Щелчок — и нет его.
И место, где он жил, холодным стало.

Вдруг понимаешь, пусто без него.
Ещё один... и круг родных редет,
За ним и те, кто ближе, кто роднее...
И кладбище — как старое село —
Я кланяюсь, здороваюсь и плачу,
Стою у ног родных, врагов, друзей.
Всех примирила смерть, она сильней
Любви, вражды и слёз моих в придачу.

Во мне любви к отеческим гробам
Не больше, чем к каким-то упаковкам,
И я, как в детстве, чувствую неловко
Себя, когда иду на встречу к вам,
Полить цветы, поправить холмик свежий,
Произнести какие-то слова...
Всё меньше нас, кто не ушёл сюда.
Всё больше тех, к кому приходят реже.

На рубеже из молодости в старость

На рубеже из молодости в старость
Готовлюсь к увяданию в зеркалах.
Грешил, конечно — я же не монах —
Бывало, по грехам и воздавалось.
Теперь соблазнов меньше, прыть не та,
И ночь длинней, и звёзды помельчали,
Всё чаще бесконечными ночами
Гостит в ногах могильная плита...

Она ещё не скоро пригодится,
Но с ней спокойней, есть о чём мечтать;
С портрета с укоризной смотрит мать,
А в изголовье тенькает синица...
Нет, это не уныние, друзья!
Надеюсь погрешить ещё немного
В компании весёлого народа
И в философских дебрях бытия

С бокалом коньяка, в руке согретым,
Не бронзовея серебром волос.
К сердцам детей подвешиваю мост,
Вплетая в ванты нервы и сонеты,
В которых мёд отцовской прямоты
Соседствует с полынью правды-матки,
Где циник и ханжа играют в прятки
На завитках багетной красоты.

Спасибо всем, с кем был азартно грешен,
С кем пил, курил и бился в преферанс...
В грехов неполном списке помню вальс
И губы вкуса лопнувших черешен.
С плеча сдуваю дней ушедших прах
И беспощадной памяти усталость.
На рубеже из молодости в старость
Готовлюсь к увяданию в зеркалах.

Пуля-дура

Медленно-медленно... боли не чувствую...
Память врачующим тонким бинтом
Мягко ложится на кромочку хрусткую,
Чтоб устоял на краю, а потом...

Капля нечаянной смерти расплавленной
Не удивляет своей простотой —
Дети долюблены, вежи расставлены.
Вот только жаль, не увижусь с женой...

Знал я, конечно, но всё так не вовремя...
Что же так лопнуло где-то в груди...
Что-то хотел попросить, не припомню я...
Ты не забудь, за меня попроси.

Расстрел

С грохотом проламывая череп,
Мчится пуля к выходу, на свет.
Господи! Зачем в расцвете лет?..
Почему молчал ты до и перед?
Почему ты не остановил
Жернова бездушного цинизма,
Впопыхах исполнившего тризну,
Расстреляв того, кто не убил?!

Судя по тому, как торопились
Наскоро исполнить приговор,
Кто-то на боку дыру протёр,
Даже кончик шила чтоб не вылез.
Брызнул череп выстрелу в ответ,
Закрывая в прошлое страницу...
И застыл вопрос на бледных лицах:
«Господи! За что? На взлёте лет...»

Мечта, умевшая любить

Нет проку тешиться надеждой,
Что за вокзалом есть перрон,
Что можно, вдруг, забыться сном,
В котором я живой и прежний.
Вода, прошедшая сквозь смерть,
На землю выпадет слезами,
Смывая жизнь с осколков стали,
Пытаясь память мне стереть...

Мечта, умевшая любить,
От крови отстирает платье.
Забыв зловонье и проклятья,
Когда-нибудь я буду жить...
Сорвав оклад, как ключья плоти,
С иконы праведной любви,
Я вижу зарево войны
На закопченной позолоте.

Главное — ...

Хочешь без срока мыкать
дни, что ночей темней,
чтобы глаза навьют
от беспросветных дней?
Щи, говоришь, и беды...
Штопай, вари, вяжи...
Главное — это небо,
где не бывает лжи,
где поцелуй на ужин,
любящий взгляд в обед.
Счастье — когда ты нужен
той, кто нужна тебе.

Почти святой

Витая в послевкусии восторга,
Отмаливал приятные грехи
Так лицемерно и... богоугодно,
Что грешен был до гробовой доски.

Испытания

Всё то, что нас не убивает,
нас делает сильнее ¹.
Не каждый день, но так бывает —
нас вешают на рее;
еретикам сжигает пятки
костёр, сменяя дыбу.
Судьба играет с нами в прятки,
нас скармливая рыбам.
Мы не становимся сильнее,
мудрее и радушной.
В бараний рог свернувшись, блеем,
молясь о доле лучшей,
и подставляем снова шею,
со щёк стирая соплю.
Мы стали бы ещё сильнее,
когда бы не подошли.

¹ Ф. Ницше

У Времени в костре

Кажется, что время всё быстрее,
А оно, как раньше.
Корчится во временном костре
Позапрошлый мальчик.
Помню, раньше — вижу стрекозу,
Время исчезает;
А недавно день провёл в лесу,
Пробежал по краю —
Пару дюжин рыжиков нашёл
С белыми грибами,
Ягод в целлофановый мешок...
И часы устали —
Стрелками заплакал циферблат,
Значит, полшестого.
Нет, нельзя минуточку назад,
Чтобы время снова
Мчалось с каждым годом всё быстрее,
Как казалось раньше.
Корчится у Времени в костре
Престарелый мальчик.

Зинаида Кокорина

Тема альманаха: «Тонкие миры» — несколько озадачила меня... А есть ли у меня стихи, связанные с мистикой? Углубившись в смысл этого понятия, я вдруг осознала, что любое авторское произведение имеет связь с мистикой, учитывая, что само слово мистика, или мистерия, подразумевает что-то загадочное и волнующее. Даже если мы пишем о совершенно реальных вещах, все равно вкладываем в произведение какой-то вымысел, то есть трактуем со своей точки зрения. Вот так мы и становимся факирами, способными творить чудеса.

Когда-то я, поддавшись настроению, написала стихотворение «Я не дух». Спустя много лет в моей жизни произошла мимолетная встреча с человеком, который оставил в моей судьбе тот самый след, о чем намного раньше я и написала в этом стихотворении. Получается, что я предсказала себе судьбу. Не связь ли это между реально существующим и мистическим? Пожалуй, это и есть мистика в литературе — художественное средство или истинное мироощущение писателя.

Не буду далее философствовать и анализировать в таком ключе каждую мою работу в этом альманахе («Дежавю», «Уймись, тоска» и др.), но соглашусь с тем, что мистика — это в философии бытия очень широкое понятие, которым можно называть все то, что не поддается разумному объяснению. Мистика — это то, что позволяет нам приблизиться к чему-то волшебному и расширить границы собственного сознания.

Живу в г. Королёве Московской области с 1998 года. По образованию инженер-энергетик.

Поэт, публицист, пишу для детей стихи и прозу. Более подробно обо мне — в предыдущих альманахах.

Год Обезьяны

Год девятый в Зодиаке
был подарен Обезьянке.
Вот и в этот Новый год
к нам затейница идет.

Вредничать Овца не станет,
трон уступит Обезьяне —
среди знаков больше всех
ей сопутствует успех.

Впечатление обманно,
что любезна Обезьяна:
своевольна и умна,
презирает всех она.

Интриганка, оптимистка
и хорошая артистка:
на волнах удач, со смехом,
соберет плоды успехов.

Люди года Обезьяны
в действиях непостоянны:
с темпераментом таким
требуются стрессы им.

Обладают здравым смыслом,
адаптируются быстро.
Успевая там и тут —
к цели заданной придут.

В этот год, сказать уместно,
много личностей известных
появляется на свет.
В длинном списке точки нет:

* * *

Я не Дух,
чтобы, коснувшись глины,
Человека из нее слепить...
Но — слепила!
Чтобы быть любимой,
в счастье окунуться
и любить!
Чтобы взглядов
всполохи-зарницы
проникали в пальцы —
до ногтей...
Чтобы в чувствах пылких —
раствориться,
Не стесняться наготы своей
...и — гореть!
Пока не стихнут страсти.
С совестью не спорить,
не жалеть...
Наслажденье мигом —
тоже счастье!
Даже если мигом —
чтоб гореть!

Духи чувства в нас с тобой
вселили,
А про то, что люди мы —
забыли.
Потому любовью неземною
было счастье,
слепленное мною.

Что есть добро

Кто доброе сеет — добро его плод,
Кто злое посеет — злодейство пожнет.
М. Саади
Лишь доброе одно бессмертно...
Ш. Руставели

От теплых чувств добреют люди,
Светлей становится вокруг!
Добро — хранитель наших судеб,
Добро — здоровью верный друг.

Когда не в радость неба серость,
Ты волю грусти не давай:
Всплакнет пусть — если наболелось...
Слезинки неба — почве рай!

Ты улыбнись подарку неба —
Пошли ему свой теплый луч.
Хмарь облаков согреет нега —
Пробьется солнце из-за туч!

Уймись, тоска...

Не по пути нам, серая, поверь...
Не лезь клешней в мои печали,
Не прилипай в момент отчаянья
И перед жалостью не лицемерь.
Ты — мгла. Ты — туча. Ты — затмень...
Я — луч. Тебя прожгу я светом!
Я растоплю завесу эту
И растворюсь в дожде осеннем...

Дежавю

...За посёлком дачным,
поплутав в песке,
прячется дорога
в небольшом леске.
Дальше по тропинке
в лес я не пойду...
Мне, через низинку,
к дальнему пруду.

Всё как раньше было:
впереди овраг,
словно приходила
я сюда вчера.
Вот обрыв высокий...
Спрыгнуть вниз — пустяк!
Высока осока...
Что-то здесь не так.

Нет, не всё как было —
изменился лес.
Высохла рябина,
ручеек исчез.
Ивушка упала —
косы в борозде...
— Что с тобою стало,
стан твой гибкий где?
Как ты любовалась
в зеркале пруда...
С ручейком шепталась...
Но ушла вода.
Загрустило сердце...
Побреду в обход.
Так хотелось в детство
заглянуть...
И вот...

В зарослях блеснуло —
значит, мне туда!..
...Время не коснулось
моего пруда.
Разве обмелел чуть
да зарос травой...
Но теперь не в том суть —
вот он пруд, живой!
Всё здесь сердцу мило:
стебелёк сорву —
так когда-то было...
Это — дежавю.

Счёт ведут кукушки,
шелест камыша,
выпрыгнуть лягушки
из-под ног спешат.
В лодочках-листочках
посреди пруда
нежатся цветочки...
Всё ли как тогда?
Хоровод кувшинок
поменял наряд:
нет почти пушинок
белых, но горят
жёлтые лучинки...
Пруд помолодел,
Как в горох косынку
к празднику надел!
Может, этот праздник —
встреча их со мной?..
А как я-то рада,
Что мой пруд живой!

Дорого здесь всё и свято!
Этим я живу,
чтоб пришло опять когда-то
чувство «Де-жа-вию».

Закат

Там, далеко, где догорают свечи, —
заката огненная благодать!
Крадётся тихо к горизонту вечер,
гуашью синей затемняя гладь.

А солнце над холмом притормозило,
любуюсь в отражении собой.
Какая-то притягивала сила
его в прохладный омут на покой.

Луч золотой всё делался короче...
Всё ниже опускались облака...
Лениво уступая звёздной ночи,
в морской пучине засыпал закат.

* * *

Наверно, в жизни той была
я вольной птицей...
Мне и теперь бы два крыла,
чтоб устремиться
ввысь,
в простор, манящий взоры,
где только облака...
Под ними пики-горы
и я, как облачко, легка...
Но ветер не щадит крыла
и требует смириться...
Наверно, в жизни той была
я вольной птицей.

Марине

Разбросанным в пыли по магазинам
(Где их никто не брал и не берет),
Моим стихам, как драгоценным винам,
Настанет свой черед.

М. Цветаева, 1913 г.

Время — мы — и ты, Марина, —
Звенья — цепочки — одной,
Скованные — воедино
Вековою — суетой.

Те же: август — с ливнем звёздным,
Две руки, как два крыла,
алые рябины грозди...
Ты, Марина, не ушла!

Вечный привкус: горечь — горе,
на губах твоих... и — грусть.
Ты жила, с судьбою споря
И любя гордыню-Русь!

Искры брызгами фонтана
В сжатый стих рвались строкой.
Обратилась к Богу рано
Ты с молитвой — на покой.

Времени хвала — не вечно!
Путь, извилист и тернист,
Растворился — в Вечном — млечном...
Слышишь?! Одинокий лист
Жёлтый явственно и ржавый
На вершине не забыт!

Стих твой, предречённый к славе,
Вкусом — горечи — пленит!

Дмитрий Ильин

Родился в 47-м году прошлого века в Москве.

Сотрудничал как художник и композитор с театром «Комедиантъ» благотворительного фонда «Фарватер», где принимал участие в постановке спектаклей «Он — сам» (по биографии В. Маяковского), «Мудрый проказник», «Мой Гамлет» (поставленный в музее В. Высоцкого и Театре на Таганке на Малой сцене), «Четыре выхода из треугольника» (по пьесе Г. Ару), а также в «Театре Трех Муз» (рук. Л. Грибова). Работаю художником в Московском областном театре юного зрителя.

Начал публиковаться с 1998 г. с подборок стихов и мистической поэмы «Путь», позже были публикации в литературно-художественном альманахе «Царицынские подмостки» (2004 г.), сборниках поэзии и прозы «Юбилейная книга» и «Серебряный век» (2013).

В 2015 г. опубликовал свою первую книгу стихов «Люби, как снег идет».

Победитель V Московского открытого конкурса фестиваля «Васильковая Русь» и др.

Награжден юбилейной медалью МГО СП «М. Ю. Лермонтов».

ПУТЬ

отрывки из поэмы-мюзикла

II

Над бессонным океаном сонмы стройные светил!
А суда плывут туманом, напрягая грудь ветрил.

И волна одна целует их в обшивку крепких щёк,
да акулы тонко чуют с борта брошенный кусок.

Заклочила ночь в темницу паруса и небеса,
и не хочет торопиться звёздный обод колеса.

Спят команды, капитаны, а на вахте у руля
зорко смотрят, полупьяны, рулевые в стакселя.

Но в одном морском роскошном из идущих кораблей
светит над водой окошко, как избушка средь зыбей...

И когда бы можно было быть тогда в каюте той,
кровь от страха бы застыла: призрак —
прямо как живой.

Там горит бокал рубином в стеариновом огне!
А камзол — узор старинный — заплутает взор вполне!

Vis-a-vis смеётся звонко и подхватывает *mot...*
Просто милая девчонка!

Но так тонко...

Соль и лёд.

— Ваша светлость...

— Просто герцог!

— Мы слышаны о вас,

ни одно, поверьте, сердце...

— Вам — мой искренний рассказ. —

Бледной кистью стиснул призрак
в голубых сединах лоб
(это исповеди признак — запишу, грози хоть гроб!..)

III

Рассказ Герцога Бернара Де Монрагу

1

— «Я не знаю, в каком я году
Уходил... И в каком я приду.
Знаю вас, знаю струны и сны,
Знаю: вина и губы красны...
Старый замок в туманах продрог.
Дряхлый пес — бывший рыжий щенок —
Всё горюет и в кухне лежит:
Он огонь в очаге сторожит.

2

Только клён желто-рыжим вихром,
Словно солнце над сизым двором...
Только моль на дорожном плаще,
Мост подъемный в зелёном плюще...» —

(мелодекламация под отыгрыш)

герцог смолк, но всё зримее в нём
чародейство горело огнём:
краски ярче, плотнее черты.

В вазах жарко раскрылись цветы!
Белых, чайных и палевых роз
аромат колыхался и рос.

За бортом отражалось в воде,
как корабль приближался к звезде...
— «Были веселы мы и смелы!
Рог охотничий, запах смолы,
Своры лай — разносились окрест,
Мы с охотой несли этот крест.

3

А по замку несли сквозняки
Запах мяса и свежесть реки!
Да пиры и длинные, и шумны...
Нас боялись в глуши кабаны!
Но однажды от жажды ночной
Я проснулся над лунной рекой.
Даже псы не скреблись, легаша,
Лишь шуршали в тиши камыши...

4

В душу пристальный взгляд ощутил,
Но ответить как не было сил.
Помню: призрачный луч — будто меч —
Онемевших касается плеч.
Засветились кусты и стволы
И ни сна не осталось, ни мглы.
Я один — ни друзей, ни собак.
Не узнать это место никак!

5

Слышу пение эльфов кругом!
Вижу — гномы танцуют с кротом!
В перламутровых рощах лощин
Вьются феи у гибких лещин.
Этой музыки мне не забыть!
Этой мудрости мне не избыть!
Всё земное спало в тишине,
Всплески только на лунной волне...

Было знаменье в свете берёз:
 Лучезарная, в венчике звёзд,
 Светоносная Дева сошла
 И сияньем на мир изошла...
 С той поры синим заревом чар
 Я ношу тот Божественный дар.
 Но не знаю, что скажет судьба,
 Вызвав именем вашим сюда...» —

IV

Бернар умолк.
 И слух заполнил плеск
 Волн за бортом и скрип снастей в натуге,
 А лиц *en face* — блик свеч и лунный блеск —
 Явили зренью двойственность в натуре.

— Спасибо вам за искренность, и я
 Отвечу тем же. Но сперва — иное:
 Открою скрытый смысл бытия —
 Я на Востоке слышала такое.

Тогда всё пело — на душе легко!
 Давно то было, да и далеко...

V

«Воспоминание»

1

Душа в рожденье не вольна!
 Она — волна круговращенья
 Живого от небес до дна
 Земного плотского ращенья!

И наступает в свой черед
Её в юдоли пребыванье —
Как первое её дыханье
На помощь криком нас зовет!..

2

Связует память плоть и дух
Живую неразрывной нитью.
Так в детстве сердцем тонок слух,
И зорок взгляд — сродни наитью.

Безумством юности страстей
Мы дань за жизни дар приносим,
И лестных благ так жарко просим,
Не видя связи всех частей!

3

В забвеньи тайных днесь пружин
Мир Божий любим-ненавидим:
На карусели мы кружим —
Нам механизм её невидим!

Но может зрелость сбавить ход,
Прорезать зренье глаз и сердца,
Тогда в ограде скрипнет дверца
И с круга кто-нибудь сведет...

4

Душе откроет путь без пут,
Где детства с осенью сращенье.
Наш райский сад! Нас вечно ждут
И ветви гнутся угощеньем.

(отыгрыш)

А птицы — Ангелы!
 Взглянуть
 Когда-нибудь!
 Когда-нибудь...
 Когда же в путь?!»

XI

В рынду ударили.
 Склянки двойные
 стуком сердечным:
 его позывные...

Встала — в испуге вспорхнул попугай!

И...

Словно вдруг воздух сменился
 — как призмю свет преломился —
 всё стало так резко:
 тушью пером прорисованы вещи;
 слева тычинка цветка всех короче;
 в старом пергаменте смытый был текст.
 Плавных движений не стало — рывками,
 но приглядеться — не сразу, напльвом.
 Маятник странно застыл на отлете.
 Красных сполохов
 мерцания,
 блики
 отсветом синим
 — чуда улики —
 мнимо смешались
 в пульсе свеченья:
 магия Тантры
 — не отреченья!

В свете слепящем
отпрянули
стены!
Теней не стало!
Над головою
бешеное вращение:
пены?
или огня?
— Не поленьев! —
Сияние
белое снежное смелое...

ИМЯ!

Мягко корабль потрясло заклинанье.

ЗВАНЬЕ!

Жёлтые струи рассыпали искры
в ком нежно-розовый:
коловращеньем
рос,
распухал —
занял каюту,
вышел за стены...
Будто следами размытыми сани
воздух прорезали под небесами
светом по свету...
Звучало движенье
волн,
переливов биенье,
круженье,
перебеганье без формы
— смешенья...
Магия Тантры
— не отреченье!
Силой кромешной
заверченный

смерч
света без цвета
— вихрь беззаветный —
тянется вниз!
Тянется ввысь
из нагнетания
приобретения
магии силы
огней бормотанье
в детские шёпоты,
в нежные лепеты
лепит мозаику
музыки слова,
снова и снова...

И проступил в колыханье огня

ЗАГОВОР

слов
среди белого дня:

XII

«Ведомы мне
вины на зле!
Угли на тле
жгутся в земле!
Губы не ждут —
жажда сильна!
Жаден — дадут.
Жарок — до дна!
Пылом пали,
пылью пади,
чихом зажги,
разбреди
мёдом — язык,

тело — огнем!
Вон из избы
сердце костром!
Зависть и совесть,
немочь и прóесть,
перечь и почесть
корчами вскочат
из-под полы!
В полночь и полдень,
дымом и домом,
лесом и плёсом,
сиднем и плясом,
колом и пряслom,
конным и пешим,
лешим и бесом,
с другом прелестным
заговори!
Будет любовь, будет любовь, будет любовь!
Жаркая кровь,
углем замри!»

ХІІІ

Будь кто-нибудь вблизи от корабля,
светящий столп увидев — пал от вида:
просвечен трюм, прозрачны марсея
и в тучах свет, как след пути болида!

И, будь наш зритель добрый христианин,
увидел бы Иакова под ним...

Сергей Ворошилов

Тонкие миры, хоть и находятся рядом, не сразу пускают к себе. Чаще всего дверь туда приоткрывается для человека творческого, ищущего через самопознание ответы на извечные вопросы о жизни, смерти, судьбе. Наверно, близостью к тонким мирам и можно объяснить пророческий дар, приписываемый многим поэтам.

Проживаю в Петрозаводске (Республика Карелия). Кандидат технических наук, заслуженный изобретатель Республики.

Кроме поэзии увлекаюсь охотой, спортом.

Стихи печатались в альманахах, сборниках, периодике. Член МСП «Новый современник».

Стихотворение «Ноябрь в Заонежье» заняло 1-ое место в номинации «Поэзия» конкурса «Тонкие миры», организованного МСП «Новый современник» и Моссалитом в 2015 г.

Ноябрь в Заонежье

Где средь воды несут дозор
три валуна с моренной груди,
утих, закашлявшись, мотор.
Покой и гладь у рыбной луды ².
Молочен воздух.
Пеленой
с небес свисают гроздья снега,
а в дно кижанки ³ подо мной
скребется сонное Оного.
В тиши весла унылый всплеск,
глухое звяканье уключин.
То ль чешуи зеркальный блеск
глаза слепит,
то ль снег колючий...
Плыву я будто в небесах,
попав под саван белоснежья.
Шуга шуршит ли,
голоса
ушедших душ из Заонежья.
Скатало небо в снежный ком
что есть и быть могло вначале:
хоть с предком не был я знаком,
но вместе нас волна качает.
Крещёные одной водой,
мы грезим
в думах о Завете,
и Петр апостол молодой
рукой нам машет, ставя сети.

² Луда — отмель на озере (карельск.)

³ Кижанка — тип лодки жителей Заонежья.

Ветряная мельница

На брови шапку нахлобучив,
Она глядит в колючий снег,
Как будто выросший над кручей
Взметнувший руки по-паучьи
Витрувианский человек.

Смотрю до головокруженья
На древний нечисти оплот
И чую гнёт уничиженья,
Терпя бесславно поражение,
Как пресловутый Дон Кихот.

И мнится мне: через коросту
Времён, ушедших в пелену,
Она строчит сигналы в космос
Про человеческую косность
В урбанистическом плену.

Бабочка

Смотрю на радужные крылья...
Калейдоскоп.
Мираж.
Полёт.
Космической припудрен пылью
Иных миров незримый код.
Здесь неразгаданным секретом
Разбрызган кратерный пейзаж,
Чужие звёзды и планеты,
Лиловый выткан антураж...

Глаза на крыльях!
Будто Космос
Глядит открыто, не таясь,

Пройдя легко сквозь мыслей космы,
С душой налаживает связь...
А, может, ангел синеокий,
Присев на ложе василька,
Напоминает про Истоки
Невинным взглядом мотылька...

Осенние колокола

Голосом осени
небо расколото.
В куполе гулком колотится колокол.
Мысль покрывается кожей гусиною:
Хватит хвататься за землю осиною.
Машет, зовёт меня облако белое.
Вырваны корни.
Не чувствую тела я.
Голос гортанный,
ничто человеческого.
Крылья растут
за спиною,
у плеч моих.
Звуки призывные.
Стаи гусиные.
Вот оно небо — тревожное, синее,
где рассыпается птичья
бессонница,
где голосит колокольная
звонница,
где над земными безликими лицами
я воспарю с перелётными птицами.
Смилуйся, Господи!
Что же я делаю?
Крылья упругие.
Взмахи несмелые.

Голубь

Над туманами лечу сонными,
Мирной птицей над зарёй розовой.
Извела война страну стонами,
Хутора пожгла огнём-грозами.

Злобно белая хрипит конница,
Кровью знамя растеклось красное.
На постой к моей жене просится
Брат победу надо мной праздновать.

Вот и полюшко внизу бранное.
Напилось оно людской кровушки.
Ох, судьбинушка моя странная.
Кто женой звалась, теперь — вдовушка.

Был в бою на поле том ранен я,
Взрывом страшным был сметён в сторону.
Если, люди, рассудить правильно,
Рады войнам разве что вороны.

Санитарка подползла смелая,
С волосами, как пожар, рыжими.
А сама-то, будто смерть, белая.
Потерпи, браток, твердит, выживем.

Гимнастерку рвёт мою в полосы.
Ничего что молода — сильная.
Помню только, будто медь волосы
Да бездонные глаза синие.

А вторым снарядом так ахнуло,
Что я больше не видал девицу.
Где-то тут лежит, поди, прах её.
Мелет всех людских забав мельница.

А очнулся — ручейки вешние...
И бегут куда-то ввысь, кажется.
Что ж мы делаем с собой, грешные?
Не любить хотим, а лишь вражиться.

Слышу, будто бы поет скворушка,
И журчит с высот его песенка.
Аж комок мне подкатил к горлышку.
Вдруг гляжу, а в небеса лесенка.

Лезу вверх я, к облакам вышитым.
Поднимаюсь над землей благостно.
Хороша, друзья, земли крыша-то.
Лезу, значит, на душе радостно.

Глядь, на облаке сидят ангелы.
И давай они меня спрашивать:
— Ты от красных аль боец Врангеля?
Напужались. Стало быть, страшный я.

Приютите, говорю, сироту.
Поделитесь, говорю, крыльями.
Жить мне с вами не с руки. Сыро тут.
И наощупь облака мыльные.

Строго глянули небес сторожи,
Понахмурились, смотрю, лицами.
— Значит, требуешь, боец, пёрышек?
Будешь ты теперь, солдат, птицею.

Понахохлились. Сидят кучно так.
В думах свесили на грудь головы.
А по правде говоря, скучно там...
Я уж лучше в дом родной, голубем.

Лесное Диво

Когда со скал змеиной кожей
В овраг сползает талый снег,
Тревожит дебри осторожный
Лесной не зверь, не человек.

Живёт, людей не беспокоя,
Росой и дождиком умыт.
Лишь иногда у водопоя
Он оставляет след копыт,

Витютнем пробурчит ворчливо,
Совой хихикнет у пруда
И прячется Лесное Диво,
Уходит, как в песок вода.

И знают люди — шутит леший,
Живущий в низменном бору...
А я вчера, оторопевший,
С ним повстречался поутру,

Когда в малиновом тумане,
Раздвинув сонные кусты,
Увидел чудо на поляне,
Лицо уткнувшее в цветы.

Там увлеченно, терпеливо,
С улыбкой кроткой на лице,
Плело венки Лесное Диво,
А нос был вымазан в пыльце.

ПРОЗА

Мари Веглинская (Светлана Сударикова)

Однажды великому китайскому философу Чжуан-цзы приснилось, что он бабочка, легко порхающая над цветами. Проснувшись, Чжуан-цзы не мог понять, кто он: философ, которому приснилось, что он бабочка, или бабочка, которой приснилось, что она Чжуан-цзы. Нам кажется, нет, мы даже уверены, что живем в реальном мире. А есть мир нереальный, таинственный, мистический, плод нашего воображения. Именно из этого таинственного мира к нам приходят пророческие сны и необъяснимые явления, загадочные посланцы, гадалки, откуда-то знающие будущее, провидцы, которым открываются скрытые от посторонних глаз истины. Мы верим и не верим в этот мир. Всем невероятным событиям мы пытаемся найти рациональное объяснение, а если не находим, то просто говорим: этого не может быть. Как заметил гениальный Циолковский: «Если вселенная бесконечна, то в ней есть место всему». Но где та тонкая грань, что разделяет миры? Да и есть ли она? А может быть, иллюзия — это тот мир, который мы видим из окон своего дома? А тот, что принимаем за мистический, — основная среда нашего обитания? Или наше сознание существует в одном мире, а тело в другом? И переплетение этих миров и есть жизнь. Ведь все наши фантазии и сны так же реальны, как и то, что мы видим или ощущаем, поскольку мы помним их в деталях.

Иногда мне кажется, что мы персонажи какой-то компьютерной игры. Вот только кто затеял эту игру и кто управляет клавишами, заставляя нас перемещаться с уровня на уровень? Однажды мы это обязательно узнаем!

Писатель, главный редактор литературно-просветительского сетевого журнала «Московский BAZAR» в рамках проекта «МОССАЛИТ», общественный деятель в области культуры и искусства.

Стелла

Она буквально свалилась мне на голову, хотел бы я сказать: так неожиданно и резко ворвалась эта девушка в мою жизнь. Она сидела на ступеньках старой церкви и, кажется, просила милостыню. А может быть, и нет. Возможно, она просто устала, или задумалась о чем-то, или просто решила присесть ненадолго. Я и сейчас ничего не знаю о ней, как и много лет назад, в тот ветреный и холодный день. А день был и вправду отвратительный, настоящий осенний день. Ветер гонял по церковному двору ворохи рваных листьев, швырял в лицо мелкий колючий дождь, и ее одежда, такая легкая и прозрачная, бросалась в глаза своей ужасающей несовместимостью с этой слякотной октябрьской сыростью. Мне стало ее жаль, я подошел и бросил монетку в руку, которая спокойно лежала на полубогаженных коленях. Девушка подняла изумленные глаза и посмотрела на меня так, словно я сделал что-то неприличное, затем стала рассматривать монетку, будто впервые видит деньги.

У меня тогда мелькнула мысль, что она умалишенная. Потом, обращаясь ко мне, девушка сказала:

— Я, кажется, заблудилась.

Она не помнила, ни кто она есть, ни откуда пришла, даже не могла объяснить, как очутилась возле этой церкви. Силясь вспомнить, она терла виски ладонями, но так и не вспомнила, только посмотрела на меня то ли виновато, то ли испуганно. И я, разумеется, не смог оставить ее и пригласил к себе.

Кажется, мой дом ей понравился. А может быть, и нет. Я никогда не мог точно сказать, что она чувствует, а она никогда не говорила. Переступив порог, моя таинственная незнакомка сразу же подошла к камину и протянула худые белые руки, такие белые, словно загар никогда не касался их. Тогда я заметил, что и лицо ее такое же белое, будто всю жизнь она провела заперти, там, куда не проникало солнце. Я даже поду-

мал, что ее держали в подвале. Знаете, случается, женщин крадут и держат годами в тайных комнатах, откуда они не могут выбраться. Это как-то объясняло ее беспамятство. Нет, она уже не казалась умалишенной, но чувствовалось, что с ней что-то не в порядке. У нее были потрясающие глаза! Такого глубокого, темного синего цвета, словно Марианская впадина. И в черноте зрачков мерцал огонек, да-да, самый настоящий огонек. Сначала я подумал, что это отражение каминных всполохов, но потом понял, что это ее собственный огонь, спрятанный в глазах.

В моем доме она вела себя так, будто уже неоднократно бывала здесь. Скользнув равнодушным взглядом по древним китайским вазам, которые я коллекционировал, по картинам знаменитых художников, развешенным на стенах, антикварной мебели, она подошла к окну, отдернула занавеску и посмотрела на небо. Дождь перестал, и сквозь рваные лоскутья облаков проглядывала луна, заливая ее лицо стальным ледяным светом. Потом моя загадочная гостья вернулась к камину, совершенно не стесняясь, скинула одежду и нагая села на пол. В тот вечер она больше не проронила ни слова.

Я обратил внимание, что ее совершенное тело сплошь покрыто синяками и ссадинами, словно она упала откуда-то с высоты и долго катилась по земле, ударяясь о камни. Или ее просто били. Потом моя Стелла приняла ванну, и я уложил ее в постель на втором этаже. Она попросила не задергивать занавески, чтобы видеть луну, и тут же провалилась в глубокий сон.

Почему Стелла? Все очень просто. Своего имени она не помнила. Более того, долго не могла понять, что значит «имя», почему-то это слово развеселило ее. На следующий день, сидя перед камином, мы выбирали ей имя. Она пила горячий пунш, завернувшись в плед, смотрела на огонь и внимательно слушала, как я зачитывал ей разные имена. Я читал одно за другим по цер-

ковной книге, а она словно не слышала и вдруг остановила меня:

— Стелла? Это имя кажется мне знакомым. Наверное, так меня звали... Стелла...

Она задумчиво наклонила голову и долго молчала, все так же не отрывая взгляда от огня.

— Да, — сказала она, — я буду Стелла.

Она так ничего и не вспомнила. Лучшие врачи города осматривали ее и сказали, что так бывает при тяжелой амнезии, и когда-нибудь, возможно, память вернется. Я предложил ей лечение за границей, в лучших клиниках, но она категорически отказалась. А я слабовольно согласился — уже тогда больше всего на свете я боялся, что она вспомнит свою прошлую жизнь и уйдет от меня.

Не знаю, сколько ей было лет. Она показалась мне совсем девчонкой, но в ее глазах таилось нечто величественное, глубокое и таинственное, и когда я смотрел в них, то чувствовал себя глупым мальчишкой. Иногда вечерами, когда мы сидели в гостиной, языки пламени в камине вдруг туманили мой мозг нелепой игрой, и мне начинало казаться, что в ее светлых волосах мерцают нити звездного света, а в облике есть нечто неземное. И даже в голосе слышался шум ветров из далеких галактик.

С тех пор мы никогда не разлучались. Стелла почти ничего не говорила, лишь банальные фразы, необходимые при совместном существовании: ужин готов, тебе пора, купи хлеба, — или что-то в этом роде. А потом она молчала, погруженная в свои мысли. Хотя временами мне казалось, что она ни о чем не думает, а прислушивается к таинственным шумам, залетающим в дом извне. Она великолепно копировала звуки! Весной, когда в саду запели птицы, Стелла вдруг выбежала на улицу и с потрясающей точностью воспроизвела пение соловья, который как раз сидел на ветке цветущего жасмина и исполнял свои трели. Услышав ее, он замолчал, а когда замолкла она, перепрыгнул на ветку

пониже и запел. Со стороны могло показаться, что она беседует с птицей. Это было чистым сумасшествием с моей стороны — поверить в это, но я не удивлялся ничему.

Наверное, это моя вина, что я так и не узнал ее лучше. Я слишком много времени уделял делам: встречи, контракты, командировки — они отвлекали меня от Стеллы, и у меня совсем не оставалось времени, чтобы посидеть с ней рядом и прислушаться к ее мыслям. Но, поверьте, все это я делал лишь ради нее! Я хотел, чтобы у Стеллы были самые лучшие платья, самые дорогие украшения, самые модные вещи! Я не жалел никаких средств! Глупец, я не понимал, что все эти безделушки были ей так же нужны, как слепому радуга. В результате... нет, она не отдалилась от меня, она просто так и не приблизилась. Ее душа — я чувствовал это — всегда была где-то рядом, но я не мог поймать ее, как не мог поймать взгляда, который, словно проходя сквозь меня, убежал в иные пространства.

Мои друзья не любили Стеллу. Особенно она не нравилась их женам, ведь годы стирали с их лиц свежесть и упругость, превращая юных красавиц в увядающих дам, чьи разговоры касались только модных визажистов, новинок пластической хирургии, светских сплетен, а Стеллу это не интересовало абсолютно. Они завидовали, что я одевал ее в самую дорогую одежду, дарил самые дорогие украшения, сумочки и туфельки из последних коллекций самых модных модельеров, даже шелковый платок на ее шее стоил столько же, сколько у иных весь гардероб. И еще: она не старела совершенно. С тех пор как я увидел ее впервые, на ее лице не появилось ни одной морщины. И только глаза менялись, они становились все темнее, а их мерцание все ярче. Каким-то неведомым, неясным мне способом, она постигала мир, и глаза ее наполнялись мудростью. «Она ведьма, — уверяли меня друзья, — беги от нее, пока не поздно». Я и сам так думал, но как можно убежать от той, что владеет твоим разумом, твоими мыслями,

чувствами. Я был ее добровольным рабом. И, видит бог, я действительно ее любил. Где-то глубоко-глубоко, на самом дне моего разума, скрывалось понимание, точнее даже ощущение, что я владею бесценным сокровищем, но принадлежит оно мне лишь временно...

Поначалу Стелла ничего не умела делать. Посуда выскальзывала у нее из рук, и она разбила две чашки и четыре тарелки из старинного фамильного сервиза; когда готовила ужин, постоянно резала пальцы и обжигалась кипящим маслом; кофе непременно убежал, мясо подгорало, а пирог в духовке превращался в кучку углей. Она не имела ни малейшего представления о том, как гладить рубашки и пришивать оторванные пуговицы, она даже не знала, как надевать на подушку наволочку, а слово «пыль» вызывало в ней странные ассоциации: она вдруг садилась и тихо повторяла «пыль, пыль», словно пытаясь что-то вспомнить.

Но постепенно, день за днем, год за годом, она освоила все премудрости домашнего хозяйства и стала не только великолепной хозяйкой, но и прекрасной матерью — она родила мне троих детей, обладающих ее красотой и силой моего ума, — но так и не стала мне ближе. Иногда, в редкие минуты, мне казалось, что я сумел приручить ее, но это наваждение длилось лишь мгновение. Она по-прежнему была далека от меня, как в тот первый день, когда я протянул ей монетку, стоя на ступенях старой церкви. Годы ничуть не меняли ее, а я старел, морщины пробивали мое лицо, седина давно стала естественным цветом волос. А Стелла была все такой же, юной и красивой, с вековой мудростью старухи в больших синих глазах.

Она никогда не покидала дома, ее жизнь протекала среди старых картин — она любила подолгу рассматривать их, — среди мебели, которая никогда не менялась, среди старого хлама на чердаке и, конечно, среди детей, которых она, без сомнения, любила, но какой-то странной, особой любовью — любовью без привязанности. Иногда мне казалось, что, если однажды они уйдут из

дома, она ласково помашет им рукой и тут же забудет. А может быть, это лишь казалось мне, ведь я так мало знал ее, так редко оставался с ней наедине. И все же одна привязанность у нее была: вечерами она выходила на крыльцо и подолгу смотрела в небо, вглядываясь в таинственные галактические просторы, куда убегала ее душа в поисках прошлого. Я сидел рядом и видел, как она хмурит брови, силясь что-то вспомнить, как напряженно всматривается в свое сознание, пытаясь в зеркале звездного неба увидеть таинственное прошлое, которое привело ее в мой дом. Долго и совсем неподвижно смотрела Стелла на небо, и постепенно глаза ее наполнялись слезами лунного света, и они стекали по щекам отблесками падающих звезд.

В такие минуты она становилась особенно чужой и далекой, и я ощущал неясную тревогу, не понимая, откуда она исходит и чего именно я боюсь. Мне казалось, что однажды она вот так же выйдет на крыльцо, закроет за собой дверь, чтобы не мешать детям спать, и уже никогда не вернется назад.

Именно так и произошло.

А какой чудесный был тогда вечер! Мы сидели у камина все вместе, что так редко случалось в нашем доме. Дети рассказывали что-то о школе, я пил коньяк и курил сигару, удобно откинувшись в кресле, а Стелла сидела у камина и вязала свитер. Она, по обыкновению, молчала, а в глазах ее я видел то странное отъединение, которое так пугало и обижало меня всю нашу совместную жизнь. И вдруг спицы выпали из ее рук. Она вздрогнула и замерла, а в глазах взорвались тысячи звезд, и я понял: она все вспомнила.

Никогда ранее не была она так нежна и внимательна, никогда не смеялась так искренне и заразительно, никогда не любила детей так сильно и нежно, как в этот вечер. Она все время держала меня за руку и прижималась ко мне щекой, все время целовала детей и даже принимала участие в их играх, но она была уже далеко-далеко от нас — я видел это в уголках ее таких незнако-

мых теперь глаз, и мое сердце щемило от боли. А вечером, как обычно, она вышла на крыльцо и закрыла за собой дверь, чтобы не потревожить детей. Я шевелил кочергой угли в камине и допивал свой коньяк, пытаюсь унять бестолковое сердце, которое стремилось за ней — на крыльцо, но знал, что уже ничего не смогу сделать.

С тех пор каждый вечер я выхожу на крыльцо, сажусь на ее место и подолгу смотрю в небо, и мне кажется — да нет, я просто уверен, — одной звездой в небе над нашим домом стало больше. И как же хорошо мне знаком этот мерцающий свет, когда-то таившийся в бездне темно-синих, как Марианская впадина, глаз.

Цель

Поначалу мы не воспринимали это всерьез — что-то вроде игры: все ищут, почему бы и нам не попробовать, а потом засосало. Как в трясины. И уже не выбраться. Искали все. Знали, что где-то здесь есть Цель, об этом сообщили по радио, и толпы жаждущих приключений с рюкзаками повалили из города. Вскоре наша маленькая деревенька превратилась в гудящий улей, наполненный разными людьми, которых мы никогда не видели раньше. Они прибывали и прибывали, уходили в лес поутру, а вечером возвращались, чтобы утром снова отправиться на поиски Цели. Многие исчезали. Мы не знали, нашли они Цель или сгинули в наших болотах. Постепенно все наши тоже «заболели» и, бросив дела, принялись искать Цель. В нашей деревне больше не осталось скотины и птицы — их отвезли в город и продали, — никто не сажал картошку, не держал кур. Все искали Цель, ставшую навязчивой идеей, ворота в таинственный мир, о котором мы ничего не знали, кроме одного: там есть жизнь.

Мы держались дольше всех, но однажды поняли, что, если есть Цель, ее обязательно надо найти, а иначе, зачем жить. И мы стали как все.

Мы вставали рано утром, едва солнце успевало появиться над горизонтом, варили сытный чечевичный суп с бараниной, целую кастрюлю, чтобы хватило на весь день. Я добавляла туда морковь, картофель, томаты, много перца и доводила до такой густоты, чтобы ложка стояла. Пили сидр — он остался в погребе еще с прошлого года. Завтракали плотно, съедали по большой тарелке, чтобы голод не застиг в пути, затем одевались и уходили в лес. Лес начинался сразу за калиткой. Сначала шли по дороге, а потом сворачивали и двигались уже напролом, вдалеке от протоптанных троп, каждый раз в другом направлении. Лес был неприветлив и скуп. Иногда он стоял на пути плотной стеной, ветки безжалостно хлестали по лицу, оставляя на лбу и щеках болезненные отметины, временами на пути появлялись болотины и мы осторожно передвигались, ступая по мягким мшистым подушкам. Земля мягко пружинила, и я боялась, что однажды уйду под землю, провалюсь в трясину, которая была где-то под нами, лишь иногда проступая на поверхности небольшими гладкими лужицами, в которых отражалось мое испуганное лицо.

И каждый раз нам казалось, что мы уже близко от Цели, и как раз вот здесь, за этим препятствием, мы и найдем то, что стало для нас таким важным. Но ничего не было, и нас ждало очередное разочарование. Тогда мы садились на поваленные деревья, открывали рюкзаки, доставали хлеб, сидр и молча ели. Возвращались исключительно с солнцем: когда оно начинало медленно сползать на запад, все более удлиняя тени, мы разворачивались и шли назад, каждый раз новыми дорогами, в надежде увидеть долгожданную Цель.

Домой мы приходили уже после заката. Небо покрывалось звездами, луна цеплялась за верхушки деревьев, и Полярная звезда указывала нам направление. Идти все время нужно было на север, но временами

шел дождь и можно было легко заблудиться. В такие дни мы старались вернуться домой пораньше, еще за-светло, но пару раз не успевали, и тогда поиски дома растягивались надолго. Бывало, попадали в грозу. Однажды молния ударила в сосну, мимо которой мы только что прошли. Дерево раскололось и загорелось. Мы молча переглянулись, взяли за руки и с тех пор ходили только так, ощущая в своей ладони ладонь дру-гого. Мы стали единым целым, и казалось, что кровь, циркулируя, переносит кровяные тельца через нас обо-их, из одного в другого, сквозь эти сцепленные ладони. Тогда мы перестали разговаривать — в этом больше не было нужды: мы и так понимали друг друга. Мысленно. Разговоры отбирали слишком много сил, и мы приспособились обходиться без звуков. Наши диалоги стали скупыми и недолгими.

— Ты замерзла? — спрашивал мой друг не размыкая губ, и я ловила в его глазах тревогу.

— Нисколько!

И мы шли дальше, остановив мысли. Мысли тоже отбирали силы, и мы приспособились не думать, по-гружаясь в глубокое мысленное безмолвие. Зато мы научились улавливать едва заметные движения воздуха и слышать на расстоянии чужие мысли. Иногда это бы-ло полезно: услышав издали жалобы и стоны, что Цель снова не найдена, мы знали, куда идти не стоит.

Домой приходили усталые. Первым делом снимали одежду, обливались водой — она немного снимала ус-талость, и я шла подогреть чечевичную похлебку, а мой друг растапливал печь. Я наливала по полной большой тарелке, доставала бутылку сидра и нарезала хлеб, который мы пекли один раз в неделю. Мы молча ели, улыбаясь друг другу, пили сидр, а потом обсужда-ли день.

— Сегодня опять ничего, — говорил он не открыв-вая рта.

— Да, опять не повезло, — сетовала я.

— Завтра пойдем левее, мимо болота с багульником и голубикой.

— Согласна.

Затем, держась за руки, поднимались в спальню на второй этаж и ложились спать. И тогда небо, приподнимая жалюзи Вселенной, впускало нас в бесконечность, куда мы и стремились в поисках заветной Цели. Но едва вставало солнце, мы просыпались, еще не вполне отдохнувшие после вчерашнего похода, и снова шли в лес. Меняя дороги и направления, переступая через поваленные деревья и колючие кустарники, перебираясь через лесные ручьи и глубокие овраги, заполненные многолетней опавшей листвой, мы двигались и двигались в поисках Цели. Мы не знали, как это будет выглядеть, но были уверены, что непременно узнаем и никогда не пройдем мимо.

Дни становились все короче, а небо все больше хмурилось, осыпая землю дождями, и мы все чаще возвращались домой промокшие и замерзшие, иногда с пакетом грибов или банкой собранных по дороге ягод. Мы совершенно перестали разговаривать, и только ладони, плотно прижатые одна к другой, напоминали, что мы еще вместе.

Однажды, наверное, в середине сентября, мы напали на клюквенное болотце. Оно было не так далеко от дома, и мы удивились, что раньше не находили его и никто понятия не имел о том, что так близко растет клюква. Все ходили за ягодой на дальние болота — это часа два быстрым шагом. Раньше по осени народ собирался толпой и все вместе шли за клюквой. Брели с собой рюкзаки, чтобы больше влезло и не так трудно было нести ягоду домой, уходили на целый день, потому что идти так долго за парой килограммов не имело смысла. Вставали в шесть утра и уходили. Мой друг не ходил, он ждал меня дома и, когда я возвращалась, еле волоча ноги, встречал меня у калитки, брал на руки и относил домой. Затем наполнял тазик теплой водой с мятой, куда я погружала ноющие ноги, наливал стакан

сидра и растирал онемевшие ладони целебными мазями, которые готовил сам по неведомым мне рецептам. В эти минуты я была невероятно счастлива! Ах, как же мало нужно было мне для счастья! Но теперь все это было в прошлом. И вот внезапно нам открылось это маленькое болотце в своей нетронутой первозданной красоте, о котором никто почему-то даже не догадывался. Оно вынырнуло неожиданно. Небольшое, метров сто в диаметре, не более, оно было сплошь усыпано ягодой, россыпью на тонких нитях лежащей на кочках. В первое мгновение показалось, что это залитая кровью поляна, но потом мы поняли, что это всего лишь клюква. Мы собрали ягоды и вернулись домой, потому что рюкзаки стали тяжелыми и продолжать поиски Цели не представлялось возможным. Было очень обидно, поскольку мы теряли время, но оставлять клюкву не стоило: приближалась зима и мы должны были делать запасы.

Постепенно наша жизнь превратилась в дом и лес: дом-лес, дом-лес, дом-лес, — попеременно сменяющие друг друга.

А время беспощадно катилось к зиме, и для поисков оставалось все меньше времени. Чечевица заканчивалась, и я стала беспокоиться. Нужно было бы съездить в город и закупиться, но времени было безумно жаль и мы продолжали уходить в лес, только порция похлебки становилась все меньше.

— Ничего, — сказал мне друг, — когда кончится чечевица, мы станем варить похлебку из клюквы.

Я молча кивнула в знак согласия и вдруг увидела в его глазах тоску. Это была еще не совсем тоска, всего лишь ее маленькая искра, но она уже зажглась в центре зрачка мерцающей звездочкой. Мой друг переставал верить.

— Ну хочешь, мы бросим все эти бесплодные поиски и будем жить как раньше! — предложила я. — Пока не поздно.

Он только улыбнулся в ответ. Мы оба знали, что уже поздно.

В начале октября вдруг неожиданно выпал снег, первый и ранний, который все равно всегда тает, но приносит с собой холод и промозглую сырость. Мы как раз возвращались домой. Уже стемнело, как вдруг снег повалил большими жирными хлопьями. Они впивались нам в лица и, словно белые жучки, садились на голову, вмержая в волосы. Мы ускорили шаг, почти бежали домой, чтобы не замерзнуть, но все равно продрогли до костей. Да к тому же и печь оказалась холодной — забыли протопить ее утром, и пока тепло наполняло дом, мы сидели, прижавшись друг к другу, и ели чечевичную похлебку, запивая ледяным сидром.

В эту ночь мой друг заболел. Его мучили кашель и жар, он бредил во сне, вдруг вскакивал, начинал кричать и снова обессиленно падал на подушку. Но утром встал, и мы снова отправились в лес. Он шел немного медленнее, чем всегда, его ладонь в моей руке то наливалась жаром, то вдруг становилась ледяной, и та маленькая искра тоски и сомнения стала чуть больше. Вечером, дома, я напоила его чаем из зверобоя с медом и уложила спать пораньше. Вскоре кашель и жар прошли, но болезнь оставила в его теле след. Ночью его стали мучить кошмары: он вдруг начинал кричать и биться в приступах удушья, затем просыпался и плакал. А я вытирала с его лба холодный липкий пот, обнимала и убаюкивала, как ребенка, и тихо пела колыбельные песни. Он засыпал, время о времени вздрагивая во сне, засыпала и я. Но как только первый луч проникал сквозь окно — мы специально не закрывали его занавеской, — мы вставали и уходили в лес.

Мы шли и шли, прокладывая на карте все новые пути, а Цели все не было, хоть она и становилась ближе. Мы знали это, чувствовали, и это придавало нам сил. Мы почти бежали, потому что день стал совсем коротким, и хотя первый снег растаял, мы боялись, что вот-вот пойдут снегопады, а нам нужно было успеть до них.

Как дикие звери, мы носились по лесу. Из рта валил пар, а под подошвами ботинок хлопала схваченная изморозью грязь. Солнце то укорачивало, то удлиняло тени, лес стал прозрачным и далеким, а небо — ледяным и чужим. И искра... Искра в глазах друга все росла, уже занимая почти весь зрачок....

В тот день небо было особенно синим, а за окном бушевал остервенелый ветер. Он намел на порог кучу сухих листьев, и, когда я открыла дверь, они залетели в дом и захрустели под ногами, как раздавленные тараканы. Солнце было неестественно ярким, как фонарь дневного света. Оно слепило глаза, но совсем не грело. Его ледяные лучи отражались в заиндевелой траве и сверкающей каймой обрамляли схваченные морозом кленовые листья, которые казались теперь разбросанными повсюду новогодними игрушками. Я вышла на улицу и всей грудью вдохнула свежий морозный воздух. Как всегда, обошла дом, чтобы проверить перед уходом, все ли в порядке, и вдруг поняла, что больше назад уже никогда не вернусь. Это было странное ощущение осознания и уверенности. Оно застигло меня врасплох, так что я чуть не задохнулась.

Я вернулась в дом, зябко ежась, сняла ботинки и прошла в гостиную. Мой друг топил печь. Он как раз подбрасывал дрова, они жарко трещали и выстреливали искрами, перебрасывая пламя с одного полена на другое.

— Я, наверное, сегодня не пойду, — вдруг тихо сказал мой друг. — Я, наверное, заболел, и у меня совсем нет сил.

Я положила ладонь ему на лоб, чтобы проверить, не ли жара, и тут же невольно отдернула руку — лоб был ледяным.

— Да, тебе стоит остаться, — сказала я на всякий случай.

— А ты пойдешь? — он посмотрел на меня.

И мне вдруг стало невыносимо страшно от его взгляда, пустого и холодного.

Он встал, подошел к столу, откупорил бутылку сидра и налил целый стакан.

— Хочешь?

— Пожалуй, — ответила я, не отрывая от него взгляда.

Сидр был прохладным и словно прокисшим. Я сделала несколько глотков и поставила стакан на стол.

— Можно я закурю? — спросила я.

Он ненавидел, когда я курю, и я всегда выходила на улицу. Но сейчас он только пожал плечами. Я достала сигарету и закурила. Легкий сквозняк сорвал с кончика пепел и легкой паутинкой потащил по комнате дымок, поднимая к потолку. В печи трещали дрова, и пламя, играя за стеклянной дверцей, бросалось из стороны в сторону. Мой друг отвернулся и подошел к окну.

— Ты умер? — тихо спросила я.

Он помолчал, словно собирался с мыслями, а потом ответил:

— Да. Ночью. Ты так сладко спала, я не хотел тебя будить. Прости.

В его словах больше не было эмоций. Я отхлебнула сидра, и он обжег мне нёбо, словно в него добавили острого перца.

— Мне нужно собираться, — виновато сказала я.

— Конечно, — он даже не повернулся, продолжая рассматривать что-то за окном. Солнечные пятна, квадратами окна разложенные на полу, словно коврик, валялись под его ногами.

— Ты точно не пойдешь? — зачем-то спросила я.

— Точно, — ответил мой умерший друг.

К горлу подкатил ком, я еле сдержалась, чтобы не разрыдаться, отвернулась и быстро вышла из комнаты. А мой друг все так же стоял у окна, разглядывая что-то по ту сторону стекла. Я достала рюкзак, положила туда оставшийся хлеб, спички, бутылку сидра, пару шерстяных носков на случай, если эти промокнут. Под толстовку надела тонкую шерстяную водолазку, достала ботинки на толстой подошве и зимнюю крутку. Затем

взяла рюкзак и открыла дверь. Солнце вместе с ворохом листьев ворвалось в дом, затопило прихожую и даже выплеснулось в гостиную, плавно огибая мою тень.

— Прощай, — тихо сказала я.

— Прощай, — ответил он.

Я вышла из дома, спустилась по ступенькам и направилась в сторону леса. Подтаявший местами иней еще скрипел под ногами, но временами мои ботинки оставляли на замерзшей траве влажные следы. Иди было легко. Я обернулась, чтобы в последний раз взглянуть на дом, где я была так счастлива когда-то. Из трубы едва поднимался дымок, но ветер то и дело слизывал его, как преданный пес. Окна были темными и слепыми, и вдруг мне почудилось, а может быть, так оно и было, что из окна гостинной тоскливым и безнадежным взглядом на меня смотрит мой друг. Я отвернулась и быстро пошла прочь.

Калитка легко распахнулась, я подумала, что закрыть ее больше не стоит, но все же захлопнула привычным движением, поправила рюкзак и направилась в лес. И вдруг справа от себя увидела то, что мы так долго искали — Цель. Оказывается, все это время она была совсем рядом, но мы все время так спешили, что попросту не замечали ее, торопливо пробегая мимо. И все наши жертвы были напрасны! Сколько раз я представляла себе, как мы с другом увидим Цель и, взявшись за руки, шагнем в новую жизнь! И как мы будем там счастливы. Но сейчас вместо ожидаемой радости меня переполнили тоска и бессмысленная злоба. Я больше не пыталась сдерживать слезы, они текли и текли, собирались на подбородке и капельками падали на ботинки. Вытерев тыльной стороной ладони мокрые щеки, я поправила рюкзак и шагнула в открывшийся Вход...

Чертова мельница

Это лето я провела у тети в Тверской области. У тети в деревне дом — небольшой, но очень симпатичный пятистенок. Сразу за домом лес, а коли не полениться и пройти полкилометра по ровной укатанной дороге, то взору откроется широченная река, меняющая свой цвет в зависимости от погоды: если на улице пасмурно и небо серое, то и река серая, а если небо синее, то и река синяя. Берега реки укутаны в камыш, а вдоль камышей покачиваются островки лилий и кувшинок, да ивы, кое-где низко склоняясь над водой, полощут остролистое белье. На другом берегу, чуть левее, в густых зарослях ивняка и черемухи, возвышается старая мельница, которую в народе отчего-то прозвали «чертовой», — все, что осталось от старой барской усадьбы. И хотя на мельнице сто лет уже никто не работает, выглядит она превосходно и в ветреную погоду вращает крыльями будь здоров.

Взяла я мольберт, с которым с детства не расстаюсь, хотя рисовальщиком всегда была посредственным, и отправилась увековечивать красоту эту неземную.

Особенно заинтересовала меня мельница. Почему «чертова»? Наверняка есть какая-нибудь легенда или история, от которой мурашки по коже побегут. Но, к моему разочарованию, никто в деревне ничего об этом не знал, ну чертова и чертова, и черт с ней — у нас в огороде дел по горло. Была, правда, такая версия: в ветреную погоду мельница так скрипит, что даже здесь слышно, и кто-то, разбуженный этим скрипом и мучимый бессонницей, в сердцах выкрикнул: «У, чертова мельница!» Так к ней название и привязалось.

Вздыхнула я тяжеленько и решила сама мельницу исследовать. Рано утречком села в лодку и поплыла на ту сторону. Лодку на берегу бросила — и пешком к мельнице. Издали-то кажется, что идти совсем недолго, а на деле, пока, увязая в некошеной траве, проберешь-

ся, семь потов сойдет. Подошла я к мельнице, обошла кругом. Травища выше меня, крапива руки жжет — явно здесь давненько никто не бывал. Но сама мельница в превосходном состоянии, а на двери замок. Огромный такой, сразу видно — старинный. Пробралась я сквозь заросли и заглянула в щелку — внутри тихо и темно, лишь там, где сквозь щели пробиваются лучи солнечного света, чуть вздрагивает пыль. Дернула я дверь на всякий случай, но она лишь недовольно скрипнула: мол, иди откуда пришла, нечего старую заслуженную дверь без нужды беспокоить. Но место мне понравилось, и стала я сюда почти каждый день наведываться.

Обычно после обеда я брала мольберт, пару бутербродов, бутылку минералки и до вечера сидела у мельницы. Как-то уж очень естественно вписывалась она в местный пейзаж — так и просилась на холст. Писала я медленно и старательно, получая удовольствие от самого процесса работы, видимо, поэтому пейзаж получался самым удачным из всего, что было написано мною раньше. Время летело быстро, и вот последний мазок кисти лег на холст. Я не без удовольствия оглядела картину, испытывая легкое сожаление от того, что все закончено. Был вечер. Солнце почти ушло за лес, и в небе уже бледнело круглое белое, похожее на облачко пятно луны. Еще немного, и оно нальется прозрачным холодным светом, впитав в себя все краски дня, а затем и сумерки лягут матовым туманом, и первые звезды проклюнутся в воде, а тут и ночь подкрадется, неслышно ступая мягкими черными лапами. Пора было собираться домой. Я потянулась, размяла онемевшие пальцы и вдруг почувствовала, что за моей спиной кто-то есть. Кто мог так неслышно подкрасться? Человек? Или страшный зверь? Сердце отчаянно запрыгало, видимо, предпочитая смотаться, не дожидаясь меня. Я замерла, а затем резко обернулась.

За моей спиной стоял незнакомец, разглядывая мою картину. Испугалась я страшно. Одна, с незнакомым мужчиной, вечером, на берегу реки... Сами понимаете.

Да и впечатление он производил странное. Очень красивый, на вид лет тридцать-тридцать пять, высокий, черты лица донельзя правильные, глаза такие темные и холодные, что даже непонятно, какого они цвета, то ли карие, то ли темно-серые, волосы коротко острижены и аккуратно приглажены — вот только что из парикмахерской вышел. И одет для деревни крайне подозрительно: белоснежная рубашка, кожаная жилетка, узкие брюки заправлены в высокие сапоги — так одеваются любители конной езды. «Вероятно, один из этих богачей, которые скупают здесь землю гектарами, строят усадьбы, конюшни, пригоняют яхты», — подумала я.

— Нравится? — поинтересовалась я скорее для того, чтобы разбить тишину — уж очень она была гнетущей, — а мнение его меня совершенно не интересовало. Да и что он может понимать в искусстве, этот франтоватый нувориш!

Он неопределенно пожал плечами, и было совершенно неясно, означает это «да» или «нет»: чего удивляться — это тебе не деньги считать! Это искусство! Я демонстративно взяла ящик с красками и закрыла его.

— Подождите!

Тут он вдруг взял кисть, смешал пару красок и нанес на мой — о боже! — уже законченный пейзаж несколько мазков. Я думала, что вцеплюсь ему в глаза: столько работы коту под хвост! Идиот проклятый! Испортить мою самую удачную картину! Однако, взглянув на холст, я была обескуражена: эта пара мазков, нанесенных им вот так, сходу, изменила все ощущение — теперь это была вещь, а не просто мазня любительницы. Какая-то пара мазков! Да он просто гений!

— Да, талант — это от Бога, — проскрипела я одновременно с раздражением, завистью и восхищением.

На мгновение его лицо словно потемнело, но он ментально взял себя в руки и улыбнулся. Правда, улыбка получилась какая-то неестественная, словно он натянул ее на лицо, как чулок:

— С чего вы взяли? Помните «Дьявольскую трель» Тартини? Между прочим, это Люцифер сыграл ее во сне композитору. А ведь это самое известное произведение композитора! А Вагнера и вовсе называют лучшим учеником Дьявола.

— Это лишь подтверждает мою мысль, — злорадно заявила я, видя, что замечание о Боге почему-то ему не понравилось. — Музыка Вагнера прекрасна и служит духовному развитию человека, то есть идет во благо, а следовательно, творит добро.

Я осталась очень довольна своим умозаключением.

— А кто говорит, что Дьявол творит зло? — пожал плечами незнакомец. — Может, он посылает людям искушения, чтобы помочь осознать себя, очиститься и стать добрым по существу, а Бог предпочитает не видеть зла вовсе. Чуть что, виноват во всем Нечистый! Как что плохое, так от Лукавого, но если талант, гениальность, так обязательно от Бога. А ведь если разобратся, то плохое-хорошее — две стороны одной медали.

— Например?

— Да перестаньте, примеров достаточно, не будем тратить на них время. Вот хоть атом: одна сторона — жизнь, другая — смерть. И так во всем. А что касается всяких страшилок, так это люди напридумывали, насочиняли всякой ерунды, даже смешно временами делается! — и он захохотал, громко и неестественно, так что у меня мурашки по спине побежали и волосы на голове зашевелились. — Так что, получается, Бог и Дьявол делают одно дело, только не всегда сходятся во мнениях, а временами даже спорят.

Теперь тон его был ироничным.

— Поэтому Бог и изгнал Дьявола из рая! — ехидно заметила я.

— Да чего там делать, в раю этом?! Скука смертная, — он равнодушно уставился куда-то навверх, но по его лицу было видно, что история с изгнанием ему явно не по душе. — Откуда вы вообще это взяли?

— Из Священного Писания.

Тут вдруг то ли тень как-то странно легла, то ли воображение мое разыгралось, только мне почудилось, что у него за спиной будто темные крылья на миг раскрылись и тут же пропали.

— Милая моя, — улыбнулся незнакомец. — Книжки-то эти когда писали? И кто? Неучи! Они же искренне верили, что громы и молнии мечут боги, вот и излагали все терминами и образами, доступными уму живших тогда людей. Напридумывали ад и рай, доброго гения и злого! — Он вдруг разволновался и как-то разом постарел, покрылся морщинами и сгорбился. Я в ужасе зажмурилась, а когда через мгновение открыла глаза, передо мной стоял все тот же красавчик и мило улыбался: — На самом деле все было не так!

— Вам-то откуда известно? — промямлила я. Мне что-то очень захотелось домой, аж затошнило.

— Мы же с вами современные люди и знаем, что молния — это гигантский электрический разряд, сопровождающийся звуковыми колебаниями, в простонародье называемыми громом, — уже спокойно продолжил он, — так что все эти сказочки пора забыть и объяснить людям, что Бог и Дьявол на самом деле коллеги, их основная задача — забота о человеке, чем они совместно и занимаются, но используют разные научные концепции. Просто один убежден, что прав он, а другой, естественно, с ним не согласен! Нормальная ситуация для творческих личностей!

Тут я поняла, что этот наглец просто надо мной смеется. Я зло насупила брови и стала сгребать свои рисовальные принадлежности. Заметив это, он улыбнулся и спросил:

— А вы внутри мельницы были? Давайте сходим!

— Нечего мне там делать! — резко ответила я, но он уже взял меня за руку и бесцеремонно потащил внутрь. Трава ложилась под его ногами в ровную утоптанную тропинку. Достав из кармана брюк ключ, он легко от-

крыл замок и распахнул дверь, которая даже не скрипнула, будто ее вот только-только смазали.

Внутри мельницы было прохладно. Тут я увидела, что за спиной у незнакомца висит рюкзак (его-то, видно, я и приняла за крылья), который почему-то раньше не замечала. Незнакомец снял его и открыл. Рюкзак был битком набит зерном.

— Время от времени я люблю приходить сюда, чтобы немного поработать, — сказал незнакомец умиротворенным голосом. Сразу было видно, что этот процесс доставляет ему удовольствие.

— Да, но сейчас нет ветра! — ехидно заметила я, демонстрирую свои невероятные познания в мельничном деле.

Он удивленно поднял брови:

— Вы что, не слышали прогноза погоды? Сегодня передавали штормовое предупреждение.

Как только он это сказал, деревья за стенами мельницы грозно зашумели, недовольные, что их беспокоили в столь поздний час. И шум этот нарастал устрашающим крещендо, в кульминации переходя в порывы невероятной силы. Крылья мельницы заскрипели, сначала тихо, постепенно звук становился громче, громче, пока не перешел в ровный гул. Жернова сдвинулись, и я с удивлением увидела, что процесс пошел. Незнакомец снял жилетку, засучил рукава белоснежной рубашки, зажег большую керосиновую лампу и с видимым удовольствием приступил к работе.

Все происходящее настолько поразило меня, что я не могла вымолвить ни слова. Незнакомец работал ловко и уверенно. Полученную муку он засыпал в рюкзак, и тут же ветер стих, а за стенами мельницы воцарилась привычная для этого времени тишина.

— А какой хлеб из этой муки — пальчики оближешь! — с удовлетворением сказал он, отряхивая припорошенную мукой одежду. Затем задул лампу, взял рюкзак и любезно предложил:

— Пойдемте, я провожу вас до берега.

Я думала, он пригласит меня в свою усадьбу, но он и не подумал этого сделать. Мы вышли на улицу. Трудно было поверить, что еще несколько минут назад здесь бушевал ураган. Река была гладкой и темной, будто разрезанной острым лезвием лунного света на две ровные половины. Деревья молча дремали, расстелив на земле длинные плащи теней. Незнакомец посадил меня в лодку, оттолкнул ее и растворился во тьме.

Дома меня ждала взволнованная тетя:

— Где ты так долго пропадала?

— Да на мельнице, ураган пережидала, — устало ответила я.

— Какой еще ураган?! — возмутилась тетя. — На улице ни ветринки уже вторые сутки!

Она покачала головой и гордо удалилась в свою комнату. А я с открытым ртом осталась стоять на террасе. Зато теперь я точно знала, почему эта мельница называется «чертовой»!

С того момента у меня вдруг обнаружился талант (и где он только раньше был?!), и теперь я действительно пишу хорошие картины. В ближайшие выходные открывается моя первая персональная выставка (приглашаю всех). Большинство картин уже продано заочно, и мне светит кругленькая сумма, которую я переведу в один благотворительный фонд, — я уже обо всем договорилась. Ведь талант должен служить добру.

Смерть забыла про меня

Когда отец Макарий впервые появился в поселке, безумной Марте было так много лет, что она, казалось, едва передвигала ноги и вот-вот отдаст душу богу. Он приехал уже под вечер, разобрал свой нехитрый багаж и вошел в храм. Там было пусто. Стены, размалеванные черной краской, разобранный, разрушенный пол, небо,

глядящее сквозь сгнивший купол, и груды мусора повсюду — вот что досталось ему в наследство от старого священника, который, как говорят, сильно пил, да и за церковь особо не смотрел — все больше греховничал с сельчанами. Но отец Макарий (в миру офицер военно-морского флота Николаев Антон Макарович) не расстроился, потому что был сильным человеком. Он уже был немолод и на многое не претендовал, может быть, именно такого неухоженного и заброшенного места ему и не хватало. Сколько он еще проживет, неизвестно, но, возможно, успеет сделать что-то важное: расчистит храм, отремонтирует купол и вернет храму жизнь, а там, глядишь, тот, кто придет за ним, доделает его дело.

Он достал из большой черной сумки икону, осторожно повесил на ржавый, чудом сохранившийся на стене крюк и зажег свечу. «Жизнь возвращается в храм», — подумал священник и стал тихо шептать молитву. На какое-то мгновение лучи заходящего солнца просочились сквозь щели в стене, и храм наполнился золотым сияющим светом, божья благодать охватила священника, никогда не был он так счастлив, как в эти минуты, никогда Господь не одаривал его такой милостью и таким доверием, ибо теперь отец Макарий знал точно: это знак. И показалось ему, что он оторвался от земли и воспарил в прозрачном сиянии, и сам Господь протянул к нему руки. И вдруг резко стемнело, лучи угасли, в храме снова стало мрачно и сыро — это туча закрыла солнце, — и воцарилась тишина, столь непривычная городскому жителю. Отец Макарий перекрестился, повернулся, чтобы выйти, и тут вдруг увидел старуху, которая, оказывается, все это время стояла у него за спиной. От неожиданности священник вздрогнул и сказал:

— Здравствуй, матушка! В церковку помолиться пришла?

Старуха ничего не ответила, продолжая разглядывать Макария. Маленькая, щуплая, полусогнутая болезнью, она опиралась на кривую палку и причавкивала старческим ртом, словно жевала жвачку. Из-под неакку-

ратно повязанного платка выбивались седые пряди, темное старое пальто уже давно потеряло цвет, а стоптанные мужские ботинки были явно велики, и старуха надела под них толстые шерстяные носки. Но поразил Макария не вид старухи — за свою жизнь он и не такое видал, — а ее взгляд: как будто смотрела на него не древняя бабка, а молодая женщина, и глаза ее были темными и пронизательными, точно она заглянула в самую душу и еще пошарила там, просканировала мысли. Не сказав ни слова, старуха вышла, и словно скользнули за ней тени из всех углов храма, как верные слуги, а солнце снова вышло из-за тучи и осветило храм.

«Странная старуха», — подумал священник, осенил себя крестным знаменем и отправился осваивать новый дом.

— А что это за старуха такая бродила здесь сегодня? — спросил он вечером у местной бабы, что взялась помогать ему в церковном хозяйстве.

— Горбатая, что ли? — отхлебывая чай, переспросила Наталья. — Так это Марта. Она на церковное кладбище каждый день ходит. Ее тут каждая собака знает. Слабоумная она, — женщина вздохнула, — ни с кем не разговаривает, даже в магазине пальцем тычет, одну фразу только и говорит. Разобрать, правда, сложно, плохо она, батюшка, говорит, но мы разобрали, — голос Натальи стал тихим и загадочным: — «Смерть забыла про меня». Вот так и говорит: «Смерть забыла про меня».

— А что, правда забыла? — улыбнулся отец Макарий.

— А может, и правда, батюшка. А вы чай-то пейте! — она заботливо подлила Макарию свежезаваренного чая. — С травами, сама собираю. А Марта наша странная, батюшка, ей-богу, странная. Вот вроде ее все помнят, а откуда взялась, не знают. Вроде и родни у нее тут нет никакой и не было, а дом есть. Хороший дом, — добавила она. — Люди разное говорят. Вроде была у нее дочь-красавица, да то ли убили ее, то ли сама на себя

руки наложила, или с любовником сбежала да стинула. А кто говорит, что не дочь, а сын, да в смутное время в лагерях пропал. В общем, толком никто ничего не знает. Но бабуся точно не в себе. А старый священник, который до вас был, сказывал, — тут Наталья перешла на полушепот, — что прогневила она когда-то Бога, да так сильно, что наказал он ее страшной карой, и теперь нести ей эту кару вечно, переживая всех близких и родных, впрочем, она уже всех давно пережила. И что она с самим Сатаной обвенчана! И вообще бессмертна! — Тут Наталья засмеялась и снова заговорила сочным и звонким голосом: — Но это все сказки, батюшка, никто уже давно в них не верит. А так Марта наша безобидная, ни с кем не разговаривает, живет в своей избушке одна-одинешенька, вот только на похороны любит ходить. Придет, подойдет к покойнику, посмотрит и скажет тихо: «Смерть забыла про меня». В общем, бабка как бабка, да только очень старая. Да думаем — помрет скоро, уж еле ноги ее носят. Да и пора бы. У нас ее безумной Мартой кличут.

Женщина вытерла со стола крошки, вздохнула и стала собираться.

— А что, — тихо спросил отец Макарий, — и в Бога вы тоже не верите?

— Мы, батюшка, атеистами воспитывались, так что ты не обессудь. Но тебе рады. Сейчас, говорят, и в городе все в церковь ходят. А мы чем хуже? Так что чем можем, тем поможем. Не обидим.

И ушла.

Тихо и спокойно зажил отец Макарий в своем приходе. Потихоньку отремонтировали храм, залатали крышу, новые полы настелили, побелили стены, иконы развесили. Помогали все, в свободное время не гнушались мужики в церкви работать — не за деньги, так. Денег немного от спонсоров было, их только на материалы и хватало, и если б не добрые люди, то не видать бы храму Божьей благодати, так и рассыпался бы однажды. А вскоре и кресты на куполах засияли. За тем при-

езжало большое церковное начальство с помпой — с телевидением и радио, со столичной элитой да местными богачами из райцентра, — кресты на купола водрузили, денег на храм пожертвовали и уехали, так что с тех пор больше никто священника не беспокоил.

Место ему нравилось. Окна его домика выходили на озеро, а на том берегу шумел лес, птицы по весне пели, а летом крестьяне собирали в стога сено и душистый запах заполнял его уютное жилище. По весне отец Макарий высаживал около храма цветы, да так, что потом они цвели все лето: сначала из-под снега вылезали пестрые крокусы и гиацинты, затем расцветали нарциссы и тюльпаны, ближе к июлю на центральной клумбе выбрасывали стрелы ирисы и лилии заполняли воздух терпковатым запахом, им на смену приходили ромашки и георгины, флоксы и настурции, белая плетистая роза увивала восточную стену, и уже совсем в сентябре, когда студёный арктический ветер сыпал желтыми листьями, хризантемы и многолетние астры, как последний кусочек лета, дрожали под холодными осенними дождями. А зимой, в морозные неласковые дни, старый священник жарко топил печь, и все смотрел на пылающие поленья, все слушал, как они трещат, и вспоминал свое давно минувшее детство, прошедшее вот в такой же глухой деревушке, на берегу лесного озера. И в его доме точно так же, как в те далекие счастливые времена, шуршали за печью мыши, пахло квашеной капустой и пирогами, дымился в чугунке картофель в мундире и мурлыкал сибирский белый кот Василий, лентяй и пройдоха, любивший взгромоздиться Макарию на колени и, свесив лапы, сладко спать.

Вечерами люди приходили в церковь и слушали отца Макария, слушали внимательно Божье слово; кто верил, кто нет, но ходили исправно. То ли делать больше в селе было нечего, то ли мода такая пошла, да только в прихожанах недостатка не было. А что еще нужно священнику: детей крестить, покойников отпевать да людей исповедовать. В общем, был бы он счаст-

лив и спокоен, если бы не безумная Марта. Она, как и все, вечерами приходила в церковь. Шаркая по полу стоптанными башмаками, в которых ходила и зимой и летом, входила в храм и останавливалась в дверях, молча слушала проповеди отца Макария, но вглубь никогда не проходила и свечи никогда не ставила, а только стояла и смотрела на него странными темными глазами да двигала старческими губами.

А то видел он ее на кладбище. Бывало, ходит между могил, остановится, посмотрит, пошепчет что-то, если что не так — поправит, и дальше идет, пока все могилки не обойдет. Словно все, кто там лежал, были ее родственниками. Как ни старался разобрать Макарий, что она говорит, так и не смог, потому что речь ее была тихой и путаной. И было в ее лице что-то странное и пугающее, что не давало Макарию покоя: будто видел он уже когда-то это лицо, то ли очень на него похожее. Но когда? Может, в ту ночь, когда их катер, попавший в шторм, перевернуло и вся команда оказалась в ледяной воде, в которой выжить невозможно? А он выжил — один из всех. И когда его, уже почти без сознания, поднимали из воды, а затем растирали спиртом, сквозь мутную пелену увидел он странное лицо, склонившееся над ним, и услышал слова: «Бог тебя спас». А чье это было лицо, так и не узнал: то ли мужчины, то ли женщины. Потом в госпитале все расспрашивал, а никто не мог ответить, говорили: «Ты всех своих спасателей знаешь, а посторонних не было». Врачи сказали: бред. Тогда он и решил стать священником, чтобы до конца жизни молиться о своих погибших товарищах.

И вот теперь, при мыслях о Марте, на ум неизменно приходил тот случай. И это странное лицо... Нет, сказать с уверенностью, что это была Марта, он не мог. Как не мог объяснить, какая связь между ней и этим спасением. Но мысли эти не давали ему покоя.

И стал отец Макарий приглядываться к Марте, но ничего особенного не замечал, что могло бы пока-

заться подозрительным. А в его душе творились странные вещи. Он видел странные сны, которые не приходили к нему раньше, он слышал странные голоса, будто кто-то не мог до него докричаться; часто внезапно в беспокойстве просыпался по ночам, не в силах остановить бешеное сердцебиение, а затем долго не мог уснуть. Он был уже немолод, и, вероятно, это была обычная возрастная болезнь, жизнь священника катилась к закату. И чем яснее он ощущал это, тем больше думал о старухе, будто должен был разгадать ее тайну, а без этого умирать никак нельзя! А однажды, накануне Рождества, вдруг проснулся от того, что кто-то прошептал ему на ухо: «Смерть забыла про меня». Он вскочил и оглядел комнату. Было тихо, только сердце отбивало неровные ритмы. За стены цеплялся лунный свет, монотонно тикали часы, и где-то за печкой трещал сверчок, но в комнате никого не было, лишь едва покачивались занавески, будто пробежал легкий ветерок и задел их. И этот странный шепот все звучал в ушах, словно и впрямь наяву слышал его старый священник.

«Совсем я сошел с ума с этой бабкой», — подумал с досадой Макарий, но уснуть уже не смог, а все лежал, ворочался, кряхтел, да так и встал ни свет ни заря, затопил печь, помолился и стал готовиться к службе.

После этой ночи отец Макарий потерял покой окончательно, и все его мысли были о безумной Марте.

— И что это она вам далась, батюшка, — прихлебывая чай из цветастой фарфоровой чашки, говорила Наталья. — Безобидная она. Мы ее давно знаем. А уж коль так вас она беспокоит, так сходите к ней. Домик ее крайний, у леса, с зелененькими ставнями. Да вы не пройдете мимо.

«И то правда», — подумал отец Макарий и вечером направился к старухе.

«И имя-то у нее какое странное, — думал священник, шагая по скрипящему морозному снегу. — Марта. Не наше, не русское».

Он еще издалека увидел свет в ее доме, но, приблизившись, понял, что это было лишь лунное отражение в окнах, и, может быть, оттого что больше ни в чьем доме полная желтая луна не разглядывала себя так откровенно, старому священнику стало не по себе. Он даже подумал развернуться и уйти, но все же продолжил путь, сжимая в руке крестик и читая молитву.

Не успел Макарий подойти к калитке, как дверь открылась и Марта вышла на порог, словно знала, что он к ней идет.

— Здравствуй, матушка! — громко сказал Макарий. — Вот пришел тебя проведать, узнать, не надо ли чего.

Марта молча и внимательно смотрела на Макария, точно так, как в тот день, когда он стоял в еще пустующей церкви. С тех пор священник сильно изменился, а Марта оставалась такой же, как тогда, будто время обходило ее стороной. Какая-то неведомая сила остановила священника: он вдруг ясно осознал, что в дом она его не пустит и делать ему здесь нечего.

Постояв немного, отец Макарий сказал:

— Ну что ж, здоровья тебе, матушка.

Развернулся и пошел прочь, а когда уже был далеко от калитки, вдруг услышал, до конца не разобрав слов:

— Смерть... забыла про...

«Смерть забыла про меня», — эхом отозвалось в голове у Макария.

Он обернулся, и — то ли лунный свет сыграл с ним злую шутку, то ли нервы совсем затуманили рассудок, — да только вдруг привиделось отцу Макарию, что перед ним стоит молодая и красивая женщина, статная и высокая, а вовсе не жалкая старуха, и еще показалось ему, хоть и длилось это какие-то мгновения, что у этой женщины то самое лицо, что видел он сквозь пелену, когда его поднимали на борт. И тут же наваждение исчезло, а на пороге дома Макарий ясно видел силуэт сгорбленной старухи, освещенный металлическим лунным светом.

Торопливо, почти бегом, отец Макарий направился домой и с тех пор больше ни разу не говорил о старухе — и думать себе о ней запретил.

Шли годы. Скольких людей отпел священник, сколько младенцев окрестил... Однажды почувствовал, что скоро и ему положено отойти в мир иной, что где-то на этом кладбище и он будет лежать среди тех, кто стал ему родным и близким. Все изменилось в селе: много людей уехало, много появилось новых. Вот фермер открыл большое хозяйство, построил коровники, стал засеивать поля. Молодежь снова потянулась в село, кто потому, что не смог устроиться в городе, а кого влекла и тянула земля. В общем, жизнь шла своим чередом. Наталья стала матушкой, обвенчались они с отцом Макарием и зажили дружно и в радости. Завели хозяйство, купили кур и поросят, коз в загоне поселили, огород разбили. У сельчан в домах появился интернет, и даже отец Макарий освоил сию премудрость...

Только безумная Марта, как и много лет назад, по-прежнему, еле волоча ноги, приходила в церковь и стояла в дверях, внимательно слушая проповеди, все так же бывала на похоронах, хоть ее и не звали, да тихо и невнятно шептала свою мантру: «Смерть забыла про меня». И казалось старому священнику, что в эти минуты что-то вроде полуулыбки пробегает по ее сморщенным старческим губам. Даже он теперь верил в ее бессмертие и в то, что страшная тайна скрыта за ее странным взглядом, что, может быть, и правда была она невестой Сатаны.

Однажды воскресным утром, как раз накануне Пасхи, отец Макарий понял, что не доживет и до вечера. Он ощутил в теле какую-то особенную легкость, даже пустоту, почувствовал, что больные суставы больше не ноют и руки непривычно легко сгибаются и разгибаются. Уже давно он был готов, давно ждал этого момента, но именно теперь ему показалось, что он чего-то не успел, что нужно еще немного времени, чтобы доделать земные дела, что завтра крестины, да и Пасха близко, а

потом вдруг успокоился: на все воля Господня. Он позвал Наталью и сделал последние распоряжения.

— Что ты, батюшка, родимый ты мой! Что удумал-то? — причитала она, укоризненно качая головой. — Приболел — и сразу помирать. И думать не думай! Я вот пирожков с капустой испекла... Пойду доктору позвоню.

Отец Макарий улыбнулся и погладил пухлую руку матушки.

— Не надо врача. Ничего не надо. Такова воля Бога. Видно, пора мне домой. — Помолчал и добавил: — Спасибо тебе за заботу, хорошая ты у меня, много не плачь, дела не бросай, за хозяйством следи. А обо мне не беспокойся. Я свое время исчерпал.

Наталья покачала головой и ничего не сказала, но отец Макарий знал, что она беспокоится и сейчас побежит звонить врачу, и в то же время чувствовал, что врач не успеет, что он уже к тому времени уйдет. Откуда в нем это знание, отец Макарий объяснить не мог, просто чувствовал — и все, но был убежден, что на сей раз не ошибается и что Господь уже ждет его в Царствии небесном.

Когда Наталья убежала, на ходу громко хлопнув дверью, у него болезненно засосало под ложечкой, а потом вдруг стальной обруч сдавил грудь, но лишь на какое-то мгновение, и тут вдруг наступила тишина, такая тишина, какой никогда не слышал Макарий при жизни, и тотчас же комната стала наполняться светом, а затем неизвестно откуда появилась старая Марта, только теперь она была той самой молодой женщиной, бледной и красивой, какой он увидел ее тогда, около дома, но это была она, он узнал ее. И узнал в ней ту, что, склонясь над ним, прошептала когда-то: «Бог тебя спас». Узнал и не удивился.

— Пойдем, — тихо сказала Она. — Вот и твоя очередь пришла. Смерть не забыла про тебя.

И протянула узкую белую руку.

Микаел Абаджянц

Как написать мистический рассказ?

Просто!

Мистика приходит во сне. Когда ты не спишь, то и не подозреваешь, что многое, отвергнутое тобой во время бодрствования, все-таки провалилось в волчью яму подсознания. И теперь уже, обретая чудовищные двусмысленные формы, с неукротимой яростью рвется наружу. Просыпаясь в слезах, не нужно ничего вымучивать. Нужно взять за основу камешки своих снов и, будучи в ясном уме, начать из них складывать новое здание своего повествования.

Прозаик и переводчик, член Союза писателей Армении. Издавался в России, США, Австралии, Франции, Ливане. Переводился на английский, французский и другие языки. Есть литературные награды.

Вероятность полета ⁴

Если бы я остался жив, то, вне сомнения, согласился бы с вами, что мысль эта была абсолютно бредовая. Но мог ли я думать тогда, что так плохо все для меня кончится? Даже Лидочка кричала мне: «Куда полез, старый армянский дурак?!» Но я давно уже решил, что залезу, и никакая Лидочка переубедить меня была не в силах. Сначала нужно было забраться на железный гараж и не свалиться, потом перебраться на толстую суковатую ветку, затем переставить ногу вон на ту, другую, что потоньше и повыше. Дальше нужно было не запутаться в проводах. Дальше...

А липа стояла посреди двора — высокая, безучастная ко всем моим жизненным выводам, суматохе чувств и желаний души; шелестела от всякого дуновения желтеющими листьями и тихо покачивала почти у самой своей вершины большим вороньим гнездом. Вороны еще ранней весной вывели потомство. Большие и серые, чернокрылые, они иногда прилетали на старую липу, ловко маневрируя в полете между частых ветвей. Садились на старые, потемневшие от дождей суки и пристально рассматривали свое гнездо, по-хозяйски так смотрели. Заглядывали в окна нашей высотки, коротко встречались со мной взглядом и улетали. И от карканья их почему-то в душе моей распространялся удивительный покой, природа которого мне была не вполне понятна. Видимо, моя душа была чужда этому миру, так же как и карканье это было далеко от какой-то гармонии с мутным московским осенним утром.

А я в какой-то день своей жизни совершенно уверился в том, что тайна полета запрятана в глубинах вороньего гнезда. Огромное, все из перекрученных толстых веток и сучьев, зажатое в развилке двух могучих ветвей, оно притягивало взор и удивляло самим фактом

⁴ Опубликовано в журнале «Дружба Народов» № 7, 2015 г.

своего существования. Мне казалось странным, что эти осторожные создания могли жить в непосредственной близости от человеческого жилья и практически не скрывать тайну полета. Вся их жизнь была на виду. Чтобы летать, нужно было начать жизнь в гнезде. Вороны, так же как и люди, сначала были беспомощны и неспособны к полету. В гнезде они сидели, раскрыв черные блестящие клювы, в полной уверенности, что их накормят, не бросят и что умение летать к ним все-таки придет со временем. Главное — быть непоколебимым в самой вере в возможность полета, и со временем он станет возможным. Кстати, не у всех это получалось. Однажды я наблюдал, как одна ворона вылетела из гнезда раньше времени, и пролететь ей удалось не больше трех десятков метров. Лидочкин одноглазый рыжий кот оказался тут как тут и сожрал ее в два счета, только сизое перо осталось лежать на асфальте. Так обнаружилось, что не только я следил за вороньим гнездом. Правда, выяснилось еще, что интерес у каждого из нас был свой.

За всю мою жизнь ничего не припомню более радостного, чем ощущение свободного полета. Так часто охватывающее в детстве, оно полностью перестало меня посещать в старости. Реальность, словно оковы, все крепче и крепче сжимала мои члены, прижимая к земле, нагружая заботами и болезнями, тягостным ожиданием скорого конца. А ведь в юности от жизни был такой чистый и ясный посыл летать, но я упустил время, когда можно было этому научиться. Раньше желание летать казалось странным, идущим из глубины снов. Но если ощущение полета в моей душе жило, то не значит ли это, что в самой сути моей уже была заложена и способность к полету? Ее нужно было развить вопреки всем предрассудкам и людскому здравому смыслу. Нужно было пытаться и пробовать, а не двигаться в том жизненном русле, в котором меня удерживали общие законы человеческого общества. Нужно было попытаться подняться над господством заблуждений, от-

даться зову сердца и внять смутному влечению. Говорят, что эмбрион во чреве матери повторяет эволюцию всех видов, существовавших до него. Уверен, что среди всех этих промежуточных стадий эмбрионального развития должны были быть формы, способные к полету. Когда-то наши предки летали. Иначе откуда в человеке эта неодолимая тяга к высоте? Откуда это страстное желание воспарить над порочными страстями, подняться над этим бранным и грешным миром? Мне было жаль тех многих лет жизни, которые я потратил на изучение ненужных наук. Жаль было тело, разбитое временем и ревматизмом. Мои конечности к этому времени утратили гибкость, присущую только юности, глаза стали близорукими, а мысль — туманной и лишённой былого остроумия. Но еще не все было потеряно. Еще оставалось какое-то время. Можно было позаимствовать умение полета у этих удивительных существ. Именно у ворон...

Я прекрасно отдавал себе отчет в том, что никакие вороны меня там, в гнезде, кормить не будут, поэтому решил взять с собой еды на первое время и кое-какие необходимые вещи. Раскопал старый походный Лидочкин брезентовый рюкзачок, полинялый до белизны, с потертыми кожаными ремнями. В него я сложил два батона хлеба по 8 рублей из «Монетки», три банки лосося, три упаковки кефира «Домик в деревне», свернутую в бараний рог палку краковской колбасы и бутылку армянского коньяка пятилетней выдержки. Этого на какое-то время должно было хватить. Помимо съестного я положил в рюкзак желтый фонарь с прорезиненным корпусом и ржавый складной нож. Подумал, не забыл ли чего. Лидочка должна была скоро вернуться, поэтому я спешил: натянул серую шведскую куртку с капюшоном, налил в блюдце молока одноглазому Лидочкиному коту, запер дверь и ушел.

Во дворе разгоралась желто-красная осень. Сквозь жидкий туман иногда пробивалось солнышко, и тогда становилось тепло. Но ночами бывало прохладно, чаще

моросил холодный дождик, и налетал порывистый ветер. Весь двор был усеян мокрыми листьями. Они лепились к разноцветным машинам, к черному блестящему асфальту, к прутьям крашенной черной краской ограды. Во всем дворе не было никого, и я подивился, насколько удачно все складывалось. Никто не остановил, не окрикнул...

А липа роняла прозрачные тени на желтый кирпич высотки и задумчиво шелестела. Стояла она, как столп мироздания, мощная, вселяющая уверенность в моем замысле, с огромным, мокрым от дождей, черным гнездом между осыпающихся листьев. И еще казалось, что само солнце сошло со своего насиженного места и стало вращаться теперь только вокруг моей липы.

Я закинул на крышу гаража рюкзак, тот глухо, но громко стукнулся о стальной лист. Затем, наступив на навесной замок, я ухватился за край крыши и с усилием перенес на нее другую ногу. Эти манипуляции мне дались с большим трудом, чем я предполагал. Я уже стоял довольно высоко, на крыше гаража, изрядно обессиленный, в ужасе от своей затеи. Малодушие овладело мной от мысли, что меня застукает на гараже Лидочка или кто-то из соседей. Я вдруг осознал всю нелепость своего положения, ведь я мог застрять в невероятном месте, потому как сил добраться до гнезда могло просто не оказаться. И все-таки, немного отдышавшись, надел на спину рюкзак и подступился к липе. Плохо помню как, но, обсыпаясь желтыми листьями, я забирался все выше. Ветви от моих движений вздрагивали каждый раз все сильнее. Некоторые сухие сучья предательски обламывались под моими неуклюжими конечностями. Я цеплялся, как умел, ободрал о кору руки, но самым неприятным было мгновение, когда рюкзак запутался в проводах и у меня не осталось сил ни спуститься, ни забраться выше.

Гнездо оказалось гораздо больше, чем я предполагал. В нем свободно мог поместиться даже немалых размеров человек. Мокрым и оцетинившимся ветками

оно казалось только снаружи. Внутри же оно было сухим и даже выстанным чем-то мягким. Это была победа! И только я, с рюкзаком на спине, стал переваливаться через край гнезда, как услышал Лидочкин душераздирающий вопль, сотрясший стены высотки. Честно говоря, я его ждал, как беглый заключенный ждет выстрела в спину. Но, к счастью, крик этот не мог меня вернуть, ибо был уже не властен надо мной. Но он все звучал и звучал, в нем угадывались разные интонации, ставшие знакомыми мне за время жизни с Лидочкой. Окна высотки вибрировали, временами со звоном резонируя. Но в вопле этом не было призыва, а только тоскливая констатация факта, признание поражения. Я был вне досягаемости. Я торжествовал! Но решил не подогревать страсти, а на время с головой укрыться в гнезде и пока не высовываться, освоиться.

Скоро я обнаружил, что среди серовато-пестрой колкой и хрустящей скорлупы сидел не один. Кто-то шевелился рядом, большой и неуклюжий, переступал с лапы на лапу и неловко старался приспособиться к моему внезапному вторжению. Большой комок черно-серых перьев ежился не то от моего присутствия, не то тяготился своими собственными бедами и противоречиями. Это был старый ворон. Он пытался рассмотреть меня то одним глазом, то другим, смешно поворачивая при этом разинутый, покрытый трещинами клюв. Из глаз его сочилась какая-то белесая жидкость, по перьям ползали в невероятном количестве красноватые крошечные блохи, которые то исчезали, то вновь выползали на перья, вызывая приступы дурноты. Крупные язвы просматривались сквозь редкое оперение по всему птичьему телу. Когти на черных пальцах, покрытых более мелкими кровавыми язвами, тоже потрескались. От него шел тяжелый дух разлагающегося заживо тела. Существо это было больным. Но оно, пожалуй, умело летать и могло быть мне полезным. Этот ворон хоть что-то мог поведать о полете. Но, даже приняв все это во внимание, я все-таки с отвращением произнес:

«Кыш-ш!» Сначала негромко, потом громче, укрепившись в своем решении и даже подтолкнув его ногой. Ворон каркнул громко и надтреснуто, с усилием вспрыгнул на неровный край гнезда и улетел, оставив мне свое пристанище.

Через некоторое время, когда немного выветрился тяжелый вороний дух, я стал осматриваться. Успело распогодиться, выглянуло солнце. Его лучи путались в желтой липовой листве прямо над моей головой. Стойкое ощущение счастья поселилось в душе и не хотело исчезать. Отсюда видно и слышно было далеко, и я наслаждался свободой. Воронье гнездо было зажато между двух толстых веток — здесь ствол раздваивался. Одна ветвь убегала в небо, мотаясь в белых облачках, а другая затейливо изгибалась на уровне пятого этажа и тянулась прямо к Лидочкиному окну с беленькой занавесочкой и вечно широко распахнутой форточкой.

Через эту форточку шастал на улицу рыжий одноглазый кот. Несмотря на высоту, он довольно ловко, сопровождая свой выход громким скрежетом когтей о стекло, выбирался на крышу, а оттуда неведомыми никому, даже Лидочке, путями пробирался во двор. Впервые я подумал о том, что он мог бы, пожалуй, оттуда по ветке подобраться и к вороньему гнезду, и отметил про себя, что у меня стали появляться какие-то птичьи опасения на предмет возможностей котов. Видимо, я уже понемногу стал проникаться вороньей психологией. Психологией полета. Но самым восхитительным в моем положении было то, что спуститься отсюда было невозможно. Ни залезть, ни спуститься! И никому из людей до меня больше не добраться! Из гнезда можно было только улететь!

А внизу было солнечно! Искрилась золотой подковой Москва-река, по ней крошечными жучками шли в обе стороны прогулочные катера и теплоходы, которые порой исчезали под многочисленными мостами. По берегам в легкой осенней дымке зубчатым строем тянулись сталинские высотки. Сверкали золотым светом

купола храмов, пестрели обширными мшистыми площадями парковые массивы. Прямой стрелой уходила к Красной площади Тверская, забитая малюсенькими автомобилями. Весь этот поток жил и дышал в своем ритме, замирая на перекрестках. Люди, словно микроскопические разноцветные блошки, бежали по бесчисленным улицам к черным воронкам станций метро, которые то методично всасывали человеческие потоки, то ритмично изрыгали их. Железнодорожные узлы, транспортные развязки, садящиеся и поднимающиеся в воздух крошечные самолеты — все жило своей восхитительной жизнью. Все это не могло не вызывать восторга и отклика в моей душе. Хотелось кричать, приветствовать этот мир, махать ему из своего гнезда рюкзаком, ведь жить оставалось немного. Все это поощряло мое стремление скорее обрести способность летать, стать хозяином остатка своей жизни.

К вечеру небо затянулось плотным слоем серых облаков, и оттого сумерки держались восхитительно долго. Стал накрапывать дождик, чаще срывались с веток желтые листики, но в гнезде было сухо и тепло. Я не мог понять, повинуясь какому такому закону, блестящие капельки не попадали в само гнездо и облетали меня стороной. От этого бесконечного падения мне казалось, что я стремительно лечу в темное, с серыми просветами небо. Я был счастлив, не забывая, впрочем, о настоящей цели моего здесь пребывания.

Но вот наконец зажглось окно в Лидочкиной квартире, тускло осветив желтым светом края моего гнезда. Это была кухня. Лидочка по обыкновению в этот час что-то готовила. Она казалась мне немного печальной. Иногда приподнимала крышку кастрюли и оттуда вырывались густые клубы пара. Голод сильным спазмом сжал желудок. Интересно, а что едят вороны? Говорят, как и люди, все едят — даже мясо. Да, тарелка борща со сметаной и большим куском мяса не помешала бы. Я проглотил обильную слюну и потянулся к рюкзаку. Откупорил не без помощи складного ножа армянский

коньяк и сделал большой глоток из матовой бутылки. Чудесное тепло разлилось изнутри по телу. Тем же ножом я вскрыл банку с лососем и подцепил жирный кусок красной рыбы.

Не успел я засунуть его в рот, как услышал знакомый скрежет когтей о стекло. Гнездо подо мной качнулось, и по ветке в мою сторону на четырех лапах грациозно двинулось какое-то существо. Вслед за ним свет в окне заслонила фигура Лидочки, которая в отчаянии всматривалась во тьму, но, похоже, разглядеть что-либо ей не удавалось. Честно говоря, я никогда особенно не понимал, кот у Лидочки или кошка. Раньше мне думалось, что кошка. Но теперь я ясно видел по повадкам, что это был кот: движения его были полны достоинства и силы. Он уверенно шагал по ветке, не страшась высоты. Единственный глаз его горел недобрым зеленым огоньком, и чтобы все вокруг держать в поле зрения, ему приходилось сильнее крутить головой, чем это обычно делают коты. Лидочка крикнула ему вслед что-то вроде «ну приди только!» и хлопнула форточкой, зло зазвеневшей стеклом. Кот оглянулся и вдруг хрипловатым человеческим голосом сказал:

— Теперь раньше утра домой не попасть!

Говорил он вполне членораздельно, нагло вато ухмыляясь, в полной уверенности, что я должен разобрат его речь.

— Ну, чего уставился, наливай давай! — сказал он и ловко большим острым когтем подцепил из консервной банки кусок лосося.

— Куда наливать?

— Да вот сюда и наливай!

Кот пошарил в недрах вороньего гнезда лапой и вытащил большой хрустальный кубок, искрившийся прозрачным желтым светом! Мне вспомнилось, что такой же кубок стоял когда-то у Лидочки в шкафу, но таинственным образом пропал. Лидочка довольно долго дулась на меня, думала, что я его, наверное, разбил. Я налил янтарной жидкости в кубок, с сожалени-

ем заметив, как на треть уменьшилось содержимое бутылки.

— Тебе не вороной надо стать, а котом! — сказал он с важным видом.

Я промолчал. И тогда Лидочкин одноглазый рыжий кот стал рассказывать о прелестях кошачьей жизни, приводя вполне убедительные аргументы в пользу того, что кошачья жизнь может сложиться не в пример лучше вороньей. Оказалось, что, будучи котом, я смогу уходить и приходить к Лидочке, когда мне заблагорассудится. Надоела Лидочка — шмыг в окно, она еще и просить будет, чтобы вернулся. Свобода передвижения тоже могла бы быть неограниченной. Кот пустился в пространные рассказы о крышах и чердаках, о приключениях, которые там могут поджидать. О том, что сам себе хозяин. О том, что заборы и ограды — не препятствие, а всякая щель в стене может служить убежищем. А еще рассказывал о вкусных голубиных и воробьиных яйцах. Говорил он вдохновенно, но единственный глаз его почему-то сверкал завистливо. А иногда, в минуты крайнего возбуждения, он завывал слишком громко и почему-то оглядывался злобно куда-то во тьму.

— Кормежка тоже халявная. Ну как, не хочешь стать котом? Я тебя сам учить буду!

Пока кот говорил, я его не перебивал, понемногу наливал в периодически пустеющий кубок армянский коньяк. Мы с ним открыли уже третью банку лосося и добивали батон белого нарезного. Время от времени, чтобы найти что-то в рюкзаке, я включал желтый резиновый фонарь.

Видимо, электрический свет в вороньем гнезде на дереве и безудержный вой моего друга — мы с ним успели выпить на брудершафт — сильно обеспокоили соседей. Видно было, как по кухне встревоженно ходит Лидочка и куда-то старается дозвониться. Но нам с котом было хорошо, меня ничто не тревожило. В общем, забавный был кот, и предложение его было не самым плохим. Но я не ощущал себя котом. Наверное, в це-

почке метаморфоз моего эмбрионального развития не присутствовало кошачьей стадии. Коты не могут летать. Я ему так и сказал. И тогда он обиделся. Заглянул за чем-то единственным глазом в горлышко пустой бутылки из-под армянского коньяка и с силой швырнул ее вниз. Заорала сигнализация. Я высунулся из гнезда и с ужасом обнаружил, что ветровое стекло Лидочкиной машины пробито, покрыто трещинами. Но коту все было нипочем. Он стал горланить народную песню «Черный ворон», иногда в такт подпрыгивая ногами. Он сыто икал, а в когтистой лапе намертво был зажат огрызок краковской колбасы с куском веревки на конце — даже не заметил, когда он успел ее достать из рюкзака. Я решил было взять его за шкуру и вышвырнуть из гнезда, но потом передумал, ведь это все-таки был Лидочкин кот. Решил оставить пока. Через некоторое время сигнализация выключилась, кот неожиданно громко и раскатисто заурчал, и под шум дождя мы с ним в обнимку быстро уснули.

Проснулся я от того, что где-то внизу, под изрядно облетевшей за ночь липой, раздавался нервный Лидочкин голос. Ей довольно озабоченно вторил незнакомый мужской мягкий басок. Мне сразу вспомнились все наши с котом ночные безобразия. В самой тональности их разговора я угадывал что-то крайне неприятное для себя. Лидочкин рыжий кот продолжал спать, может, притворялся. На усах его прозрачными каплями висела утренняя роса. Я осторожно выглянул из гнезда.

— Вот, вот он, господин сержант! Видите?!

Внизу на мокром асфальте стояла Лидочка в черном элегантном пальто и, задрвав голову, протягивала в сторону гнезда руку в коричневой кожаной перчатке. Рядом с ней в серой полицейской форме стоял участковый с автоматом и тоже смотрел наверх.

— Всю ночь не давал спать, горланил песни, светил в окно фонарем.

Внизу, помимо Лидочки и полицейского, собралась небольшая толпа из жильцов, незлобивой лифтерши

из третьего подъезда и дворника-узбека. Оказалось, потерпевших гораздо больше, чем можно было предположить. Я попытался растормошить Лидочкиного кота, но он потянулся, как это делают по утрам все обычные коты, и не проронил ни слова. Способность говорить у него бесследно исчезла. Он смотрел на меня равнодушно единственным глазом и не издавал ни звука. Похоже, отдуваться за все нужно было мне одному.

— Вот, они мусор бросали, гадили прямо с дерева... — говорил дворник-узбек, явно имея в виду меня одного и показывая темные пятна на асфальте.

Полицейский поморщился, что-то записал в блокнот.

— Кота за хвост тянули... — продолжал перечислять дворник мои преступления.

Оставался только один путь к спасению — быстрее проникнуться сознанием вороньего полета и улететь навсегда. Толпа все увеличивалась, обсуждалось, каким путем я мог попасть в птичье гнездо и как меня теперь снимать с дерева. Предлагали меня по снятии арестовать и отправить куда надо. Дворник-узбек видел в моих поступках только хулиганство, незлобивая лифтерша из третьего подъезда — сумасшествие, большинство жильцов — и то и другое одновременно. Однако интересно, что ни Лидочка, ни даже полицейский не попытались со мной вступить в прямой контакт. Все точно забыли, что я все же был человеком, что обнадеживало. Это обстоятельство я приписывал своему постепенному перевоплощению в птицу. Значит, я даже в их представлении не совсем человек, а уже перешагнул некую черту, был за гранью. Я чувствовал, что воронья способность к полету скоро во мне проснется и я смогу от всех улететь, куда захочу, насовсем.

— Как же... он у меня в квартире прописан! — вдруг сказала в полной тишине Лидочка, размазывая по щеке черную от туши слезу.

Полицейский опять что-то записал, о чем-то тихо снова спросил Лидочку. Тут она вдруг забыла свои сле-

зы, положила руку на бедро, приосанилась и произнесла с каким-то неуместным воодушевлением:

— Так он же сказал, что любит меня! Он же в любви мне признался!

И все жильцы, и даже незлобивая лифтерша, согласно загалдели, закивали. Поднялся возмущенный ропот. Все опять задрали вверх головы, выискивая меня наверху.

— Эх, гражданочка! Какая же это любовь! Смотрите, куда он от вас залез! Да еще машину вашу разбил!

Дальше полицейский, не давая Лидочке ответить, поинтересовался, не пропало ли из дома что-нибудь. Та ответила, что все на месте, только нет бутылки коньяка и рыжего кота, которого я, по ее словам, в гнезде удерживаю насильно. Я стал понимать, что, если не успею улететь, пойду по статьям — всех не перечесть. Обстоятельства складывались не в мою пользу. А Лидочкин кот сидел как ни в чем не бывало в гнезде и, не обращая на меня внимания, умывался.

— Давай, иди отсюда! — прошипел я ему и подпихнул ногой.

Он вспрыгнул на край гнезда, на котором давеча сидел ворон, обернулся, прощально сверкнув зеленым глазом, и пошел-пошел, довольно ловко цепляясь когтями за ветку, несмотря на вчерашний перебор с алко-голем, потом легко запрыгнул в форточку Лидочкиного окна и исчез за темной стеклом. Маневр кота не остался незамеченным. Лифтерша из третьего подъезда погрозила мне снизу пальцем, сказав, что все равно это мне даром не пройдет. Полицейский проводил кота взглядом и стал инструктировать Лидочку, что ей делать, если я вдруг спущусь с дерева.

— На свою жилплощадь его больше не пускайте! Не верьте, если будет говорить, что любит. Звоните мне. Под этими его действиями могут скрываться преступные намерения. Занял же он чужое гнездо. Согнал с дерева законных владельцев и с вами так же может поступить.

Перед тем как уйти, он написал Лидочке свой телефон и сказал, что снимать меня с дерева придет МЧС. Жильцы еще какое-то время погалдели, посудачили, но потом им надоело и они разошлись.

Небо стало белесым, и с него стали срываться отдельные холодные снежинки. А в гнезде, несмотря на все недавние перипетии, по-прежнему было тепло и уютно. Я уже больше суток находился в своем прибежище, однако обследовать его решил только сейчас. Как я уже говорил, изнутри гнездо было гораздо обширнее и удобнее, чем это виделось снаружи. Внутри, поверх толстых перекрученных веток, был наложен глубокий слой не то пуха, не то ваты, не то тряпок. И этот пушистый слой имел поразительную особенность. Стоило запустить в него руку, как в пальцах оказывались самые странные вещи. Хотя все они и принадлежали к разным временным эпохам и культурам, имели разную степень сохранности, сделаны были из совершенно разных материалов и имели различные размеры, но их объединял один характерный признак: предметы эти были утеряны когда-либо человечеством при невыясненных обстоятельствах. Запуская руку в мягкую бездну, я никогда не знал, что достану. Причем, чтобы достать очередной предмет, нужно было предыдущий положить на место. Так, сначала под толстым слоем пуха я обнаружил огромную желтую глыбу известняка. По некоторым признакам я понял, что это был недостающий нос египетского сфинкса. Больше меня поразило даже не то, что древний нос оказался в гнезде, а насколько далеко вглубь гнезда уходило его основание. Отсюда прощупывалась только большая ноздря. Амфоры, отбитые белые пальцы мраморных скульптур, золотые николаевские червонцы, святой Грааль крестоносцев, пластмассовые школьные шариковые ручки, черненные серебряные столовые приборы, полузабытые игрушки, рассыпающиеся папирусы, железный заржавленный крест с купола Ванского монастыря, утраченные страницы из Библии, Лидочкин хрусталь-

ный кубок, изрядно попорченный молью карабахский ковер — такой в моем детстве лежал на пороге родительского дома, пока куда-то не исчез. Без сомнения, все эти вещи были перенесены в гнездо воронами. По возрасту некоторых из этих предметов можно было судить о возрасте самого гнезда. Получалось, что оно заложено во времена Великого потопа. Может, даже сам библейский ворон когда-то влетал в его стены толстые прутья. Но здесь моя теория терпела крах, потому как возраст липы, на которой вороны свили гнездо, был не более двухсот лет.

Ах, противоречия!.. Чем больше часов я проводил в вороньем гнезде, тем больше уверялся в могуществе вороньего племени. Я искренне верил, что способность летать, записанная в человеческом генетическом коде, непременно проснется здесь, однако никаких изменений ни в своем душевном, ни физическом состоянии, которые бы определили возможность моего полета, не замечал. Видимо, я провел в гнезде слишком мало времени. А гнездо и мегаполис вокруг него постепенно заносило снегом. Ах, как хороша была Москва в своем снеговом наряде! Задымились густым парком трубы на крышах, исчезли мусор и лишние детали городского пейзажа, под запорошенными мостами засверкала расплавленной сталью Москва-река. Мне хотелось, чтобы все-все занесло снегом и меня уже больше никто никогда не увидел. И еще отчего-то сильно клонило в сон...

И привиделось мне, будто сижу я на вершине большой горы в центре Мира. Вокруг ни души, только ледовое поле. Внизу все сильнее разгорается россыпь разноцветных огней большого города. Нет, это не Москва. Что-то знакомое в нем, но не узнать. Чуть поодаль темнеет из-под снега остов большого корабля. Как же его сюда занесло? Сижу я давно, пораженный странным бездействием. От долгой неподвижности, от частой смены жары и холода, кости мои начинают рассыпаться в прах. Ногти мои трескаются, тело покрывается язвами от мороза и солнечных ожогов. Однако мысль и мышцы от

непрестанного ожидания находятся в тонусе. На толстом ребре корабля вот уже который час висит черный хищный силуэт. Это ворон, красивая и сильная молодая птица. Видимо, праправнук библейского ворона. Намерения его неясны. Он смело, с глумливым удивлением разглядывает меня. То ли ждет, когда я превращусь в груды падали, то ли просто хочет сбросить меня с вершины горы. Иногда ему надоедает сидеть и он в нетерпении пролетает у меня над головой, целя блестящим клювом в глаз. У меня свой план — схватить его за голени и слететь с ним вниз. Во время очередного вороньего пике я решаюсь. Хватаю его за ноги, и мы срываемся с горы в сторону бесчисленных городских огней. Но тут кости мои под действием силы моих собственных мышц рассыпаются на множество осколков. Я не в состоянии более удерживать птицу, и она с хриплым криком взмывает ввысь. Я же еще некоторое время падаю, наслаждаясь чувством полета. Затем ощущаю удар, не вызвавший, однако, в моем теле никакой боли. Я дышу еще, и осколки костей с каждым вздохом все сильнее впиваются в мою бедную плоть. На теле моем копошатся странные кровавого цвета блохи. И тут над моими останками появляется одноглазый Лидочкин кот. Он долго принохивается и с отвращением отворачивается.

Проснулся я глубоким вечером от гула мощного мотора. Было не холодно, все внизу блестело от тающего снега. Незлобивая лифтерша из третьего подъезда с лязгом отворила ворота в железной ограде. Знакомый сержантский басок требовал от жильцов расступиться. Во двор въезжал красно-белый КамАЗ службы МЧС. У ограды я заметил еще машину скорой помощи. Слышно было, как причитает Лидочка. Ее никто не старался утешить. В мою сторону мягко выдвинулась большая лестница. Вот и все. Отчего-то мне стало жаль оставшихся в рюкзаке батона белого хлеба и пакета кефира. Ко мне быстро и ловко поднимался человек в серой форме. Его мужественное лицо выражало решимость. У меня больше не было времени. Пора было лететь...

Навада

История, которую я собираюсь изложить, ни в коем случае не исповедь. Как из черепков разбитого кувшина, я постараюсь сложить из происшествий и событий, на первый взгляд, не имеющих между собой ничего общего и произошедших со мной в самых различных местах и в самое разное время, некое общее целое. Это попытка объяснить, прежде всего самому себе, мое внезапное разорение и позор, видимый лишь моему воспаленному оку. Задача многократно усложнена тем обстоятельством, что вереница событий, о которых я намерен поведать, берет начало в раннем детстве и обрывается в старости. Взор мой, не столь ясный, как прежде, устремлен сквозь мутную толщу времени, и я не вполне уверен, что некоторые факты моей жизни, способные пролить на эту историю больше света, не останутся лежать в тайниках моей близорукой памяти. Я не исключаю также возможности, что более прозорливый и менее суеверный ум вообще не найдет в изложенных фактах причинно-следственной связи. Как бы то ни было, ни бог, ни дьявол мне не судья — я не был ни негодяем, ни святым. И в том, что со мной произошло, я не виню ни черта, ни провидение. Я же если в чем-либо и виновен, то лишь в собственной неискренности перед самим собою. Эта неискренность, эта двойственность чувств сыграла поистине роковую роль в моей судьбе. Я рассматриваю это повествование как попытку быть честным перед самим собой, хотя бы на смертном одре. Моя история, вот она.

Я родился в киликийском городе Тарс, в семье уличного торговца. С самого детства я знал цену деньгам и прекрасно усвоил одну истину: прежде чем что-либо заиметь, нужно в поте лица поработать. Однако нищим я подавал без всякого сожаления, и, быть может, потому медяки в моем ветхом кармане не переводились. Считать я учился прямо за прилавком, получая

за ошибки мощные подзатыльники. Грамоту я осилил по уличным вывескам. Чистописанию обучался, наводняя своими каракулями, под диктовку отца, книгу учета кредиторов. Он неизменно ухмылялся, просматривая мою писанину, и, видимо, оставался доволен, хотя на подзатыльник все равно не скупился.

Часто отец посылал меня с поручениями в самые разные части города. Я продвигался по узким, кривым улочкам, забитым до отказа горлающим торговым людом. Постепенно улицы, по которым я шел, ширились, покрывались броней булыжника, по мостовой грохотали груженные колымаги, здания все более стремительно уносились в далекое небо, и наконец в просвете между ними я видел сияющую, как рыба чешуя, морскую гладь.

Портовая гавань притягивала неизъяснимо, я готов был бесконечно вдыхать запах искрящейся рыбы и разлагавшихся на горячей гальке водорослей. Армада каравелл и галеонов победно подставляла солнцу свои круглые борта, разошедшиеся от бесконечных скитаний и изъеденные корабельным червем и солью. Я готов был до сумерек бродить по берегу, вглядываясь в обветренные и гордые силуэты парусов самых разных размеров и форм. Я ходил по берегу, смешавшись с разношерстной толпой, и пристально вглядывался в лица самых различных очертаний и цветов. Я дивился чуждой моему народу мимике и жестикуляции. В грохоте толпы я улавливал разнообразнейшие звуки: плеск бьющей в замшелый деревянный борт волны, хруст гальки, звон раскаленного полуденного воздуха, хрип нагих грузчиков, речь плавную и растянутую, точно музыка. Я блуждал по берегу, занятый лишь впечатлениями, которые без усталости поставляли мне осязание и зрение, и только когда над тускнеющим, остывающим морем загорались звезды, я в страхе бежал домой. На пороге меня ждал разъяренный отец...

Однажды в бухту вошло судно очень странного вида. Его большая осадка и тяжелый ход говорили о течи

в трюме. Из трех его мачт сохранились две — с безвольно хлопающими истлевшими парусами. К его разбитым бортам приросли моллюски, морские звезды и целые гроздья подводных обитателей, каких я сроду не видывал. Палуба была завалена полураскрученными бухтами канатов, перепутанными преющими снастями, перекатывающимися в такт качке пустыми бочками. Команда на палубе еле шевелилась. Это были люди с длинной порослью на загорелых до черноты лицах, в рваных матросских робах, вконец истощенные и обессиленные. Я смотрел на причаливающее судно с каким-то полусознанным страхом. Так матрос с беспокойством вглядывается в маленькую серую тучку на недавно еще безупречно чистом горизонте. Под бурыми прядями водорослей я так и не смог разобрать его названия. Наконец трап с глухим стуком гнилого дерева ударился о причал. По нему спускались шатающиеся люди.

Этот человек мое внимание привлек сразу. Меня поразил белый, совершенно не тронутый загаром цвет его бесстрастного лица. Вдруг я представил маленькую затхлую каютку, в которой сидит этот похожий на манекен человек. Корабль плывет по ревушим морям, заходит в заморские порты, а он не выходит даже поглядеть на все это. Он все время плывет к цели. Он прибыл. Он спускается на землю. Но и в походе его — что-то ненормальное. Черные круглые очки от солнца, руки, что-то все время ищущие в пространстве. Э, да это же слепой!

Слепой был одет в длинный черный плащ, скрывавший его до блестящих кожаных сапог, на голове его возвышался странный черный головной убор. Этот человек, попав в бешеную пеструю круговерть портовой жизни, не растерялся, не смешался и не растворился в ней. Наоборот, он был в ней каким-то кошмарным призраком, жутким явлением самой судьбы в образе человека. Во всех его движениях сквозили уверенность и ловкость. И даже слепоту его язык не повернул бы

назвать увечьем. Казалось, что, затеяв какую-то опасную игру, он предоставил противнику фору. Вот только я тогда еще не знал, что эта фора, величиной в целую жизнь, дана мне.

Теперь очень трудно объяснить, что заставило меня следовать за ним. Думаю, что жажда приключений тут ни при чем. С того самого мгновения, как бросил первый взгляд на этого человека, я почувствовал некую тайную связь между ним и мною. Казалось, что я знаю его, что и походка его мне до боли знакома. Я был уверен, что он прекрасно осведомлен о моем существовании. Я знал, что черное стекло очков слепого всего лишь ширма, за которой должно скрываться подвижное живое глазное яблоко. Белое и совершенно безжизненное, как у паралитика, лицо его, казалось, таило смех. Оно было словно заморожено, но стоит ему оттаять, как неудержимый хохот прорвется наружу и ничто в мире его не остановит. Он делал вид, что не замечает меня, что я ему не нужен. Он хотел показать мне, что играет в свою дьявольскую игру честно. Он даже предоставил мне право выбора.

Я выбрал.

Я двигался за ним, стараясь не терять его из виду. Я продирался между потными телами, смыкающаяся за моей спиной толпа провожала меня бранью и тумаклами. Я искал хотя бы маленький просвет между ногами и руками, спинами и животами. Я выбивался из сил. Его же, кажется, никто ни разу даже не толкнул. Нет, перед ним не расступались, но какие-то звериные чутье и проворство позволяли ему легко скользить в толпе. К моему облегчению, он свернул на малолюдную, пропитанную запахами помоев улочку. Он долго водил меня по кривым закоулкам, мы сквозными дворами выходили в совершенно незнакомые мне места. Я ничему не удивлялся. Во всем этом кружении был какой-то тайный смысл, как в заклинании, как в иероглифе.

Я не сразу понял, что он стоит у нашей лавки. Уж не знаю, что ему понадобилось у нас. Я видел, как отец

с ним отчаянно торгуется, хотя слепой, казалось, не выказывал никакого интереса к товарам. То, что было потом, врезалось мне в память до мельчайших подробностей. Слепой необычайно ловким движением выдернул из какого-то внутреннего кармана кожаный кошелек. Кошелек, казалось, так долго пролежал в кармане, что весь сгнил и, не выдержав тяжести переполнявших его монет, прямо в руках у слепого разорвался. То были сплошь медяки. Нескончаемым потоком они перетекали между пальцами незрячего и с глухим перестуком падали на утрамбованную до твердости булыжника землю. Мне казалось, что если ничего неожиданного не произойдет, то они вечно будут падать и падать, пока не заполнят всю улицу. Все вокруг, казалось, замерло, и я слышал лишь звук меди, сыплющейся точно на заколоченную крышку гроба. Вдруг стук этот судорогой пронзило звучание совершенно новое. В потоке меди сиротливо блеснуло золото. Одинокая золотая монета задрожала почти у самых моих ног.

Первым моим порывом было поднять ее и вернуть владельцу. Но я не сделал этого. Полуосознанный страх перед этим человеком на мгновение парализовал меня. Я с ужасом смотрел на слепого, который опустился на колени. Судорожными движениями рук он искал на земле деньги, причем, найдя медную монету, он ее тщательно ощупывал и отбрасывал. Вдруг я испугался, что он найдет ее. Но это была его монета, я не мог, пока он ее искал, так просто поднять и сунуть в карман. Он ее еще не потерял, я же пока не нашел ее. Если я подниму монету сейчас, то окажусь вором. Но если я укажу ее место, то останусь без золота. Я подниму ее позже, когда слепой уйдет. Когда он исчезнет, монета будет моей.

Монета была у меня, но человек этот, хоть и пропал из виду, не исчез и не растворился. Казалось, он где-то рядом ищет ее, и я хорошо знал, что золото это мне не принадлежит. Вдруг мне показалось, что все это мне

примерещилось, что не было никакого слепого. Но монета, свидетельство обратного, лежала на моей ладони.

Из оцепенения меня вывел отцовский подзатыльник. Жизнь потекла своим чередом. Но в моей душе уже не было прежнего счастливого детского неведения о человеческой подлости. Сначала мне казалось, что о случившемся знает каждый прохожий. Но через некоторое время я обнаружил, что никто, даже отец, не может ничего вспомнить о слепом. В порту также никто не видал странного корабля, напрасно я с жаром расписывал его портовым грузчикам. Надо мной лишь посмеялись. Время шло, но мысль разыскать слепого не оставляла меня. Она превращалась в наваждение, в манию, в какую-то кошмарную навязчивую идею. Я даже толком не знал, что буду делать, если вдруг встречу его. Быть может, само созерцание этого человека в момент, когда он будет занят чем-то совершенно обыденным и естественным, успокоило бы меня. Быть может, улыбка, которую я вдруг застану на его лице, пусть предназначенная кому-то другому, будет знаком моего прощения. И тогда монета станет моею и голос совести наконец заглухнет.

Иногда лунной ночью, уже лежа в постели, я доставал монету, сверкавшую в этот поздний час особенно таинственно. Я не мог на нее налюбоваться. Совершенно чуждое моему пониманию, извивающееся как змея инородное письмо, казалось, содержало в себе страшную тайну. Я чувствовал себя на пороге неведомого. В этот миг я был богат, как никто в мире. Монета была всемогущей. Стоило мне пожелать, и она исполнила бы все, о чем может мечтать мальчишка. Но тут мне чудилось, что к ней подбирается все ощупывающая черная рука. Я в ужасе вскакивал. И вдруг в распахнутое окно влетал звук шагов удаляющегося прохожего, такой пронзительно знакомый. Я подбежал к окну, но лишь миг, в который ничего невозможно разобрать, мог уловить взглядом сворачивавшую за угол дома одинокую фигуру.

Иногда мне казалось, что избавиться от наваждения проще простого. Стоит только хорошенько размахнуться и швырнуть монету в море, откуда она прибыла. И тогда исчезнут в бездне и она, и все связанные с ней кошмары. Но этого я сделать был как раз не в состоянии. Да хотя бы потому, что это было чистой воды золото. Я, воспитанный в семье торговца, предпочел бы умереть, чем сделать это. Потратить ее я не мог набраться духу. Я был обречен вечно носить ее с собой. Монета была моим невидимым никому ярмом, клеймом, наподобие тех, что выжигают на груди у воров.

Неожиданно дела в лавке пошли очень хорошо. Год от года отец богател. После нескольких очень удачных торговых сделок богатство наше увеличилось сначала втрое, затем еще вчетверо.

Говорят, что время стирает в памяти имена, даты и образы, примиряет врагов и отпускает грехи. Но этот общечеловеческий закон не распространялся на мою память. Наоборот, я рос, а мои страхи не только не улетучивались, но множились, заполняя душу порой безысходностью и обреченностью. Но вместе с тем мною владело страстное желание встречи со своей судьбой. Я жаждал этой встречи, как бредит о зрелой женщине сопливый мальчишка, одновременно пугаясь ее.

Наша лавка давно уже превратилась в сеть богатых торговых домов. Нашей семье принадлежали грузовые суда, которые везли товар со всего света. Торговля приносила сказочную прибыль.

Еще через несколько лет умер отец. Бразды правления торговым миром, созданным моим отцом, перешли в мои руки. Я продолжал дело не менее успешно. Время летело, я стал самым богатым человеком в городе.

Навязчивая мысль просеять миллионы человеческих существ, населяющих землю, для того чтобы найти одного-единственного нужного мне человека, не покидала меня. Я не мог поверить, чтобы человек этот

ушел в мир иной, не сведя со мной счеты. Я же был достаточно силен, богат и уверен в себе, чтобы встретиться с ним лицом к лицу. Я готов был встретить грозный взгляд судьбы, не прося у нее пощады и не унижаясь. Я готов был заплатить ей за индульгенцию золотом. Я готов был купить ее, как портовую шлюху, — но она не продавалась. Отправляя в другие страны свои грузовые корабли, я моим верным людям приказывал хватать всех слепых в портах и везти в Тарс. Но среди сотен увечных не было моего слепого. Наконец я сам на одном из принадлежавших мне судов пустился в странствие.

Огромный мир, переполненный порочными страстями, открылся моему оку. Карты лгали. Там, где указывались абиссальные глубины, на мелководье кишели морские гады, там, где рисовался за ослепительной линией прибое песок материков, скребли по днищу корабля шершавые рифы. В поисках моих не было никакой системы. Я вел корабль то к затертым айсбергами берегам северных стран, то устремлял его в кипящие моря южных. Я не ждал ни устоявшейся погоды, ни попутного ветра. Годился любой ветер, готовый надуть парус моего корабля. В выборе пути я руководствовался лишь собственной интуицией и указующим перстом провидения. На ветхой карте маршрут мой проступал как некий кабалистический знак — сам рок вел меня к цели.

Порой мою решимость сменяло безволие. Я сутками лежал недвижно на койке, и моему зору рисовалось белое, почти призрачное лицо слепого. Я чувствовал его присутствие. Казалось, стоит резко обернуться, и я его увижу среди моих матросов. Порой мне мерещились его подкрадывающиеся шаги, я, сгорбившись, ждал, но постепенно стук моего сердца заглушал их и оставались лишь сомнения и страх. В такие минуты внезапной слабости мне казалось, что не стремление найти слепого движет моим судном, а желание скрыться от него в голубых океанских просторах.

То, что случилось со мной потом, было каким-то дьявольским наваждением. Чудовище, дремавшее в глубинах прошлого, вдруг проснулось и потребовало пищи. И прежняя жизнь рассыпалась как карточный домик. Пошли прахом усилия многих лет. Я стоял в пустыне, одурманенный сонным зельем, не в силах поверить в то, что это могло произойти со мной.

Однажды корабль мой вошел в богатый порт. Карты все до одной указывали на этом участке побережья песчаную пустыню. Но моему взору открылась живописнейшая бухта и прекраснейший из виденных мною городов. Город поражал воображение своей необычной архитектурой. Его башни и стены в красном свете заката казались раскаленными. В черноте внезапно наступившей ночи город стал источать собственный рубиновый свет. Я стоял на палубе, вдыхая аромат чужой ночи. До моего слуха по совершенно неподвижной воде доносилась нежнейшая мелодия, томящая и зовущая. Я потребовал лодку. Сквозь плеск весел я слышал прекрасную музыку. Я ходил по улицам чужого города, всматриваясь в его постоянно меняющееся лицо и вслушиваясь в его непонятный говор. Мелодия то слышалась сильнее, то звучание ее ослабевало совершенно. Наконец я нашел, откуда она лилась. С виду это был портовый притон. Мгновение мучительного раздумья — и я уже спускался по каменным ступеням в его зовущее чрево. Хозяин принял меня с большим почтением. Казалось, он ждал меня. Воздух был наполнен клубами ароматного дыма, и музыка, которая так манила меня, сочилась прямо из этого голубого тумана. Я чувствовал странное утомление. Хозяин усадил меня на подушки, которые показались мне мягче пуха. Передо мной стояли вина и яства, которые даже гурман назвал бы божественными. Я ел и пил, изредка бросая взгляд на почтительно склонившегося в ожидании хозяина. Лицо его мне показалось странным. Оно как-то судорожно подергивалось, точно оттаивало. После трапе-

зы он пригласил меня сыграть в какую-то диковинную азартную игру в кости. Я согласился, постигая на ходу ее замысловатые законы. Сначала я проигрывал мало. Но против проигранного я ставил сумму вдвое большую в надежде отыграться. Но опять проигрывал. Сначала меня это забавляло. Я играл и играл, кажется, так ни разу и не выиграв. Но остановиться не мог. Казалось, разум мой помутился. Я закладывал дома, продавал свой флот, уступал драгоценности в полцены, лишь бы набрать сумму, необходимую для очередной ставки. И опять проигрывал. Наконец я остался ни с чем. Я вспомнил о моей золотой монете. У меня еще было на что играть...

...Черная, все ощупывающая рука хозяина притона, точно бьющаяся в агонии совесть, тянулась к монете. Это был потемневший от времени, покрытый зеленью медяк, и я не уверен в том, что он был когда-либо золотом. Из парализованного горла рвался смех, сотрясающий воздух и рушащий стены. Наконец я узнал его.

Ольга Грушевская

В доме, где прошло мое детство, все было сплетено в один пестрый клубок — реальное и нереальное, видимое и невидимое, злое и доброе, пустое и наполненное. Совсем поздно — а спать ложились поздно — все вдруг затихало и начинали говорить вполголоса, курить и что-то вспоминать. Те, кто был помоложе, расспрашивали и уточняли у тех, кто был постарше, а они только улыбались, качали головами и вздыхали. Стрекотали кузнечики, и сильно пах жасмин; собакам кидали печенью, шуришали ежи, от комаров жгли шишки; дети же украдкой поглядывали на окна — там, наверху, в пустых комнатах, мелькали тени. Взрослые делали вид, что не видят того, что видят дети. Но все равно кто-то начинал прислушиваться и приглядываться, сравнивать с прошлым разом, и тогда всем казалось — даже той, которая никому не доверяла, — что в доме что-то дышит, охает, двигает стулья, стучит по батареям, бегаёт мелкими детскими шажками и гремит по железной террасе. Та, что была самой смелой, обычно шла удостовериться, что все-таки это кошки, и тогда нечто темное и размытое с грустным вздохом уплывало серым туманом куда-то в ночной лес с задней стороны дома.

Сейчас, спустя много лет, я оборачиваюсь назад и думаю о том, что с тех пор сильно изменилась: стала разборчивой, привередливой, утратила веру в чудеса. Я стала насмешливой...

Смотрю на старые фотографии своих ушедших бабушек, вздыхаю и вдруг... замечаю, что они мне подмигивают и шушукуются. Ну как тут им в ответ не рассмеяться: уж мы-то с ними знаем — чудес не бывает, это просто кошки шумят!

Писатель, общественный деятель в области культуры и искусства. Издавалась в России, Израиле, США, Австралии, Армении. Руководитель проекта «Московский салон литераторов» (МОССАЛИТ).

Там живет Эмо

1

Грета привычным взглядом посмотрела в окно: одно и то же такси уже третий раз проезжало мимо ее дома, поднимая столбы желтой пыли. Целый месяц стояла жара, и дрожащее марево раскаленного воздуха размывало очертания скудного ландшафта.

«Заблудились», — предположила Грета, машинально делая глоток холодной воды из большой керамической кружки.

В гостиной под потолком тихо шуршал вентилятор, а из угла доносилось монотонное урчание телевизора: «...В ближайшие дни сохранится жаркая погода, во второй половине дня в западных районах возможны ливни...»

— Пройдохи! Они только обещают дожди, — слышался раздраженный мужской голос. — Все вранье! Грета, что ты там себе думаешь?

Грета взяла большой оцинкованный таз и направилась к узкой деревянной лестнице, ведущей на второй этаж. По обыкновению она сушила белье на верхней террасе с задней стороны дома, куда ветер почти не приносил пыли.

Она уже занесла ногу, чтобы шагнуть на ступеньку, когда на улице раздался шум тормозов. Грета поставила таз на пол и, не оборачиваясь, стала ждать. Через пару минут звякнул колокольчик. В очередной раз убеждаясь в том, что мир не придумал ничего нового, а все люди ходят одними дорогами, Грета усмехнулась и пошла открывать дверь.

На пороге стояли двое — мужчина и женщина. Мужчина лет сорока в темном костюме и белой рубашке не первой свежести, на голове темная шляпа. Рядом жалась худощавая белокурая женщина лет тридцати пяти, одетая в английский дорожный костюм, слишком плотный для жаркой погоды, на ногах туфли на каблуках. Оба выглядели уставшими и, похоже, нуждались в отдыхе.

— Здравствуйте, мадам, — сказал мужчина и окинул Грету беспокойным взглядом. — Нам нужен номер на пару дней.

Грета в свою очередь оценивающе посмотрела на незнакомцев — они не походили на здешних; затем кивнула и, ни слова не говоря, чуть припадая на правую ногу, раскачиваясь, направилась в глубь дома, где в прохладном полумраке находилась старая деревянная стойка — такие бывают в маленьких придорожных гостиницах. Мужчина и женщина с сомнением переглянулись, но послушно последовали за молчаливой хозяйкой. После яркого солнца и уличной духоты сумеречные недра дома показались им приветливыми и желанными.

На стойке Грета хранила амбарную книгу для записи постояльцев, а за стойкой, на полке с ячейками, хранились ключи от шести гостиничных номеров — маленьких, но каждый с отдельным входом и крошечной ванной. Номера располагались в двух галереях по правую и левую стороны от центральной части дома, который с такими пристройками походил на старую рубаху с раскинутыми рукавами.

Гостиница называлась «Сверчки», о чем свидетельствовала почерневшая от времени доска, прибитая над входом: слово «Сверчки» было выбито крупными витиеватыми буквами и подсвечено мигающими лампочками. Такому названию гостиница была обязана маленьким непоседливым птичкам, похожим на воробьев, в большом количестве обитавшим по всей округе. Сверчки по обыкновению жили во влажных местах с высокой травой или в зарослях ивы, а некоторые так вообще селились исключительно в камышах. Но местные сверчки уже давно облюбовали окрестные хвойные леса, не обращая внимания ни на жаркий климат, ни на скудную растительность, и на удивление охотно вили гнезда прямо на земле — в пожухлой траве или в тени прямо около дома.

Дом Грете достался от деда, который век назад построил его на небольшом участке земли, полученном от

городского Совета. К тому моменту дед уже давно вдовствовал, но жил не один, а со своей непутевой дочерью — дурочкой, как говорили в округе. Старик был немногословен и нелюдим, да и дочь свою старался скрыть от посторонних глаз, а потому участок попросил подальше — в нескольких километрах от ближайшего городка и в километре от заправочной станции. Удаленность от поселения, однако, не помешала ему одному из первых и провести телефонную связь, и подвести к дому воду, и наладить канализацию. Со временем старик пристроил к дому два деревянных крыла, напоминающих галереи, обустроив их под комнаты маленькой придорожной гостиницы.

Но как бы дед ни прятал свою дурочку-дочь, а все равно не уберег, и родилась Грета. А через пару лет дедова дочь, несчастливая мать девочки, заболела по зиме пневмонией и умерла в горячке. Городской Совет оставил ребенка в доме — у деда на попечении как у единственного родственника. Свою мать Грета знала лишь по фотографиям, а об отце так и вовсе ничего не слышала, да и дед вряд ли что-то знал — эту историю он никогда не рассказывал.

Раз в неделю дед ездил на старом грузовике в поселок за покупками и всегда брал с собой маленькую Грету, в течение же недели она все больше крутилась под присмотром нанятой толстой кухарки, помогая ей то на кухне встряпне для постояльцев, то в уборке гостевых комнат. Так и выросла — при доме и при хозяйстве.

Постояльцев в «Сверчках» всегда было немного, но гостиница не пустовала, и доход с тех, кто в нее заглядывал, — а заглядывали знакомые водители грузовиков, припозднившиеся поселковые автомобилисты, заблудившиеся туристы, случайные охотники за приключениями, — худо ли, бедно ли, но с лихвой покрывал все текущие расходы, и дед всегда был доволен, да и Грета теперь не жаловалась.

Поправив на носу очки со сломанной дужкой, Грета открыла замусоленную амбарную книгу, прилежно вывела дату и выжидающе посмотрела на новых гостей.

Пара представилась супругами, назвав фамилию и имена.

Аккуратно занося в журнал записи, Грета мельком взглянула на нервно поигрывающие на стойке пальцы мужчины и не удивилась, не увидев кольца. Эка невидаль! Чего только не насмотрелась она за долгие годы, каких только не принимала у себя постояльцев. Глаз у нее был меткий, потому она пускала не всех, иногда и отказывала, а пару раз даже, помнится, вызывали с мужем полицию. Но чаще всего хозяйка документы не требовала и на постояльцев не жаловалась, а в их дела так и вообще нос не совала.

«...принято решение об ужесточении мер контроля за иностранными гражданами, незаконно находящимися на территории страны...», - мерно бубнил телевизор из открытой гостиной.

Грета положила на стойку ключ от номера 2 и оценивающе взглянула на выдавший виды коричневый чемодан и небольшой саквояж. Мужчина перехватил ее взгляд:

— Нет, помощь не нужна, — сказал он и энергично подхватил поклажу.

— Ну раз не нужна... тогда прямо и вторая дверь налево, — сказала Грета и по привычке добавила: — Ближайшая закусочная на заправочной станции — в километре отсюда. Небольшой ужин или завтрак могу приготовить сама. Будет нужна вода — в кране почти теплая, но слабый напор. К вечеру напор увеличится и будет горячая. Если надо сейчас, могу воду вскипятить и принести в кувшине.

— Спасибо, обойдемся той, что из крана, — бросил через плечо мужчина, удаляясь в сторону галереи.

Просмотрев только что внесенные записи, Грета задумчиво проговорила:

— Значит, двое... — сказала скорее себе, чем кому бы то ни было, чтобы сообразить, что там у нее осталось в запасах, если постояльцы вдруг попросят перекусить.

Однако белокурая гостья, уже последовавшая за своим спутником, внезапно оглянулась, словно ее окликнули, и сделала неуверенный шаг назад. Она вновь подошла к стойке и с каким-то болезненным выражением лица сказала:

— Нет, нас... трое.

— Да? — Грета приподняла брови. — И где же третий?

Женщина подумала, а потом, слегка смущаясь, проговорила:

— Он приедет чуть позже...

Грета вновь взяла ручку.

— Как пишем?

— Запишите его как Эмо.

— В принципе, мне нет никакого дела, что писать, — Грета равнодушно пожала плечами, — но записать я должна, я соблюдаю порядки. Эмо так Эмо.

— Да-да, — женщина неловко оправила дорожный пиджак, — конечно. Могу я попросить для него отдельный номер?

Грета вновь пожала плечами, дескать, ей все равно — главное, чтобы платили и не делали ничего незаконного.

— Простите, я совсем забыла о нашем друге, — добавила женщина и, опустив глаза, стала поправлять теперь уже юбку.

— Немудрено, устали с дороги, — поддакнула Грета и протянула ключ. — Вот, номер 1, — пояснила она, — ваши номера смежные. Иногда на выходные к нам приезжают семьями и просят две комнаты с внутренней дверью, вот мы и сделали один такой номер. Вам, очевидно, не нужен ключ от внутренней двери?

На пыльном окне назойливо жужжала муха. Женщина задумчиво смотрела в окно и, похоже, совсем не

слушала хозяйку гостиницы. Грета тоже молчала. Наконец гостя очнулась от мыслей и вздохнула.

— Простите, — она виновато посмотрела на хозяйку. — Что вы сказали?

— Ничего, — покачала головой Грета и захлопнула амбарную книгу.

3

Ключ в замке щелкнул, и мужчина с женщиной вошли в номер.

Комната была небольшой и безликой, как большинство номеров в дешевых гостиницах. Окна скромного пристанища закрывали пыльные пластиковые жалюзи, отбрасывающие четкие параллельные тени; с потолка свисал треснувший желтый плафон с электрической лампочкой; стены покрывали обои в блеклый, похожий на злобную мордочку цветочек. Слева — железная двуспальная кровать с подушками и одеялом, покрытая выцветшим клетчатым пледом, у кровати круглый деревянный стол с двумя стульями. Справа от двери висел узкий, изъеденный древесным жучком платяной шкаф с металлическими желтыми ручками с множеством затхлых полок и одним большим выдвигаемым ящиком снизу — для обуви.

Не раздеваясь и не снимая туфель, женщина опустилась на кровать, откинулась на подушку и прикрыла глаза. Мужчина же, поставив вещи у двери, кинул на стул пиджак, шляпу и остался в измятой рубашке и брюках на широких полосатых подтяжках. Затем прошелся по комнате, лениво заглянул в платяной шкаф, тоскливо проскрипевший ему в ответ, слегка покрутил жалюзи, впуская внутрь комнаты больше света, дернул запертую внутреннюю дверь в смежный номер и прошел в крошечную ванную комнату с приоткрытым окошком под потолком. Повернув кран, он с наслаждением плеснул на лицо прохладную воду и посмотрел на себя в висевшее над раковиной зеркало: волевые брови, ироничные глаза, под полоской аккуратно подстри-

женных усов искривленные не то в презрительной улыбке, не то в недовольной гримасе губы — все это плохо сочеталось на одном лице, словно художник написал портрет наспех. Промокнув лицо полотенцем, мужчина вернулся в комнату и тоже лег на кровать рядом со своей спутницей.

Некоторое время они молчали.

— Я жалею, что связалась с тобой... — наконец тихо проговорила женщина, не открывая глаз. — Какого черта ты меня сюда притащил?

— Ты устала, Марго, — бесстрастно откликнулся мужчина со своего края кровати, — вот увидишь, ты отдохнешь, и уже завтра жизнь тебе будет казаться не такой уж и мрачной. Все наладится.

— Сколько мы здесь пробудем?

— Сутки-двое, не знаю, как скоро мы получим документы.

— Я взяла номер для Эмо.

— Господи, Марго, неужели тебе не надоело? В конце концов, мы так не договаривались... я не знал, что нас будет трое.

— Заткнись! — резко парировала женщина, встав на локоть и поворачиваясь в сторону партнера. — Я без него никуда не двинусь!

Мужчина сел и спустил ноги с кровати.

— Ну хорошо-хорошо, — примирительно сказал он и, ослабив галстук, начал устало расстегивать на сорочке пуговицы, — как скажешь. Марго, милая, тебе нельзя нервничать. Поедем тогда, когда появится Эмо, я вовсе не против, — тут мужчина обернулся и внимательно заглянул в сердитые глаза спутницы. — Я знаю, как ты к нему привязана, и я это ценю. Только когда он появится?

Женщина отвела взгляд и вновь откинулась на спину.

— Думаю, скоро, — уверенно сказала она, сосредоточенно глядя в потолок, — может быть, даже сегодня.

Мужчина ничего не ответил, только ободряюще провел ладонью по ноге Марго в светлом капроновом чулке.

Старик в застиранной фланелевой рубаше сидел в большом продавленном кресле и, казалось, дремал под размеренное бормотание телевизора. Рука с газетой вяло перевесилась через подлокотник, очки сползли на нос, лоб покрыла испарина. Было душно и жарко — воздух застыл в комнате прозрачной маслянистой субстанцией, большие вращающиеся под потолком лопасти не давали даже слабого движения воздуха.

«...число нелегальных эмигрантов возросло на несколько тысяч... среди основных причин, повлекших такой скачок, называют рост безработицы и социальной незащищенности в соседних странах...»

Грета сидела рядом с мужем и перебирала в эмалированной миске бурые зерна сушеной фасоли.

«Тр-о-е, э-м-о, н-о-мер, о-о-о, - вертелось в голове у Греты. — Эта женщина чудно тянет гласный. Иностранский акцент? Особенность речи?» — она вздохнула и механически перевела взгляд на экран.

«...Также увеличилось число иностранцев, которые в попытке уйти от правосудия своей страны либо, желая по личным причинам скрыть место своего нахождения, пересекают границу и, игнорируя официальную регистрацию... становятся нелегалами. В связи с этим Совет обращается к гражданам незамедлительно сообщать о случаях...»

— Я бы собрал всех нелегалов и упек бы одним махом в тюрьму... А лучше — депортировал без права возвращения... Они воруют у наших парней работу, вносят беспорядки и не платят налоги, — проворчал старик и прищурил один глаз: — Что думаешь, Грета?

Грета посмотрела на мужа:

— Думаешь, эта парочка нелегалы?

— А мне почему знать! — старик недовольно махнул рукой. — Ты сама-то что думаешь?

— Думаю, они нелегалы, у них что-то с документами.

— Может, так... — скривил губы старик, — а может, и не так.

Грета не ответила, только встала и принесла на стол кофейник.

— Кофе?

— Пожалуй, — ответил старик и поудобнее устроился в кресле.

5

Придорожная гостиница, похожая на засевшую на мели старую шхуну и сохранившаяся в том виде, в котором ее построил дед Греты, жила своей жизнью. Грета с мужем лишь поддерживали навсегда установленный порядок, помаленьку ремонтируя крышу, меняя стоки, проводку, что-то подкрашивая-подлатывая, приплачивая сезонным рабочим, но в целом не сильно мучаясь, — дом был поставлен дедом крепко, для себя. Летом он продувался сухими ветрами, и зимой, если и случались затяжные дожди, сыро в нем никогда не было.

Дом, как это часто случается, перенял нрав своего хозяина — сухой, молчаливый, и даже по ночам не издавал никаких звуков — не скрипел и не ухал вопреки обычным домыслам в отношении старых построек; и не водились в доме привидения, склонные обитать скорее в мрачной и влажной местности.

Но то ли от самого «приютского» характера дома, то ли от накопившегося в нем за долгие годы людского духа, в «Сверчках» присутствовало повсюду странное напряжение, которое и напряжением-то назвать было сложно, скорее — монотонность, незыблемая и неизбежная, невыносимая для чужаков, но привычная для хозяйки и ее мужа.

Эта напряженная монотонность была схожа с утомительным ожиданием чего-то важного и значимого и присутствовала во всем. Она витала в однообразном пейзаже, который Грета знала до мельчайших подробностей, таком безликом и пустынном, словно на нем — как на чистом холсте — должно было вот-вот что-то

образоваться или случиться; в вечно работающем телевизоре, бурчание которого неизменным фоном расплзлось по дому, и казалось, будто эта невнятная череда звуков скоро взорвется какой-то звонкой и ясной новостью; в размеренном цоканье вентилятора, отбрасывающего на стены расплывчатые блики, которые Грета иногда, замирая, разглядывала, и ей казалось, что еще немного — и все они сольются в большой солнечный шар, который заполнит все внутреннее пространство дома и, как холодное солнце, медленно выкатится на пустынную улицу.

Монотонность вкрадывалась даже во взгляд самой Греты; бесконечными минутами, а то и часами, не двигаясь, застыв, как черепаха, смотрела она на дорогу, на которой ничего не происходило, лишь иногда проезжали редкие автомобили да проплывал, как летучий голландец, пыльный и вечно кашляющий старый автобус, появляющийся в одно и то же время, четырежды в день, и редко останавливающийся у придорожной гостиницы, разве что по требованию. И не понятно было, ждала ли Грета кого, или долгие годы что-то разглядывала, или просто спала — с открытыми глазами.

А постояльцы тем временем с вынужденной однообразной необходимостью щелкали ключами в замках своих комнат, отпирая и запирая двери; кидали мятые вещи в разошедшиеся платяные шкафы; разглядывали свои усталые лица в пожелтевших зеркалах старых трюмо; ложились спать на скрипучие кровати и, ворочаясь, никак не могли уснуть — слишком громко звенело вокруг чувство ожидания, паутиной опутывающее любое выбивающееся из общего ритма движение. Сухая тишина пропитывала стены гостиницы, улицу с тусклым фонарем, редкий хвойный лес, скудными островками тянувшийся вдоль одинокой дороги. Тишина незаметно смешивалась с тихим пением сверчка, похожим то на шелест и шуршание листьев, то на сухое стрекотание кузнечиков, то на бульканье пузырей, поднимающихся из воды.

Грета сказала неправду: дверь в смежный номер была прорублена дедом еще до ее рождения.

6

В спустившемся вечере гостиница освещалась лишь несколькими окнами постояльцев да вывеской «Сверчки», где в букве «р» перегорела лампочка, а потому из «Сверчков» получилось нелепое — «Свечки». Проезжая часть пустовала — последний автобус проехал в назначенный час, так никого и не выплюнув на остановке. Постояльцев в «Сверчках» почти не было — лишь студент-орнитолог, изучающий повадки местных птиц, монахиня-евангелистка, направлявшаяся в соседний город в баптистскую церковь, да пара супругов, захавших утром, по мнению Греты, наверняка нелегалов, хотя такое предположение серьезного повода для беспокойства не давало: в конце концов, это было дело городского Совета — выискивать эмигрантов.

Прибрав номер после отъезда водителя грузовика, их давнишнего знакомого, возившего раз в неделю бочки с сахаром на субботнюю ярмарку и по обыкновению вот уже десять лет останавливающегося в одной и той же комнате, Грета шла с корзиной белья вдоль галереи, когда увидела тонкий луч света из приоткрытой двери в соседнем крыле.

Через секунду она поняла, что свет шел из первого номера.

«Когда же этот третий приехал? — удивилась она, озадаченная тем, что пропустила машину, и с намерением незаметно заглянуть в приоткрытую комнату двинулась по галерее дальше. — Верно, такой же беженец, как и эти двое», — рассудила она, но, подойдя, с разочарованием обнаружила, что щель была слишком мала для того, чтобы что-то разглядеть внутри. Зато можно было легко различить доносившиеся из комнаты голоса. Грета подошла ближе и прислушалась. Говорили двое, женский голос с характерно тянущимся «о» Грета узнала сразу.

— Ты осложняешь нам жизнь, — возбужденно говорила женщина, — без тебя нам было бы легче... на нас и так косо смотрят... муж долго этого терпеть не будет... может быть, уже прошли новости... я не удивлюсь, если кто-то сообщит в полицию...

Грета нахмурилась. Последние слова ей не понравились.

Затем раздался второй голос, низкий и плохо различимый, принадлежащий мужчине, но говорил муж женщины, или их припозднившийся друг, или вообще работало радио, Грета определить не смогла, а потому подалась еще чуть вперед. Но в эту минуту соседняя дверь распахнулась, и рядом с хозяйкой «Сверчков» появился муж женщины, с сигаретой в зубах, и прислонился к косяку двери.

— Вы что-то хотели? — поинтересовался мужчина; в правой руке у него был мужская туфля, а в левой - щетка для обуви.

От неожиданности Грета отпрянула, хмыкнула, но не растерялась.

— Да, — сказала она. — Хотела уточнить по поводу ваших документов... а то, знаете... сейчас столько нелегальных эмигрантов...

— Разве мы похожи на нелегалов? — весело усмехнулся мужчина и, попыхивая сигаретой, принялся непринужденно чистить ботинок. — Поверьте, на этот счет вам нечего беспокоиться.

Грета промолчала, раздумывая, стоит ли настаивать, ведь обычно документы она не спрашивала.

— Что-нибудь еще? — уточнил постоялец, выпуская колечко дыма.

— Да, — неожиданно для себя сказала Грета. — Еще хотела узнать... не надо ли чего вам или... вашему другу. Похоже, он уже приехал.

— Марго! — продолжая чистить ботинок, громко крикнул мужчина в полураскрытую дверь соседнего номера. — Тебе что-нибудь надо?

Через секунду дверь с табличкой «1» широко распахнулась и на пороге появилась Марго в длинном кружевном халате, из-под которого виднелось дорогое нижнее белье. Увидев хозяйку, она быстро прикрыла за собой дверь, однако Грета успела разглядеть на спинке стула мужской пиджак, а на столе — дымящуюся в пепельнице сигарету.

Марго вопросительно смотрела на хозяйку и молчала, словно увидела ее впервые; хозяйка же сосредоточенно разглядывала дверь за спиной Марго, а точнее — ржавый гвоздь, которым была грубо прибита цифра «1».

— Ах да... — через какое-то время проговорила белокурая женщина и смущенно запахнула халат потуже. — Да-да, конечно. Нам нужен завтрак. Что-нибудь несущественное — кофе, булочки... Сможете?

Грета кивнула и уже собралась уходить, но Марго добавила:

— Для троих.

От хозяйки не ускользнула промелькнувшая во взгляде мужчины растерянность, но, уходя, она лишь бросила через плечо:

— Спокойной ночи, не буду мешать, — а про себя подумала: «Пора бы гвоздь заменить».

7

За столом в гостиной сидели студент и молодая монахиня, завтракали. Грета подала вареные яйца, масло, теплые булочки, поставила разрисованный голубыми цветочками фарфоровый молочник с холодным молоком и кофейник с горячим кофе. Студент, громко хлюпая при каждом большом глотке кофе, увлеченно листал лежавший перед ним на столе иллюстрированный журнал с изображениями птиц. Монахиня же отправляла в рот уже вторую сдобренную маслом булку, тщательно прожевывая каждый кусок крепкими молодыми зубами, при этом она поднимала глаза к потолку, слов-

но кто-то подглядывающий из осиной сердцевины ветхого вентилятора помогал ей глотать.

Муж Греты, по обыкновению утонув в низком потертом кресле, читал «Городские ведомости», он покачивал яйцеобразной головой и цокал языком, а иногда и комментировал вслух:

— Городской Совет выделил средства на улучшение нашей дороги, слышали? — торжественно сообщал он и тут же с застарелой злобой возмущался: — Пройдохи! Бьюсь об заклад, эти деньги вновь уплывут в карманы грязных чинуш. Уже десять лет болтают об этом. И что? Что-нибудь изменилось?

Студент из вежливости поднял голову, отстраненно взглянул на воинствующего старика и, бросив неопределенное «да уж...», поскорее вернулся к журналу.

Монахиня же, спешно проглотив последний кусок и покончив с кофе, суетливо встала и со словами «Поблагодарите Бога за то, что у вас есть, и Он даст вам то, чего вам не хватает» быстро засемила в свою комнату.

— Спасибо, сестра, нам это пригодится, — ехидно крикнул старик ей вслед.

Грета, ширококостная, с прямой спиной, похожая в своем длинном суконном платье на что-то незыблемое и неотъемлемо принадлежащее старому дому, будто мебель или какая-то особая крупная утварь, стояла ко всем спиной и сервировала завтрак на двух небольших подносах: на одном — для Марго и ее мужа, на другом — для постояльца из первого номера.

Часы показывали семь, а воздух, так и не остыв за ночь, постепенно становился тягучим и терпким. Пронзительно чистое небо не оставляло никаких надежд на обещанный ливень. Грета сделала глоток из стоящей под рукой кружки и поморщилась — вода была почти теплой.

— Или вот, — продолжал листать газету старик: — «Транспортная компания сообщает об увольнении двух десятков служащих в связи с сокращением...»

Не дослушав, Грета взяла поднос и, как большая темно-серая рыба, плавно выплыла в холл и скрылась в галерее. Подойдя ко второму номеру, она осторожно постучала:

— Завтрак!

Дверь беззвучно приоткрылась, и из темных глубин помещения вынырнул муж Марго в наспех накинутом мятом халате и неловко забрал поднос, сонно бросив: «Спасибо».

Минут через пять Грета появилась вновь.

— Завтрак, — постучала она, на этот раз уже в соседнюю дверь, но из комнаты никто не ответил. Она постояла, прислушиваясь, за дверью царила тишина, тогда она поставила поднос около двери и в задумчивости вернулась в гостиную.

Студента за столом уже не было, зато повсюду было полным-полно крошек, от чего и стол и пол вокруг стула выглядели шероховато-белыми и растерзанными. Завидев жену, старик оживился и вытянул шею:

— Послушай, Грета, что пишут в частных объявлениях: «Господин С. разыскивает свою жену... предположительно ушла из дома 7 дней назад... 35 лет, светлые волосы, рост выше среднего. Женщина может путешествовать в компании мужчины. Просьба сообщить по телефону...» Ну? Что скажешь на это?

Грета посмотрела на мужа:

— Думаешь, это они?

— А мне почем знать, они — не они! — заерзал старик. — Ты сама-то что думаешь?

— Думаю, это они, все совпадает.

— А я думаю, может, так... а может, не так.

Грета промолчала, только взяла кофейник и наполнила мужнину чашку.

— Кофе?

— Пожалуй, — прокряхтел тот и откинул газету в сторону.

Наступил ленивый дурманящий полдень, а завтрак под дверью оставался нетронутым.

Управившись с делами и еле дозвонившись знакомому мастеру, вот уже третий день обещавшему приехать и починить кран в хозяйской ванной, Грета поднялась на второй этаж на террасу и грузно опустилась на деревянный стул — в жару сильно отекали больные ноги. Помещение редко использовалось для отдыха, все больше для хозяйственных целей, и расположенный в центре плетеный маленький стол с одним колченогим стулом окружали покосившиеся шкафы и стеллажи, забитые ненужным хламом. Напоминая зашарканную корабельную палубу, терраса пряталась в ажурной тени большого дерева, хорошо продувалась и служила убежищем от дневного зноя.

«Да... — сонно думала Грета, откидываясь на спинку стула и складывая на широкой груди руки, — да... мужа, жены, любовники... История стара как мир, — она про себя усмехнулась, — но мне нет до этого дела».

Развешанное на веревках белье, подобно повисшим в штиль парусам, давно высохло и впитало насыщенный солнечный запах, оставалось только его аккуратно разложить по полкам в шкафах. Грета прикрыла глаза, рот наполнило горячее тепло, от которого клонило ко сну.

«Но только кто этот третий?»

Неожиданно рядом послышалось движение — не то шорох ног, не то вздох. Грета напряглась — показалось? Но нет, звук повторился, похоже, чиркнула спичка.

Задев качнувшийся стол, раздосадованная хозяйка с усилием встала и, отогнув край льняной застиранной простыни, увидела «сбежавшую» дамочку, назвавшуюся Марго, та стояла с дымящейся сигаретой в длинных пальцах, опершись на край террасы, и смотрела вниз. На ней был тот же длинный ажурный халат, что и накануне вечером.

— Что вы здесь делаете? — удивилась Грета.

— Ничего, — коротко ответила Марго, даже не взглянув на хозяйку.

Грета громко хмыкнула, всем своим видом выказывая недовольство и особенно то, что короткий ответ ее не устроил.

— Всю ночь в комнате что-то шуршало, не могла спать, — продолжила белокурая гостья, глубоко затягиваясь сигаретой. — У вас что — мыши?

— Вы открывали окно?

— Да. А как вы хотели — так душно! — дернула худым плечом Марго. — Но это не помогло. Говорю же: что-то шуршало, пищало, потом стало царапаться — какой-то ужасный сухой звук, как по стволу дерева.

— А... — догадалась Грета и принялась неторопливо стягивать белье с веревок. — Не бойтесь, это сверчки. Они здесь повсюду.

— Насекомые?

— Птицы.

— Разве есть такие птицы? Вы шутите!

— Есть. Они плохо летают, зато умеют бегать в траве и проворно лазить по кустам и деревьям.

— Час от часу не легче, — Марго поежилась. — Мне кажется, эта птица забралась в нашу комнату. Может быть, она под кроватью или где-то в ванной.

— Вполне может быть, раз вы открывали окно. Вы сами-то ее не искали?

— Нет. Я ушла.

— А ваш приятель?

— Он уехал, — тут Марго наконец повернулась и с любопытством, чуть щури глаза, взглянула на хозяйку. — Вы что-нибудь знаете?

Грета на секунду задумалась, сказать ли Марго об объявлении в газете? В конце концов, ей не мешало бы знать. Но, подумав, решила не вмешиваться и отрицательно покачала головой:

— Нет.

Казалось, Марго осталась довольна ответом:

— Хорошо, — качнула она головой и стала что-то разглядывать на голубом небе. — Муж и Эмо уехали в город. Дела... Они обещали мне привезти круассаны, у вас просто ужасные булочки!

— Вдвоем?

— Что?

— Вы говорите, они уехали вдвоем?

— Да. А почему вы спрашиваете?

Какое-то время Грета молча складывала белье и загружала стопки на полки, но потом все же не выдержала:

— На автобусе?

— Нет, на такси, — прозвучал быстрый ответ, который окончательно озадачил хозяйку.

— Я этого не видела, — уверенно заключила Грета. Что-то в словах Марго ей не нравилось.

— Вы не можете видеть все, — невозмутимо рассудила Марго и длинным пальцем стряхнула пепел. — Вы можете только предполагать.

Хозяйка бросила на свою постоялицу пристальный взгляд, и недоверие тут же сменилось жалостью: темные круги под глазами Марго — отпечатки бессонной ночи, усиленные полуденным светом, совсем ее не красили, она была похожа на заплутавшую в ночи птицу.

— Эмо все время уезжает, — тихо продолжала Марго, разглядывая тлеющий кончик сигареты. — У него много дел. Но он возвращается... иногда — совсем непредсказуемо... Муж, знаете, все время ругается и говорит, что Эмо мешает нам. Но... Эмо единственный, с кем я могу разговаривать. Он единственный, кто меня понимает и слушает. Он, понимаю, это звучит нелепо, но он — мой единственный друг! — Марго внезапно повернулась и порывисто схватила Грету за руку. — Вы понимаете, что я имею в виду? У вас есть друг?

— Друг? — Грета в растерянности покосилась на тонкие пальцы, судорожно сжимающие ее запястье. — Не уверена.

— К тому же он такой красивый, — лукаво добавила Марго.

— Кто? Муж?

— Муж? При чем тут муж? — возмутилась женщина и резко отдернула руку, но мгновенно совладала с собой и, как показалось Грете, еле заметно усмехнулась. — Ах, да, муж... С ним все в порядке. О нем не стоит беспокоиться. Я же уже сказала, он уехал с Эмо, разве вы меня не слышали?!

— Да все я слышала, — недовольно буркнула Грета и, давая понять, что ей пора заняться делами, добавила. — Я провожу вас вниз.

Марго не возразила, неожиданно послушно прошла вперед и, слегка придерживая подол длинного халата, стала спускаться по узкой деревянной лестнице, словно погружаясь в черный бездонный колодец. Но уже внизу она импульсивно оглянулась и умоляюще посмотрела на следовавшую за ней хозяйку:

— Послушайте... Может быть, вы все-таки поищете эту птицу у нас в комнате? Я не могу спать.

9

Стена на ощупь была сухой и шершавой, как кожа лесной ящерицы, и детская ладошка, упирившаяся в нее, потом долго хранила на себе вмятинки — отпечатки неровностей.

— Иди же сюда, маленький, сейчас я тебя спасу, мой дружок.

Из щели в стене — у самого пола — на нее смотрели две глянцевые бисеринки глаз, и время от времени раздавалось перепуганное стрекотание и суетливая птичья возня. Стоя на коленках и опираясь о стену одной рукой, она просунула другую руку в щель и крепко схватила застрявшую птичку, та дернулась в ладони пушистым упругим комочком и покорно притихла. Осталось лишь вытащить кулак из щели, но сделать это, не ободрав костяшки, было сложно. Она сжала кулачок посильнее и, зажмурившись, выдернула руку, обжигая кожу острым краем стенного песчаника. В кулаке что-

то по-мышинному встрепелось, дернулось, издало еле слышное «срь...» и застыло.

Она выпрямилась и, удобно опершись спиной о стену, довольная, разжала кисть. На ладони, странно вытянутый, как солдатик на параде, лежал сверчок с поджатыми лапками. Она погладила его, нежно подула, потом положила серую птичку на дощатый пол и — в надежде растормошить — приободряющее подвигала серое тельце указательным пальцем.

— Эй, — еле слышно прошептала она, — эй, ну... маленький, эй, я спасла тебя, лети.

Но крохотное существо, внезапно отяжелевшее, не подавало признаков жизни. Она дула на него, и вновь двигала, и даже дергала за крошечный клюв и нелепо сжатую лапку, чувствуя как странная злость, смешанная с досадой и еще чем-то непонятным, щемящим и тяжелым, где-то глубоко в груди, начинает душить ее.

— Гадкий, гадкий, — уже шептала она, гневно кривя губы, чтобы удержать в себе и не выпустить наружу это «что-то», так сдавливающее грудь, — ты — гадкая птица, так тебе и надо, — распирающий горло ком подкатывался все выше и выше, перехватывая дыхание.

— Грета, где ты? — внезапно из глубины дома донесся сердитый мужской окрик.

Она испуганно вскочила, растерянно схватила безжизненное тельце и, на секунду страстно прижав к груди, быстро спрятала за пазухой, а затем выбежала из своей комнаты и незаметно выскользнула с задней стороны дома, выходящей к сухому ельнику.

Когда же из дома опять послышалось — нетерпеливо и громко: «Куда ты подевалась, сучье отродье?» — она уже торопливо похлопывала по земляному холмику маленькими крепкими ладошками, размазывая по лицу грязными пальцами беззвучные слезы.

В конце галереи стоял элегантный мужчина в светлом костюме и тихо беседовал с молодой монахиней. Мужчина стоял спиной, и потому лицо его не удавалось разглядеть, но было очевидно, что он кокетничал с собеседницей, ничуть не смущаясь ее статуса. Монахиня же охотно поддерживала беседу и даже улыбалась, обнажая широкую щербину между передними зубами.

Понимая, что может оказаться лишней в их разговоре, Грета уже хотела пройти в дом, однако любопытство взяло верх.

«Наконец-то», — решила она и уверенно направилась в сторону весело болтающих постояльцев.

Увидев приближающуюся хозяйку, монахиня быстро опустила глаза и что-то сказала собеседнику; тот, не оборачиваясь, громко произнес — так, что Грета вполне отчетливо расслышала:

— И что же, по-вашему, сестра, вы предлагаете ни о чем не думать и уповать на Бога⁵?

— Именно так, — с готовностью согласилась та, выживая из глубоких рукавов аккуратную ниточку янтарных четок.

— Что бы с нами без него было?!

Пропустив иронию собеседника мимо ушей, монахиня с серьезным видом добавила:

— Главное — жить жизнью праведника: «Кто имеет, тому дано будет, а кто не имеет, у того отнимется и то, что он думает иметь»⁶.

— Значит, сестра, богатый станет еще богаче, а бедный потеряет последнее! Где ж справедливость?

— Это несложно понять...

— Прошу прощения, — нетерпеливо вмешалась Грета, внезапно выросшая рядом с постояльцами, как

⁵ *Возложи на Господа заботы твои, и Он поддержит тебя. Никогда не даст Он поколебаться праведнику. (Псалтырь. LIV, 23).*

⁶ *Святое Евангелие от Луки. VIII, 18.*

большая волна, накатившая на безмятежный берег. — Буду рада познакомиться.

Монахиня поджала губы, а мужчина с готовностью обернулся.

Перед Гретой как ни в чем не бывало стоял муж Марго и с любопытством смотрел на хозяйку. В светлом элегантном костюме и зачесанными назад блестящими волосами он казался Грете совсем чужим — стройнее, моложе и выше. Очевидно, по этой причине она его не признала.

— Ах, это вы... — растерялась она, совершенно разочарованная.

— А кто еще это мог бы быть? — засмеялся мужчина, беззаботно закуривая коричневую сигарету. — Вы кого-нибудь ждете?

Грета не знала, что ей следует на это сказать, поэтому брякнула то, что ей показалось уместным:

— Я гляжу, вы уже вернулись. А где ж ваш приятель?

— Приятель? — мужчина слегка нахмурился, словно что-то припоминая, но уже в следующее мгновение расплылся в артистичной улыбке. — Ах да! Марго... вам сказала Марго. Вы имеете в виду Эмо? Да, конечно, мы вернулись вместе. Думаю, он направился в гостиную за холодной водой. Очень жарко.

— Да? — выпалила Грета, не скрывая досады. — Значит, он все-таки проживает в моей гостинице! Хотя, скажу вам по правде, я никак не могу с ним увидеться. Разве это не странно? Надеюсь, мне заплатят за оба номера?!

— Не беспокойтесь, мадам, мы заплатим, как полагается, — отозвался элегантный собеседник, выпуская колечко дыма. Затем он неторопливо вынул из нагрудного кармана кожаный бумажник и извлек из него сложенный вдвое голубой листок. — Вас устроит предъязывательский чек?

Лицо монахини превратилось в невыразительную маску и потускнело. Флегматично скользнув по бумаге взглядом, она равнодушно посмотрела на небо, де-

монстрируя, что насущные вопросы ей совсем не интересны.

Хозяйка же, напротив, издала свистящий звук, отдаленно напоминающий «спасибо», деловито убрала чек в широкий передник и, полная достоинства, словно большая лодка, раскачиваясь, поплыла к входу в дом.

— Вот сестра интересуется, не можем ли мы подобрать ее в ближайший город, — словно оправдываясь, раздался у нее за спиной голос постояльца, — но, боюсь, нам совсем в другую сторону.

На самом деле Грете было все равно, как доберется монахиня до города, ее интересовало совсем другое — она спешила в гостиную, где надеялась встретиться с Эмо. И действительно, уже из холла, где она мгновенно погрузилась в насыщенную смесь из уличного зноя и затхлых домашних запахов, которая, подобно трясине, обволокла ее тело и сковала движения, — из этого пыльного холла она явственно различила, как в гостиной по голым половым доскам простучали шаги, хлопнула дверь холодильника и щелкнула крышка бутылки с газированной водой. Через минуту шаги вновь застучали, скрипнула черная дверь, и все стихло — звуки просеялись сквозь рыхлое сито пространства, оставляя в воздухе лишь урчание телевизора.

Тяжело дыша, она наконец вплыла в гостиную, как в бухту. Но ничего нового она там не увидела и ничего интересного, лишь на скатерти расплывался и таял влажный след от бутылки, да валялся забытый рядом потрепанный журнал с рисунками птиц.

Она исподлобья смотрела на потное лицо толстой кухарки с крупным мясистым носом и выдающимся вперед упрямым подбородком — та вытаскивала из черной пасти духовки горячий противень, наклонившись к плите так, что ее большой зад в длинной лоснящейся юбке образовал в центре кухни холм, могучий и будто поросший густым буро-зеленым мхом. Кухарка

казалась ей старой и злой. На самом же деле той не было и сорока, да и злой она не была, а была смешливой и глупой. Грету она не любила, но не по каким-то особым причинам, а исключительно от скудности данных ей богом эмоций. Будучи по-собачьи преданной хозяину, кухарка рассматривала маленькую девочку лишь как мелкое домашнее животное — канарейку или кошку — которое надо кормить, следить, чтобы оно не сбежало, а иногда и свою пользу из зверька извлекать, чтобы не понапрасну корм тратить.

— Вся в мать, такая же слабоумная, — вздыхала кухарка, когда сердилась на маленького зверька, и вспоминала тогда давнишнюю историю о хозяйской дочери, которую большую часть времени дед держал под замком, чтобы не смущать постояльцев. Та как-то по недосмотру ловко улизнула из дома и долго отчаянно бежала по дороге — босая, сбивая в кровь ноги, бежала до заправочной станции, откуда ее и подбросили до ближайшего города.

— Вернулась, дура, уже брюхатая, — ловко орудуя кухонным ножом по пучкам повядшей зелени, укоряла кухарка маленького зверька — жалкий плод свершившегося греха. И всякий раз, вспоминая эту семейную историю, кухарка сладостно будоражила в своей душе колющую обиду на уготованную ей бесплодную женскую долю. И особенно мучительно обида на судьбу расцвела тогда, когда хозяин однажды прорубил дверь из ее комнаты — в соседнюю, чтобы она присматривала за его непутевой дочерью, а позже — и за осиротевшей внучкой.

— Все, ступай, — махнула рукой кухарка и отерла широкой ладонью с крепким запястьем вспотевшее рябое лицо, — нечего попусту на меня пялиться. Иди, полухвея, прибирай пустые комнаты.

12

«...на тихой улице города Н. произошло ограбление банковского курьера, который в кейсе перевозил ценные облигации на общую сумму 5 миллионов...»

Погруженный в топкое кресло старик склонил голову на грудь, словно спал или молился, нисколько не заботясь об искаженном сильными помехами и расползшемся силуэте диктора. Руки старика — морщинистые, с беспокойными пальцами — были сложены на животе. Под потолком привычно натужно вращались пыльные лопасти в жалкой попытке хоть чуть-чуть всколыхнуть клейкий комнатный воздух.

Немигающим взглядом Грета уставилась на мерцающие черно-белые полосы экрана.

«...облигации принадлежат Банку государственной казны и строительным предприятиям и представляют собой чеки на предъявителя... по свидетельству пострадавшего, грабителей было двое... однако есть вероятность, что грабителей было трое... один из которых — женщина... всем удалось скрыться... Ведется следствие. Просим незамедлительно сообщить о подозрительных лицах...»

— Куда смотрит полиция! Пройдохи! — проворчал старик. — Это уже совсем возмутительно! Средь бела дня ограбили человека и безнаказанно скрылись!

Грета с озадаченным видом сунула мужу мятый листок бумаги:

— Вот, смотри.

Старик посмотрел на свет протянутый чек, внимательно вглядываясь в хорошо заметные водяные знаки.

— Думаешь, это они? — спросила Грета.

— А мне почему знать, они — не они? Ты сама-то что думаешь?

— Думаю, это они. На этот раз все совпадает.

— Может, так... — старик почесал щеку, покрытую белой изморозью щетины, — а может, и не так.

Грета подошла к окну и с тоской посмотрела на дорогу.

— Кофе?

— Послушай, Эмо, — говорила Марго, расчесывая белокурые локоны перед зеркалом в ванной комнате, —

твой отъезды и появления стали совсем непредсказуемы. Раньше мне было легче. Я могла обратиться к тебе по любому поводу. Теперь же ты все больше отсутствуешь... Неужели у тебя так много дел, что ты не можешь бывать со мной чаще? — Марго тихонько всхлипнула и повернулась, чтобы Эмо поскорее обнял ее.

14

Вооружившись сачком, ближе к закату Грета направилась во второй номер. Это было не редким делом — по всем углам искать и вылавливать сверчков, те время от времени залетали в дом и забивались в самые неожиданные углы.хлопотное было дело.

«Благослови, душа моя, Господа, и вся внутренность моя — святое имя Его. Благослови, душа моя, Господа и не забывай всех благодеяний Его, — доносилось глухое невыразительное чтение монахини. — Он прощает все беззакония твои, исцеляет все недуги твои, избавляет от могилы жизнь твою, венчает тебя милостью и щедротами насыщает благами желание твое: обновляется, подобно орлу, юность твоя»⁷.

Поравнявшись с номером, Грета различила тихий мужской голос и еле слышный женский умоляющий плач. Она постучала.

Дверь открылась не сразу — сначала за дверью раздалось какое-то движение, потом надолго все стихло. Грета терпеливо ждала. Наконец щелкнул замок:

— Ах, это вы... Наконец-то, — и Марго впустила Грету внутрь.

То, что Грета увидела, ее озадачило, но лишь отчасти — она давно привыкла к человеческой неприкаянности. Вся комната была в большом беспорядке: у стены валялся открытый чемодан, повсюду яркими пятнами, как мазки на мольберте, были раскиданы вещи; несколько пар женских туфель беспорядочно разбросаны

⁷ Псалтырь, 102:1,2.

по полу; кожаный саквояж на столе был тоже открыт, мятым веером из него торчали документы.

— Вы уезжаете? — поинтересовалась Грета, оглядываясь.

Марго пожала плечами, беспомощно опускаясь на стул:

— Да, завтра. Или послезавтра. Точно не знаю. Никак не могу собраться.

Грета прошла по комнате в поисках птицы.

— Сверчки днем помалкивают, просто так вашу птицу не найти. Посмотрю снизу, — она тяжело опустилась на колени и, придвинув к себе поближе сачок, заглянула под кровать. Прямо перед ней обнаружилась пара тяжелых ботинок, аккуратно поставленных рядышком, а в дальнем углу, у стены, виднелся маленький серый комочек, похожий на воробья, — сердце ее щемяще сжалось.

В это время дверь в комнату открылась и впустила бархатный луч закатного солнца, заливший все подкроватьное пространство медовым светом, и вместо привидевшейся птицы Грета отчетливо разглядела лишь грязный комок шелухи. Но не шелуха озадачила согнувшуюся хозяйку, а показавшиеся в солнечном свете — по другую сторону кровати — пыльные мужские туфли, хозяин которых торопливо прошел к межкомнатной двери. Щелкнул замок, затем дверь открылась, и туфли скрылись в смежном номере.

Грета, кривясь, поднялась на ноги и увидела, что внутренняя дверь осталась незапертой, а за дверью мелькнули тени.

— Разве я давала вам ключ от внутренней двери? — озабоченно обратилась она к Марго, которая все еще, будто школьница в кабинете директора, задумчиво сидела на стуле.

— Нет, не давали.

— Тогда как вы открыли дверь?

— Я попросила ключ у вашего мужа, когда вы занимались хозяйством.

Грета направилась к внутренней двери, но Марго тут же вскочила и схватила ее за руку:

— Думаю, вам лучше уйти!

— Послушайте, — еле сдерживая раздражение, недовольно проговорила Грета, уже порядком уставшая от нервной дамочки. — Мне все равно, что вы думаете. И будет лучше, если я все же познакомлюсь с вашим таинственным другом. В конце концов, это мой дом и моя гостиница, я должна знать, кому сдаю комнаты, — и она решительно распахнула дверь, соединяющую оба номера.

Комната была пуста. Но, несомненно, в ней кто-то только что был — рядом с кроватью валялась пара уже знакомых ей пыльных мужских туфель, а на столе были брошены светлая шляпа и свернутая газета. В комнате пахло сигарой. Входная дверь в номер была закрыта, но из галереи отчетливо доносились громкие быстро удаляющиеся шаги.

Хозяйка с укором посмотрела на стоящую у прито- локи Марго.

— Кто это был?

— Эмо, — равнодушно дернула плечом Марго. — Ведь, кажется, ему вы сдали этот номер?

15

«...заседание Совета состоится завтра, о времени его проведения будет сообщено дополнительно...»

— Зачем ты дал им ключ?

Старик приоткрыл глаза и угрюмо уставился на жену, словно его отвлекли от чего-то важного:

— Она сказала, что в их номере пищит мышь и она не может уснуть, хочет переночевать в другой комнате, — прокряхтел он. — А что? Что-то не так?

Но Грета его уже не слышала, она внимательно слушала новости.

«Из психиатрической клиники доктора Ш. ушла и не вернулась мадам Н., вот уже несколько лет находящаяся на лечении... и страдающая нервным расстрой-

ством... Последний раз ее видели на утренней прогулке в сопровождении санитаров... Н. является единственной наследницей всех активов известного торгового дома... Если кто-то знает...»

Грета обескуражено взмахнула руками и, порывшись в объемистом кармане передника, протянула мужу коричневый пузырек:

— Это я нашла у них под кроватью.

Старик взял пузырек, приоткрыл осторожно и поднес к носу. Название на этикетке было неразборчиво, однако ниже, сомнений не было, стоял штамп: «Д-р Ш.».

— Еще я видела бланки клиники у них в саквояже. Думаешь, это они?

— А мне почему знать, они — не они, — старик снисходительно посмотрел на жену. — Ты сама-то что думаешь?

— Думаю, на этот раз уж точно все совпадает: она — сумасшедшая.

Губы старика дрогнули в улыбке:

— А может, и не сумасшедшая... Пожалуй, кофе.

16

Грета открыла глаза и со вздохом перевернулась на другой бок — духота мешала спать, постель источала тягучий жар, влажный и липкий, не давая коже желанной прохлады. Холодное свечение луны вязким серебром безучастно проникало в комнату сквозь штопаное кружево штор. Было чуть за полночь, а потому привычное пение сверчков ненадолго стихло, чтобы возобновиться к двум часам ночи. Дверь в ванную была открыта, и оттуда, нарушая привычную тишину, раздавался сиротливый звук капающего крана.

Грета закрыла глаза, стараясь ни о чем не думать...

...Было темно — ночной мутный свет еле пробивался сквозь грязное оконное стекло. Она уже привыкла сворачиваться калачиком, как маленький зверек, и забиваться под кровать в дальний угол, чтобы заглушить собственным теплом детский страх, не дающий ды-

шать, накатывающийся волнами из живота и застывающий твердым напряженным комком под ребрами; страх, который во что бы то ни стало ей надо было побороть, иначе к горлу сами собой подступали слезы и вырывались надрывными всхлипами — в этом таилась опасность быть услышанной дедом. Если ж такое случилось, то дверь смежной комнаты отворялась и в ярком свете дверного проема черным силуэтом неминуемо возникала большая дедова фигура, и уж тогда ни ругани, ни жестокой порки ей было не избежать.

Но постепенно она научилась сдерживать слезы.

Хуже были просачивающиеся из-за стены звуки, сами по себе почти обычные и давно приевшиеся, слышимые лишь время от времени, но от этого — особенно ясно различимые, отдававшиеся в голове каждый раз по-новому и вызывавшие образы уродливых живых существ, бесформенных и опасных. Там, в закомнатном пространстве, слышались приближающиеся глухие шаги дедовых ног, тяжело ступающих вниз по лестнице, все ближе и ближе — в смежную комнату; шипящими змеями из щелей выползал невнятный торопливый шепот, перебиваемый размеренным скрипом кровати, доносилось кухаркино хныкающее повизгивание, переходящее в сдавленный скулеж, а затем в тяжелый мучительный стон; раздавалось, будто совсем близко, над ухом, мужское дыхание, горячее и шумное, смешанное не то с животным рыком, не то со сдерживаемым криком. Выскочить из затхлой темной конуры не было никакой возможности: каждую ночь по привычке дед на ключ запирает комнату, а в ней — это сучье отродье, не пойми от кого зачатое его слабоумной дочерью.

Постепенно звуки стихали, замирал железный скрежет кровати, дедов рык переходил в густой волосистый храп, и наступала странная тишина, перетекающая в ожидание. Жесткий клубок размякал под ребрами, и тогда она чуть выпрямлялась и даже высовывала из-под кровати голову, чтобы получше разглядеть, как кто-то совсем не страшный, добрый и вечный отделял-

ся от противоположной стены, неслышно подходил к ней и садился рядом, чтобы теплой рукой нежно гладить ее спутанные волосы, утирать слезы и шептать: «Не бойся, я друг, я с тобой». Тряпичной куклой она погружалась в тревожный сон, а мутный нечистый свет постепенно уползал из комнаты, плавной волной откатываясь на улицу по грубому дощатому полу, по оконной раме, сквозь щель под тяжелой дверью, и лишь на мгновение замирал на внешней стороне двери — там, где потом будет прибита табличка с номером «1».

В ванной комнате зашуршало, словно там сгребали сухие листья, потом — через короткую паузу — забулькало. Грета прислушалась, невольно взглянув на спящего рядом мужа — на него надежды не было; затем, ругая в душе необязательного сантехника, чертыхнулась и, охая, стала выбираться из-под горячей простыни.

Зайдя в ванную, она щелкнула выключателем, но свет не зажегся. Придется теперь спускаться в темноте в гостиную, шарить по стене, где находилась распределительная коробка. Но на самом деле в электричестве необходимости не было — его заменил пронзительный лунный свет. Грета подошла к крану и с досадой pokrutila сорванную ручку — безуспешно: капли воды упрямо отсчитывали ритм, рыжеватыми кляксами разбиваясь о металлическую раковину. Под ногами что-то опять стрекотнуло-булькнуло и суетливо процокало. Грета вздрогнула, наклонилась и увидела под раковиной маленького сверчка, испуганно забившегося за трубу и застывшего, будто птичье чучелко; его выдавала лишь настороженно блестящая черная бусинка глаза.

— А вот и ты, мой маленький негодник, — с застаревшим чувством вины Грета протянула к птице узловатую руку. Сверчок дернулся, подпрыгнул и яростно вспорхнул прямо в лицо хозяйке, едва не запутавшись крыльями в ее седых волосах. Женщина всплеснула руками, ахнула:

— Чертовы птицы! Пропадите вы пропадом, окаянные! — и отпрыгнула, едва не упав, но вовремя ухватившись за дверной косяк. Рассерженная, она настезь открыла маленькое окошко, выходящее на задний двор, чтобы сверчок, наконец, сам вылетел на улицу, хотя на это было мало надежды.

Именно тогда, когда Грета открывала окно, ей и показалось, что чья-то фигура спешно шмыгнула в тень, хрустнули ветки и скрипнула черная дверь, ведущая с заднего двора в гостиную.

— Вот еще не хватало, — насторожилась она и вышла из ванной, прикрыв поплотнее дверь, чтобы сверчок не перебрался в спальню. Накинув ветхую шаль поверх длинной ночной рубашки, она вышла в холл.

17

Неясные отсветы просачивались в недра дома, как в щели разошедшегося корабля, и, увязая в плотном маслянистом сумраке, придавали предметам новые формы, подчеркивая изъяны и лакируя помещение особым металлическим блеском, который раздвигал стены и выпускал на волю иллюзию. Отполированная временем деревянная стойка белела, как пузо выброшенного на берег перевернутого морского чудовища. Книжный шкаф с амбарными книгами вырос отвесной шершавой скалой, слепленной из окаменевших неровных пластов различных цветов и пород. Полка с ячейками стала подобна растянутой и прохудившейся рыболовной сети, в которой запутались блестящие рыбки-ключи.

Хозяйка бросила взгляд на пустую ячейку первого номера. И почему она разместила Эмо в этой комнате, бывшей некогда местом их с матерью заточения, она и сама не знала, но со вчерашнего дня эта мысль не давала покоя.

От матери Греты ничего не осталось — ни платочка, ни платяца, только пара размытых фотографий да полупустая комната, в которой держали дурочку, где та и разродилась греховным бременем. Уже позже, после

дедовой смерти и скандального кухаркиного отъезда, Грета сама отремонтировала обветшалую комнату — покрасила стены, заменила мебель — и приспособила ее под гостиничный номер. Крепкой рукой вбила она гвоздь, укрепив на двери номер и навсегда похоронив воспоминания и привязанности под свежей краской, под новой мебелью и под блестящей цифрой «1».

Грета вошла в гостиную — дверь на задний двор была не закрыта. Хозяйка нетерпеливо захлопнула ее, громыхнула щеколдой — и как она, растяпа старая, могла забыть запереть ее! Затем подошла к щитку, заменила пробки... и повернула черную ручку выключателя, наполняя тусклым электрическим светом маленькое помещение.

— Без света — лучше, — раздался тихий женский голос.

Грета вздрогнула и обернулась. В продавленном кресле ее мужа сидела Марго, а рядом на столе стояли две голубые чашки с недопитым чаем. Женщина была бледна, волосы в беспорядке заколоты на затылке, скудное освещение некрасиво заострило ее черты.

— Моему мужу не понравилось бы, если бы он увидел вас в своем кресле, — Грета поджала губы — она не любила, когда нарушались устоявшиеся правила. — Зачем вы здесь?

— Не спится. Знаете... опять не могу уснуть.

— Опять птица? А муж ваш — он-то что делает?

— В каком смысле?

— Ну... он знает, что вы тут разгуливаете... в поисках приключений.

Марго усмехнулась:

— Приключений? Да нет, он спит, — она машинально откинула со лба прядь светлых волос. — Он всегда хорошо спит. Его ничего не мучает.

— А что его должно мучить? — насторожилась Грета. — Он совершил что-то плохое?

— Перестаньте нас поддавливать. Ничего мы плохо не сделали. Закон не нарушили — ведь вас только это волнует?

Грета хмыкнула:

— Мне не нужны проблемы.

— Они никому не нужны. Зря вы так переживаете. Просто... я не могу уснуть.

— Здесь кто-то еще был? — Грета посмотрела на чашки.

— Да.

— Кто?

— Эмо. Мы разговаривали. Знаете, иногда это бывает необходимо — поговорить о пустяках с тем, кто тебя понимает. Он тоже плохо спит по ночам.

— Я смотрю, у вас с этим Эмо много общего.

— Нет, - грустно возразила Марго. — Вовсе нет. Иногда мне кажется, что все дело во мне: если бы я не поддерживала эти отношения, то он бы обо мне забыл. Ведь это я настояла, чтобы Эмо путешествовал с нами. Муж был против.

Стараясь отогнать мрачные предположения, Грета дружелюбно сказала:

— Бросьте, милая, по ночам думать о глупостях. Вы красивая и молодая, грех жаловаться.

— Да, не спорю, но... ведь надобно же еще и любить!

— Любить? Но у вас же есть муж — вот и любите его. И еще есть этот... Эмо. Он ваш любовник?

— Да что вы, — Марго улыбнулась, но уже в следующую минуту погрустнела. — Хотя я бы очень этого хотела. Без него я бы вообще пропала! А как вы можете жить одна?

Грета не ответила, лишь подтянула сползший с полных плеч платок и устремила на безлюдную улицу свой немигающий черепаший взгляд, по которому ничего нельзя было ни понять, ни угадать, разве что почувствовать застарелое ожидание чего-то большого и настоящего и только ей понятного.

Марго встала и нетвердой походкой направилась к выходу.

— Мы уезжаем завтра.

Грета отвела взгляд от окна:

— Подождите.

Она подошла к буфету и, открыв стеклянную дверцу, принялась шарить рукой по полке, заставленной старыми безделушками и мелкой посудой.

— Наверное, вы больны, — бросила она через плечо, отодвигая на полке старую сахарницу, — больны, милая, — произнесла она многозначительно, будто давая понять, что ей известно нечто большее.

— Больна? — Марго обернулась и рассмеялась. — Ну да, больна. Но, думаю, ровно настолько, насколько больны вы или ваш муж, да и все люди вокруг!

Наконец усилия Греты увенчались успехом.

— Это ваше? — она протянула Марго коричневый пузырек с порошком.

— Где вы его нашли? Я обыскалась! — казалось, Марго была искренне рада. — Отличное снотворное, веронал⁸, не пробовали? Очень рекомендую. Мне прописали от бессонницы. Хорошо действует! Мой муж когда-то работал в желтом доме — ну, понимаете, что я имею в виду, — так мне там его и выписывали.

— Санитаром?

— Что?

— Он работал там санитаром?

— Муж? Что вы! Он там работал всего лишь в архиве, он вовсе не медик. Хотите, запишу вам адрес клиники?

Марго взяла пузырек и вышла из комнаты.

⁸ В 1903 году впервые были введены в медицинскую практику барбитураты, барбитал получил рыночное название «веронал». Используется в качестве успокоительного и снотворного средства. Вызывает лекарственную зависимость.

Грета хмуро смотрела на птичье гнездо, свитое на земле между выступающих корявых корней старого дерева. Пять матово-белых яиц, густо покрытых мелкими красноватыми пятнышками, были жестоко превращены в месиво.

— Скорее всего, это орешниковая соя, — говорил стоящий рядом студент, с интересом рассматривая разоренную кладку. — Она съедает как раз только яйца. Лесные же сони крупнее и обычно остаются жить в разоренном гнезде... и после их ухода остаются перья да очищенные от мяса косточки.

— Нет здесь никакой сони и нет ваших косточек. Гнездо раздавлено.

Студент наклонился вперед, чтобы получше разглядеть место трагедии.

— Тогда это может быть белка, — продолжал рассуждать он. — Она умеет разрезать скорлупу зубами, держа яйцо в передних лапках и быстро вращая его, как орех. Смотрите, часть яиц белка раздавила, а часть съела прямо со скорлупой; здесь даже видны пробоины от ее резцов.

— Не говорите глупостей. Что вы болтаете? — нетерпеливо прервала его Грета. — Вот четко виден след от мужской ноги, — Грета указала на большую впадину в центре гнезда, а затем оценивающе взглянула на крупный ботинок, торчащий из-под хитона монахини, та тоже стояла рядом и смотрела на произошедшее с отращением.

Перехватив рассерженный взгляд хозяйки, монахиня поспешила спрятать торчащий ботинок под полы одежды.

— На мой взгляд, это просто особенность почвы, — студент выпрямился и с видом исследователя обошел растерзанное гнездо с другой стороны.

— Я слышала ночью хруст веток и видела, как кто-то ходил по двору, — упорствовала Грета.

Студент вызывающе посмотрел на нее:

— На что вы намекаете? Вы считаете, это я?

— Или, может быть, я? — тут же поспешила возмутиться монахиня. — Лично я в это время молилась, а потом спала крепким сном праведницы! «Любите справедливость, судьи земли...»⁹

— Ах бросьте, сестра! На вас я думаю меньше всего — господь не допустил бы этого. Тот, кого видела я, был похож на мужчину, — Грета строго посмотрела на молодого человека. — Конечно, это мог быть и друг Марго — Эмо, — рассудила она и тут же добавила: — Но что-то мне подсказывает, что это были именно вы. И не пытайтесь меня убедить в обратном.

— Да, я выходил, — признался студент, — я каждую ночь выхожу и наблюдаю за повадками сверчков — я их изучаю! Сверчки-самцы отличаются по ночам удивительным пением, таким, знаете, похожим на стрекотание кузнечиков «срь-рь-рь»... Но я не наступал на гнездо!

— Так я вам и поверила! А уж не вы ли случайно пили чай с Марго поздно ночью?

Студент поправил очки:

— Я не вижу в этом ничего дурного.

Монахиня нервно вдохнула, не столько осуждая студента, сколько испытывая внутреннее удовлетворение, что подозрение с нее было снято.

— Когда я вернулся в дом после своей прогулки, — сбивчиво объяснял молодой человек, — Марго уже была в гостиной и наливала чай на двоих. — Я думал, что она ждет своего спутника... мужа, я имею ввиду, но он спал, и она пригласила меня составить ей компанию... раз уж так получилось.

— И о чем же вы с ней разговаривали?

⁹ Полная фраза: «Любите справедливость, судьи земли, право мыслите о Господе, и в простоте сердца ищите Его, ибо Он обретается не искушающими Его и является не неверующим Ему».

— Так... ни о чем. А что? — смутился молодой человек.

— А то, — вмешалась монахиня, всем своим видом поддерживая хозяйку дома, — «во всех делах твоих помни о конце твоём, и вовек не согрешишь...»¹⁰

— Но это вы зря, — обиделся молодой человек.

— Значит, о сверчках болтали? — не унималась Грета, совершенно уверенная в своей правоте. — Или о том, как вы уничтожаете их гнезда?

— Да говорю же вам, это не я. Вы мне не верите?!

— Не морочьте мне голову. Лучше приставьте ногу. Вы что же — не видите?

— Да вы, похоже, уже назначили виноватого, — развел руками уязвленный студент, — и все мои доводы вам просто безразличны. Вы что-то втемяшили себе в голову и теперь начинаете подгонять все подряд под свою версию. Обычное дело: что-то предположить, а потом повсюду обнаруживать множество тому подтверждений! И поверьте, вы обязательно их обнаружите, было б желание! — студент снял очки и принялся протирать стекла замусоленным носовым платком. — Каждый видит и слышит лишь то, что хочет, вам не кажется?

Грета ничего не поняла из возбужденной тирады орнитолога, равно как и молодая монахиня.

— Болтаете всякую чепуху! — махнула она рукой и в компании повеселевшей святой сестры направилась к дому. — Кофе остынет, идите завтракать, — а чтобы как-то загладить неприятный разговор, не сильно интересуясь, бросила через плечо: — Так о чем вы все-таки с ней болтали?

— Кажется, она сказала, — уже дружелюбно ответил студент, послушно следуя за женщинами и предвкушая теплые булочки, — что они с мужем ждали иностранные визы, и что они их уже получили и теперь могут продолжить свое путешествие.

¹⁰ *Сир*, 7, 39.

Старый автомобиль с шашечками такси давно поджидал пассажиров, и Грета по обыкновению вышла на крыльцо проводить постояльцев «Сверчков». Таксист сидел за рулем, выставив толстый локоть в открытое окно, и скучал.

Закатное ласковое солнце разбрызгивало низкие светло-охристые блики на старую крышу гостиницы, обнажая черные дыры изъянов; мягкие лучи скользили дальше сквозь редкий нахохлившийся ельник и затухающим огнем поднимались выше — туда, куда Грета никогда не смотрела.

Хозяйка, шурясь, поглядывала на деревянные столбы галереи и думала о том, что хорошо бы их к зиме укрепить, некоторые совсем разошлись.

Наконец появились отъезжающие. Как и в день своего приезда, Марго была в дорожном костюме, не по погоде плотном, и в тех же туфлях на каблуках, а ее муж — в костюме и шляпе. Правда, сорочку Грета ему постирала и хорошенько отутюжила и теперь была этому рада.

— Надеюсь, мы вас не обидели, — муж Марго скривил губы в улыбке. — Не думайте о нас ничего дурного. До свидания!

Грета отряхнула передник:

— Счастливой дороги, бог в помощь.

Мужчина поставил чемодан с саквояжем в багажник, захлопнул крышку и распахнул для Марго дверцу автомобиля. Та все еще молча стояла на пороге рядом с Гретой, словно хотела что-то ей сказать важное, но все не решалась. Длинная тень от придорожного столба вытянулась до самого дома, вступая с ним в многолетнюю предзакатную связь и сливаясь на ночь в единое целое, чтобы с рассветом вновь разбежаться.

— Что ж... до свидания, — вздохнула Марго, натягивая маленькие перчатки на тонкие пальцы. — Пора

ехать. У вас здесь было все очень мило, — последнее прозвучало тихо, и от этого похвала вышла бескровной.

— А ваш друг? — неожиданно спросила Грета.

— Друг?

— Да, ваш друг.

— Ах Эмо! — Марго усмехнулась и еще более сосредоточилась на своих перчатках. — Он уехал. Еще рано утром. Разве вы его не видели?

— Нет. Я не видела, — Грета рассматривала маленькую мушку, приземлившуюся на пиджак Марго. — Ни в этот раз, ни в какой-либо другой.

— Наверное, вы еще спали, — Марго порывисто скинула голову. — Вы спали. Он правда уехал очень рано, вот вы и не видели, — на секунду встретившись с Гретой взглядом, она тут же отвела глаза и повернулась, чтобы сойти с порога.

Грета задумчиво смотрела вслед удаляющейся машине, быстро набиравшей скорость и поднимавшей за собой клубы придорожной пыли.

— А ты сама-то его видела? — вздохнула Грета и вошла в дом.

20

Дождь лил не переставая уже вторую неделю, опутывая мокрым коконом маленькую придорожную гостиницу «Сверчки», омывая прилегающую к ней разбитую автомобильную дорогу, потемневшую от воды, словно от горя, и бесстыдно выставившую напоказ увечья — убогие выбоины и трещины, как будто сокрушающаяся о своей старой и давно отмершей коже. Чернеющие всюду лужи, переполненные блестящей, словно нефть, водой, пузырились и изливались многочисленными потоками, настойчиво пробивающими себе путь к дому, опутывая его спиральями и кольцами, как спрут опутывает жертву щупальцами в надежде раздавить ее в смертельных объятьях. Жидкий ельник, еще недавно томившийся в знойном мареве, меланхолично стряхивал под струями засохшую хвою и вновь погружался в

забыть под звуки настойчивого водяного шума. Размытый бледной пеленой мороси, скособоченный рейсовый автобус расплывчатым призраком проехал без остановки и скрылся без всякой надежды на возвращение.

«...в связи с непрекращающимися дождями ...наблюдается увеличение количества дорожно-транспортных происшествий...»

Дождь лил однообразно и настойчиво и, казалось бы, самым естественным образом вписывался в давно заведенный ритм дома с его монотонностью и вечным ожиданием. Но что-то уже звучало в пространстве иначе; что-то уже стремительно вымывалось ливневой водой из-под окаменевшего фундамента; что-то уже случилось и внесло в устоявшееся однозвучие новый — непростительно новый — звук, стремительный и свежий. Звук смешивался с мокрым воздухом и наполнял легкие долгожданной прохладой и ветром. То медленно начал движение дом, сползая с мели и расправляя затекшие стропила.

На дороге показались очертания машины, которая уже через минуту лихо сворачивала к дому, подсакивая на ухабах и расплескивая лужи, а еще через минуту звякнул колокольчик.

Хозяйка отложила шитье и не торопясь поднялась со стула.

«...уровень воды в пригороде поднялся до... однако эта отметка не превысила критического уровня 19... года, когда...»

Не прошло и пяти минут, как хозяйка вернулась и вновь опустилась на свое место.

— Отказала? — раздался из угла заспанный голос мужа. — В такую погоду?

Какое-то время Грета привычно молчала, а потом, не отрываясь от шитья, качнула головой:

— Ну да. Нет мест.

Старик, посвежевший, словно умытый дождем и отполированный, повернул голову и с любопытством посмотрел на жену:

— Мест нет?

— Мест нет, — как ни в чем не бывало повторила Грета, делая стежок за стежком, — ведь сегодня пятница и твой приятель везет сахар на ярмарку, он у себя, в четвертом. Студент по-прежнему в третьем, выезжать, похоже, не собирается. А мне-то что? Дело его — он платит, — она вытянула иглу и снова воткнула в ткань. — В шестом и пятом крыша течет — кого ж туда селить? За последний час два ведра вылила. Ну а второй номер держу для плотника, вот-вот приедет, вряд ли он течь устранил за один день.

Грета замолчала — слова рассыпались и растаяли; закончились и телевизионные новости, и на какое-то время комнату заполнила тишина. Раскинув лопасти-перья, молчал вентилятор, будто распятая и окаменевшая под потемневшим от времени потолком первобытная птица, так и не взлетевшая в воздух.

— Остался еще один номер, — нарушил тишину старик. — Первый.

— Первый? — невозмутимо откликнулась Грета, по-прежнему не поднимая головы. — Да он тоже занят. Разве ты не знал?

Старик не ответил.

— Там живет Эмо, — улыбнулась Грета и сделала последний стежок.

* * *

«И если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы»¹¹.

¹¹ *Первое послание св. Ап. Павла к Коринфянам.*

Рустам Карапетьян

Во многих русских сказках встречается образ мертвой воды и живой. И чтобы оживить, воскресить кого-то, обязательно нужна вода — и та, и другая. Вот мне и кажется, что все очевидное, рациональное, сознательное — это некая мертвая вода, которая механически, умно, правильно соединяет, держит наш мир. Но все же окончательно оживляет его нечто неуловимое, мистическое, чудесное. И без этого чудесного мир — а вместе с ним и мы — остаемся просто мертвыми, холодными тенями, бессмысленно таскающими камни. А хотелось бы строить Храм.

Родился в Красноярске, где живу и работаю по сей день. Закончил психолого-педагогический факультет Красноярского госуниверситета. Работаю программистом. Лауреат премий им. В. П. Астафьева, А. И. Куприна. Посещал литературные семинары Андрея Лазарчука, Евгения Мамонтова. Неоднократный участник фестивалей «Молодые писатели вокруг «Детгиза»». Член Союза русскоязычных писателей Армении и диаспоры, член Союза российских писателей. Руководитель литобъединения «Диалог» при государственном центре народного творчества. Кроме литературы занимаюсь эсперанто и айкидо.

Рассказ «Ульма» занял 1-ое место в номинации «Проза» конкурса «Тонкие миры», организованного МСП «Новый современник» и Московским салоном литераторов в 2015 г.

Ульма

Земля

— Ульма-а-а! Ульма!

Маленькая Ульма не отвечает. Она знает, что если ответить сразу, то ее тотчас же найдут. И поведут домой обедать. Конечно, Ульма немножечко проголодалась, но сейчас у нее гораздо более интересное и важное занятие. Ульма лежит на земле и наблюдает за муравьем. Муравей спешит к себе домой. Это Ульма знает точно, потому что муравей тащит какую-то съедобную крошку. Когда мама возвращается с работы, она тоже, как муравей, всегда тащит большие пакеты с едой.

— Ульма-а-а!

Если отозваться, то прибегут взрослые и могут раздавить мураша. Поэтому Ульма не отзывается, а думает: «Интересно, а сколько у него детей? Наверное, двое: мальчик и девочка. Дети сидят в своем муравейнике и смотрят в окно».

Если встать во весь рост, то муравья почти не видно. А если лечь, да еще и приклонить голову к земле, муравей становится большим. И хорошо видно, как он торопится домой, чтобы покормить своих малышей. Иногда Ульма подставляет на пути муравья веточки и с интересом наблюдает, как тот преодолевает внезапно посланные небом препятствия. Ульма вовсе не хочет оставить муравья голодными. Но ведь так интересно наблюдать, как папа-муравей переползает через веточку, таща за собой громадную крошку.

— Ульма-а-а!

Иногда Ульме кажется, что Бог лежит на облаке, свесив голову вниз, и наблюдает за ней. Потому что Бог далеко и он большой. И по-другому ему Ульму ну никак не разглядеть. Ульма уже знает несколько молитв. Но когда ей кажется, что Бог смотрит на нее, она от волнения сразу их забывает и только шепчет быстро-быстро:

«Боженька, Боженька, это я, Боженька, я здесь, Боженька мой». Еще иногда она машет рукой в небо. И если рядом оказываются взрослые, то они машинально тоже смотрят в небо, потом пожимают плечами и продолжают заниматься своими делами.

— Ульма-а-а!

Муравей дополз до своей норки и нырнул туда. Крошка, которую он тащил, все никак не хочет протискиваться, но тут выскакивает вся муравьиная семья: мама, бабушка, дедушка и двоюродный дядя, — и все вместе заталкивают крошку в дверь. Ульма радуется: теперь муравьята не останутся голодными. Ульма вскакивает и бежит к дому. Возле дома ее уже ждет мама.

— Ульма, горюшко мое, ну куда это ты запропастилась? И где это так извозюкалась? Ну-ка, немедленно марш мыться, а потом кушать!

Ульма в ответ только невинно улыбается. И бежит вприпрыжку в дом. На крыльце она оборачивается и машет кому-то в небе. Я улыбаюсь, глядя на Ульму сверху. Потом машу ей в ответ, вскакиваю и стрелой мчусь домой. Меня, наверное, тоже уже потеряли.

*Жарко даже у воды,
Душно в речке даже.
Мне рассказываешь ты
Сон про куклу Дашу.
Над водою стрекоза,
В небе солнца мячик.
Хорошо тебе в глаза
Дунуть одуванчик.*

Огонь

Его зовут Петер. И он рыжий. Ульма так его и зовет: рыжий Петер. Петер не обижается, а только смеется. А чего обижаться, если он и вправду рыжий. Они познакомились в турпоходе. Она — студентка, он — инструктор.

тор. Палатка, костер, песни — что еще для знакомства надо? Петер отвратительно поет. Но зато как он играет на гитаре! А Ульма больше всего на свете любит петь. Она даже в детском саду солировала: «Солнечный круг! Небо вокруг!» И потом уже хор: «Пусть всегда будет солнце!»

— А за что ты меня полюбил? — часто спрашивает она Петера. Петер делает вид, что задумался, а потом начинает перечислять:

— Ну, во-первых, ты не дерешься. Во-вторых, твоя мама бесподобно готовит клецки. В-третьих, ты не хранишь...

На «в-седьмых» Ульма обычно не выдерживает и кидает в Петера подушкой. Петер швыряет подушку в ответ, и начинается битва. По комнате в полнейшем восторге скачут солнечные зайцы. Вообще-то, Петер — архитектор. Будущий. Но он уже спроектировал дом, в котором они будут когда-нибудь жить. В этом доме много воздуха и солнца. Есть где солнечным зайцам разгуляться. А еще в доме много детей. Ведь у Ульмы будет много детей. Мальчик, девочка, а потом еще один мальчик. И все рыжие, как Петер. Зато глаза у них будут голубые, морские, как у мамы.

Ульма лежит у Петера на груди и рассказывает:

— А еще, представляешь, нам зачет перенесли. Я готовилась, готовилась. А теперь за неделю все позабуду.

— Ага, — сонно бормочет Петер.

— Зато по английскому препода заболел, и ему на смену прислали другого, молодого. Так он всем нашим девчонкам, и мне тоже, пятерки просто так поставил, за красивые глазки.

— Угу, — сонно соглашается Петер.

— Тебе что ли совсем все равно? — возмущается Ульма.

— Эге, — соглашается Петер, и Ульма тут же вцепляется в его дурацкие рыжие кудри. — Ой-ёй-ёй! Ну не все равно, не все равно! Только отпусти, кошка несчастная!

Ульма отпускает его и победно мурлычет:

— Да, мы, кошки, такие! Только я не несчастная. Я счастливая кошка.

Иногда ей кажется, что она и Петер — это два язычка пламени. Они то горят по отдельности, то сплетаются в буйном танце, и тогда становится непонятно, где Ульма, а где Петер.

— Я люблю тебя, — почти неслышно шепчет она Петеру в ухо.

— Ага, — сонно бормочет Петер. По окну уже сползают первые капли рассвета.

И Ульма незаметно проваливается в сон. Сон, кстати, тоже рыжий и теплый. И в нем много солнечных зайчиков.

*Цветом небо загорелось.
Это мне так захотелось,
Чтобы встретила меня
Ты под брызгами огня.
Чтобы рядом мы стояли
И молчали, как во сне,
Чтоб из глаз твоих стекали
Струйки света в губы мне.*

Дождь

Лицо было мокрым. Но не от слез, а от дождя. Дождь зарядил с самого утра. Серая мелкая морось с серого измятого неба. Серым было все: дома, прохожие, машины. Серыми были слова, произносимые такими же серыми губами. Серыми и мокрыми.

Отпевали в маленькой загородной церквушке. Народу было немного. Наверное, потому что по жизни как-то так сложилось, что знакомых было много, а друзей мало. Слишком уж они вдвоем были заняты друг другом. Так что для многочисленных дружб времени не оставалось. Поэтому друзей было мало. Зато пришли все. Они по очереди подходили к Ульме, трогали ее за

рукав и отходили, не произнося ни слова. На то они были и друзья, чтобы понимать, что Ульме сейчас слова ни к чему.

Ульма знала, что должна поплакать, но слез не было.

— Хорошо, что дождь, — думала она, — не так заметно, что я не плачу.

По правде говоря, она и не могла заплакать. Если бы она заплакала, то тогда бы согласилась с происходящим, с тем, что необратимо, с тем, с чем соглашаться она никак не хотела. Конечно, никаких таких мыслей в голове Ульмы и в помине не было. Просто она никак не могла заплакать — и всё.

Ульма загадала: «Если я досчитаю до ста и дождь кончится, значит, это всего лишь сон». Она досчитала до ста — медленно, не торопясь. Ее о чем-то спрашивали, она кивала в ответ, но на самом деле ничего не слышала, а хмуро и сосредоточенно считала: «Девяносто девять... Сто...»

Дождь не кончался. «До тысячи, я сосчитаю до тысячи», — решила Ульма. Дождь не кончался. Струйки воды стекали по ее лицу. Но Ульма не плакала. Она считала.

Приехали домой. Что-то выпили. Снова молча подходили по очереди друзья. Так же молча уходили. На то они и друзья, чтобы понимать, что Ульме хочется побыть одной. Ульме было не до них. Ульма считала до миллиона. А дождь не кончался.

В Чехии начались наводнения. Польша к ним только еще готовилась. А в Германии с непогодой боролись уже давно и всерьез. Но Ульма об этом не знала. Она не смотрела телевизор, не слушала радио, не включала компьютер. Ульма была очень занята: она считала до миллиона.

«Если считать быстро: раздватричетырепятнадцать, то это неслучайно и ничего не получится», — думала Ульма. И поэтому она считала вдумчиво и серьезно: «Двести семнадцать тысяч пятьсот шестьдесят один... Двести

семнадцать тысяч пятьсот шестьдесят два...» Дождь не кончался.

Ульма смотрела в небо — небо было затянуто серой пеленой, даже помахать некуда. Наверное, Бог сейчас совсем не видит ее. Иначе бы он обязательно помог. Но из-за дождя ничего толком не разглядеть. А даже если на миг и появится просвет и Бог разглядит в него мокрое Ульмино лицо, он наверняка подумает, что это всего лишь дождь. И, кстати, так ведь оно и есть. «Пятьсот шестьдесят две тысячи триста пятнадцать... Пятьсот шестьдесят две тысячи триста шестнадцать...»

На работе Ульму отправили в отпуск. Ну и правильно. Ну какой сейчас из нее работник? Спросишь ее о чем-нибудь, а она смотрит, смотрит словно бы сквозь тебя и только губами еле шевелит. По-хорошему, может, надо было показать ее врачу, но решили, что пока не стоит. Пускай еще немного времени пройдет, а там, глядишь, и придет в себя наша Ульмочка, русалочка голубоглазая. А дождь все шел и шел.

Каждый вечер Ульма приходила в кафе, где они раньше сидели по воскресеньям. Ульма брала чашечку кофе, садилась за один из столиков, выставленных снаружи. Так и сидела до самого конца, пока хмурый хозяин кафе не начинал переворачивать стулья и ставить их на столы. Тогда Ульма быстро расплачивалась и уходила. «Восемьсот двадцать девять тысяч сто один...»

Кажется, это был понедельник. Или вторник. Но что не воскресенье — это точно. Потому что по воскресеньям в кафе обычно сидело много народа, а в этот раз оказалось раз-два и обчелся: только пожилая пара да саксофонист из дорогого ресторана напротив.

«Миллион!» — мысленно вскрикнула Ульма, и вдруг дождь кончился. И серые тучи как-то заробели и стыдливо отодвинулись друг от друга, а потом и вовсе разбежались в разные стороны. И небо оказалось вдруг таким невыносимо глубоким и синим, что Ульма от неожиданности выронила чашечку. Как в замедленном

кино, чашка медленно спланировала на мостовую и так же медленно разлетелась вдребезги.

Ульма неловко оглянулась, словно ища чего-то. Мир вокруг играл красками, растекался ручейками смеха, сверкал осколками луж. Ульма вздохнула и отчаянно разрыдалась.

*Тарелка выскользнула луною
Из рук уставших. Осколки — брызгами.
Вздохнула: «К счастью». А сердце поет.
И мысли — слишимися огрызками.
А за окном дождик землю штопает,
А за окном целый день ненастье.
А тут еще и тарелка, чтоб ее.
И надо верить, что это к счастью.*

Ветер

Ветер треплет листочки джаза, срывает и долго гоняет их по шуршащей мостовой. Уж ветер-то знает в этом толк.

Ульма чутко прислушивается то ли к нему, то ли к себе.

— Я хочу быть ветром, — внезапно срывается с ее губ. Ветер подхватывает прозрачный шепот и начинает таскать его по мостовой вместе с листьями.

— Я хочу быть ветром, — шелестят листья.

— Я хочу быть ветром, — тихонечко подпевают водосточные трубы.

— Я хочу быть ветром, — скользят по крышам облака.

Я ловлю этот шепот, сидя у открытого окна последнего этажа, и мой чай наполняется привкусом пыльной печали перед ночным дождем.

— Я хочу быть ветром.

Ульма зажмуривает глаза и поднимает лицо к небу.

— Лети, — слышит она мой темно-синий шепот. Ульма расправляет руки, и земная тяжесть спадает с нее, словно листочки джаза, срываемые взлохмаченным ветром. Ульма взмывает вверх. На одно мгновение я слышу на своей щеке прикосновение ее губ с ароматом недопитого кофе.

— Спасибо, — шепчет мне ветер и уносится прочь к горизонту в рыжую солнечную даль.

Скорая приезжает минут через пятнадцать.

— Не расплатилась, — вздыхает хмурый хозяин уличного кафе, но потом понимает, что сморозил глупость, смущенно машет рукой и отодвигается назад. Ульму уносят на носилках. Седая прядь выбивается из-под съехавшего платка. Ветер треплет листочки джаза.

*Те голуби, что с острой крыши
Метнулись вверх — все выше, выше —
И растворились в тишине,
Еще раз встретятся ли мне,
Когда и я нырну за ними,
Чтоб небесами голубыми
Добраться до таких высот,
Где даже смерть уже не в счет?*

Игорь Бурдонов

Когда пишу эти строки, за окном идет снег, а под окном идет человек с собакой. Вопрос: если снег может идти, может ли он думать и чувствовать? Как человек и собака? Наверное, не так же, но ведь и собака делает это не так, как человек, а этот человек — не так, как я. Да и я это делаю не так, как я — я вчерашний или я двадцатилетней давности. Про себя еще что-то помню, хотя где гарантия, что это воспоминания, а не фантазии? А про другого человека, про собаку или про снег я уж ничего не знаю.

Да я вообще ничего не знаю или, что то же самое, знаю все, только сказать не могу. Вот я тут умствую, а товарищ в галактике Андромеда прикидывает, как через 4000000000 лет он прилетит и мы побеседуем за чашкой чая. Или мы уже давно беседуем, только не замечаем? Ведь откуда-то берутся же мои мысли и чувства, не из ничего же рождаются. Или мне внушает их цветок на лоджии: вон как раскинул веточки и выпустил листочки. Они что же, случайно расположены? Ну нет — если бы я не был ленив, разгадал бы тайный смысл и скрытые знаки в этих веточках и листочках, и сразу все узнал. Что все? Да вообще все: как устроен мир, с чего начался, чем кончится. Ведь не может быть, чтобы мир сам по себе, а цветок сам по себе.

А еще те, что уже ушли, на диване сидят, тихо так. А те, что еще не пришли, на кухне чай разливают. Этого не бывает? А я тут же представляю себе это, и вроде как это уже есть, просто раньше внимания не обращал.

Обыденные вещи

Ветер и звук тяжелы для времени.

Чтобы остаться, нужно стать тенью цветной.

Неподвижной, потому что движение не существует, существует лишь время, которое само есть иллюзия во сне вечности.

Вечность же, чтобы быть вечностью, вынуждена лишиться себя атрибута существования, как и всех прочих атрибутов.

Поэтому тени мерцают.

Эта пульсация вечности, хотя и иллюзорна, для вечности губительна. В саморазрушающейся вечности тени становятся единственной реальностью и в конце концов материализуются.

Так что, строго говоря, ничего, кроме самых обыкновенных вещей, нет. Однако, вступая в реальное существование, обыкновенные вещи перестают быть обыкновенными. Так возникает Великое, отбрасывающее тени.

Этот круг кажется кругом, потому что бытие воспринимается нами как сплошная плотность. В действительности бытие крайне разрежено. Можно тысячи лет идти и ничего не встретить. То, что кажется нам стоящим впритык или даже видится как одно внутри другого, на самом деле разнесено и удалено. Находящееся между не то чтобы не существует, и поэтому мы его не видим, и не то чтобы мы его не видим, хотя оно существует. Скорее оно имеет совсем другую природу, так что бессмысленно спрашивать: существует? не существует? видим? не видим?

Вот почему трагедия — всего лишь недоразумение.

Трагедия — это клубок причин и следствий, средств и целей, желания и невозможности, реальности и миража. Но ничего этого нет, поэтому нет и клубка. Точнее, есть, но нити разбросаны на столь обширном пространстве, что тысячи лет они будут лететь, но даже не соприкоснутся, не то чтобы сплестись в клубок.

Жизнь или обыкновенна, или ее нет. Искать смысл — все равно что ожидать, что тысячи лучей (людей?), рожденных в разных концах Вселенной, когда-нибудь встретятся в одной сверкающей точке.

Впрочем, может быть, так и рождалась Вселенная.

Как практически невероятная теоретическая возможность.

И это же называют концом мира.

Конечность жизни дана нам не для наказания, а как подсказка. И все равно трудно найти ответ. Его ищут в бесконечности, игнорируя подсказку или извращая ее. Поэтому и не находят. А то, что находят, не является ответом, а в лучшем случае — другой формой все того же вопроса.

И все потому, что спрашивают о коралловых островах и не спрашивают о великом океане. Спрашивают о необычном, а существует только обыкновенное. Спрашивают о бесконечном, а загадка — в конечном.

Вообще, вопросы можно задавать только в плотном мире. Но там это было бы ни к чему, потому что ответ находился бы впритык к вопросу или даже внутри него. В бесконечно разреженном мире, каким наш мир и является, любые вопросы и любые ответы бесконечно бессмысленны. Смысл — это вообще другое название плотности. В бесконечно разреженном мире нет смысла, а есть реальность обыкновенных вещей.

Мерцание — это из-за разреженности, потому что любая вещь существует неустойчиво и не исчезает только потому, что в исчезновении нет смысла. Что есть, что нет — все едино.

Вещь — обыкновенна, она не является инобытием чего-то иного. Имеет ли человек другую природу?

Может быть, человек — это находящееся между? Это только гипотеза. Для ее проверки следовало бы провести эксперимент с уничтожением всех людей и наблюдением, что из этого получится.

Но если останутся наблюдатели, эксперимент — не чист, а если наблюдателей не останется, эксперимент

некому довести до конца. В этом суть человека. И бессмысленность экспериментов.

Вопрос об онтологическом статусе цветных теней на самом деле не важен. Не потому, что цветные тени в чем-то хуже (или лучше) ветра и звука, а потому что онтологический статус сам есть тень. Что есть, что нет — все едино.

Если ты не принимаешь обыкновенность вещей, ты будешь повсюду искать заговоры и тайные общества. История — это реализация Программы, осуществление Замысла, борьба Сил. Твоя жизнь — это партия в таинственной Игре. Любовь — зомбирование. Познание — раскрытие Заговора. Вера — поклонение Великому Заговорщику.

Тот, кто принимает обыкновенность вещей, не говорит о чудесах, силе, беспорядках и духах. Поэтому он может распевать песни, подставив грудь ветру. Но таких людей мало.

На самом деле вопрос не в том, существует ли Заговор. Потому что если Заговор существует, то это самая обыкновенная вещь и говорить тут не о чем. Только если Заговор не существует, возникает повод для размышления и дискуссии. Религия — это организационно оформленное отрицание Бога. Поэтому в ней находят утешение и те и другие.

И все же главный вопрос не о Боге, а о плотности бытия. Если плотность столь велика, что некуда руку просунуть, то все оказывается переплетенным в один клубок и одно внутри другого. В конце концов обнаруживаешь только самого себя, а весь мир — лишь оболочка, слой за слоем на обнаженном теле. Конечно, клубок — это трагедия, но все же внутри довольно уютно и тепло. Это совсем иное ощущение, чем идти, распевая песни и подставив грудь ветру.

Людей, вещи и события можно воспринимать по-разному.

Если это оболочки, от которых пытаешься освободиться или в которые пытаешься зарыться поглубже, то

начинаешь искать причины и следствия, средство и отторжение, таинственные цели и тайные замыслы, истину и заблуждение. И никому и ничему нельзя доверять, хотя вопрос о доверии становится жизненно важным.

Если же проходишь сквозь это, как проходит нейтринно сквозь вещество без надежды на что-либо натолкнуться, то ничего уже не ищешь. А только пытаешься удержать в равновесии как можно более полное целое, хотя целостность, не знающая предпочтений, как раз и оказывается проблемой.

Идти по срединному пути обыкновенности почти невозможно. Хотя в обыденной жизни миллионы людей идут по этому пути, их чувства и мысли почти всегда сворачивают на узкие тропинки. Кажется даже, что тот, кто не сворачивает, просто не имеет ни чувств, ни мыслей. Что говорить о нем!

Однако все чудовища мира рождаются из яйца обыкновенности, но сами не оставляют потомства. Ведь тени не способны к совокуплению и вынашиванию плода, будь они хоть трижды цветными. Даже самый отпетый пьяница кажется пышущим здоровьем в сравнении с питающимся теньями.

Может даже показаться, что это тени питаются им, и потому он чахнет. Но на самом деле он просто не хочет жить. Ведь жизнь обыкновенна, или ее нет.

Казалось бы, душа дана человеку для тонкого чувствования тела, а она все норовит из него выпрыгнуть. Так разрушаются семьи, гибнут царства и распадается связь времен — из-за любви к теням и недоверия к обыкновенным людям, вещам и событиям.

От чашки с горячим чаем до пересохшего рта миллионы световых лет, и кажется чудом, что рука преодолевает это расстояние. Но никакого чуда нет, есть обыкновенность вещей, которая и есть единственное чудо. Глоток чая подобен поглощению миров. Чаепитие подобно рождению Вселенной. Что еще нужно?

Плотность окружающих человека вещей.

Дерево подобно его душе.

Камень хранит тени ушедшего.

Металл болезненно тверд и молод, но его блеск и звон отходят в прошлое.

Вода неизменна, но это уже природа.

В окружении старых вещей, как и в окружении старых книг, жизнь неподдельна.

В бесконечно разреженном мире плотность окружающих человека вещей особенно чарующа.

Если очистить воздух от мусора, именуемого современностью, вновь ощутишь его прозрачность.

Существование настолько маловероятно, что любая вещь кажется чудом.

Но особенно чудесны плотные вещи, сбившие прошлое до осязаемой твердости настоящего: деревянный табурет со скрипом, гудящая в метель белая печь, поющий металлический чайник, чай свежезаваренный с ароматом волшебных стран. Слипание век в окружении этого не кажется кощунством. Сон продолжает реальность, а не отрицает ее.

В большом мире человек неустойчив. Мир дробится на части, стремящиеся пожрать друг друга. Эту сложность иногда называют духовностью, но больше она похожа на груды мусора.

Понимание дается большим количеством прочитанных книг, если обладаешь даром понимания. Но если обладаешь этим даром, то можно обойтись и без книг, потому что, даже если задаешься вопросами, понимаешь необязательность ответов.

В сущности, ничего не меняется, и разумный человек, учитывая опыт прошедших веков, не может испытывать ни малейшего сожаления и не может питать ни малейших надежд. Более того: совершенно неважно, так ли это на самом деле, потому что выражение «на самом деле» не имеет смысла. Прогресс нужен лишь для усиления наглядности этого факта, что, правда, не бесспорно.

Поскольку время, очевидно, не существует, человек проявляет такой интерес к воспоминаниям. Они кажут-

ся чудесными и загадочными. Но спорить о том, что было, не имеет смысла, потому что ничего не было. Старые вещи, хранящие тени ушедшего, особенно хорошо понимают это. Старые люди, обладающие даром понимания, никогда не спорят, но любят вспоминать и рассказывать.

Простой человек верит в рай и ад для успокоения жизни. Богослов выращивает червячка сомнения в змея горыныча своей теологической системы. Мистик, пытаясь преодолеть этот дуализм, тонет в глубинах своей души.

В результате Бог — одинок.

Кэнко-хоси сказал: «При случае очаровать может все что угодно». Эти слова выражают бесконечную разрежённость мира, в котором у каждой вещи ее плотность слита с мимолетностью и прозрачностью ее существования, которое столь маловероятно и потому чудесно.

Желание русской крестьянки попасть в рай, где на золотом холме утопает в цветущих садах деревенька, столь же элегично, как и объяснение смерти Тао Юань-мином: «Просто тело отдам, чтоб смешалось оно с горой».

Бог одинок.

Если бы плотные вещи исчезли, исчезли бы и их эманации: книги, картины, музыка, телевидение, компьютеры, парламенты, президенты, доменные печи, автомобили, почта и телеграф.

В плотном мире ничего этого и не возникло бы или, что то же самое, существовало извечно. В плотном мире ничего не возникает и не исчезает, или это происходит слишком часто — с частотой мерцания мира — и потому незаметно.

Но в нашем бесконечно разреженном мире тени летят, не встречая сопротивления, и круги на воде не затухают долго.

То, что кажется плотностью мира, есть лишь плотность бесплотных теней, по-своему забавных, но ли-

шенных грубой вещественности реального существования. В эти тени можно играть, но бороться с ними не нужно. «Одурманенный тенью» — так назову я забывшего, что такое деревянный табурет или чай свежезаваренный с ароматом волшебных стран.

Если выйдешь в утренний туман дороги, или на берег — и пар над водой клубится, или в луга, где роса прогревается солнцем всходящим, то в сияющей прозрачности природы увидишь, как удалено все остальное. И разве нужны еще какие-то доказательства бесконечной разреженности мира?

Но то же самое ощущение удаленности всего остального возникает, когда сидишь на деревянном табурете со скрипом рядом с гудящей в метель белой печкой и пьешь чай свежезаваренный с ароматом волшебных стран. Это значит, что созданное человеком тоже может быть не тенью, а вещью с плотным существованием, в сиянии которого удаляются тени.

Плотные вещи настолько обескураживающе реальны, что удивительно, почему люди так много внимания уделяют теням. Многие даже считают свою жизнь неудавшейся, если она не прошла в окружении достаточно ярких теней. Они выбрасывают плотные вещи и наводняют свой дом самыми причудливыми тенями.

Это было бы не страшно, если бы они чувствовали и сочувствовали плотность окружающих их людей. Ведь человек всегда плотен. Но у них что-то происходит с глазами, и они видят только тени людей. Они разговаривают с этими тенями, живут с ними, рожают от них детей. В конце концов они даже в зеркале не видят самих себя, а только свои тени.

Было бы здорово, если бы ученые придумали прибор для измерения плотности, чтобы отличать тени от реальности. Но, к сожалению, наука слишком увлеклась своими приключениями в мире теней.

Глубина бытия и высокая древность просвечивают сквозь мимолетный срез настоящего. Это говорит о бесконечной разреженности мира.

Но свет проходит только через обыденные вещи. То, что называют культурой или духовностью, когда явно апеллируют к свету, оказывается, как ни странно, непрозрачным. Здесь царит отраженный свет, и он не дает пробиться свету изначальности.

Только обыденные вещи, события и люди, ни на что не претендующие и ни к чему не апеллирующие, способны пропускать этот свет или, может быть, лучше сказать: не становятся преградой для встречи с глубиной бытия и высокой древностью.

Обыденность прозрачна.

Эта прозрачность сродни прозрачности природы, которая ведь тоже обыденна.

Восхищение вызывает именно это странное сочетание качеств природы: повторяющаяся обыденность, неповторимая мимолетность и непреходящая вечность.

Пытаясь отразить это, человек слишком часто концентрируется на чем-то одном и тем самым теряет все.

Обыденность прозрачна именно потому, что она обыденна, то есть не претендует на самоценность, тем самым открывая дорогу высокому, и потому обретает высшую ценность.

Неприятности обыденной жизни — проявление истины бытия; удовольствия обыденной жизни — своего рода компенсация; парение любви, творчества и общения с природой — проявление истины человека.

Поэтому рай невозможен.

Ибо не может быть истины человека без истины бытия.

Если нет обыденности, то, строго говоря, ничего нет.

Обыденное — это единственная форма существования. Необыкновенное, а особенно — божественное или дьявольское, есть форма несуществования.

Из «Книги полного и достоверного описания экзотических стран и необычных явлений»:

«...В России растут белые деревья. Земля там белая и на ней — белая трава. Крыши в России белые, небо голубое, а люди причудливые. У них есть странный

обычай при смене года собираться в одном доме, топить печь дровами, пить белую воду и петь прозрачные белые песни. Когда белой воды выпивают слишком много, начинают драться или падают и засыпают, в зависимости от настроения. Днем в России светло, а ночью темно. Солнце там красное, а Луна белая. Путешественнику надобно знать, что в России очень холодно, поэтому слоны там не водятся и в лесах совсем нет обезьян...»

В жизни человека есть только одно по-настоящему значительное событие.

Это смерть.

Разве что-то может сравниться с ней по важности? Смерть — это и есть смысл жизни. Этот вывод может показаться странным, но если вы подумаете, вы согласитесь со мной.

На первый взгляд, смерти как будто нет. До нее есть жизнь, после нее ничего нет. Просто у жизни есть конец. Но пока он не наступил, человек живет и смерти нет. А после конца уже некому размышлять о жизни и смерти. Значит, можно жить, ни о чем не беспокоясь?

Это было бы так, если бы мы не знали о смерти. Но мы знаем, и поэтому всю жизнь о ней думаем. А если то, о чем думаешь всю жизнь, не есть самое главное, то что тогда самое главное?

Если вы верите в жизнь после смерти, то и тогда смерть оказывается самым значительным событием. По крайней мере, в этой жизни. Отличие лишь в оценке этого события. Если после смерти начинается новая жизнь, то сама смерть как будто не так страшна. В ней даже есть нечто положительное и полезное. А если вы надеетесь после смерти попасть в рай, то даже и приятное.

И вместе с тем смерть есть очень обыденная вещь.

Чем старше становишься, тем лучше это понимаешь.

Чем-то из ряда вон выходящим кажется только смерть очень близких людей. И чем-то невозможным — своя собственная смерть. Но это всего лишь субъективная оценка.

Пожалуй, смерть имеет только одну особенность: она кажется обыденной издали и необыкновенной — вблизи. (Впрочем, нельзя ли то же самое сказать о любой вещи?) Видимо, это связано с тем, что смерть, хотя и обыденна, есть переход от обыденного существования к несуществованию. Несуществование необыденно, и смерть есть переход от обыденного к необыденному. У смерти как бы две половины: одна — здесь и одна — там.

С точки зрения горного камня или речного песка, смерти нет, а то, что мы называем смертью, есть лишь фазовый переход, каких много в мире. Ведь исчезнуть ничего не может. И ничего не может возникнуть.

Но нам так не кажется. Почему? Что для нас исчезает в смерти? Что для нас рождается в рождении?

Кажется бесспорным, что человек рождается, живет и умирает. То же можно сказать о собаке. Или о цветке. С одноклеточными уже как-то сложнее. А камень горный? А речной песок? Есть ли граница? Что есть жизнь?

Для нас цветок рождается и умирает. А для самого цветка? Что есть сознание? Или душа?

Можно ли считать человека отличным от горного камня и речного песка? Или отличия нет? Мы кажемся пришельцами из другой Вселенной, откуда возникает и куда уходим. Но разве Вселенная не единственна? Тогда откуда мы возникаем? И куда уходим? Или это иллюзия?

Мыслью и чувством мы покрываем гигантские пространства времени, мы путешествуем по времени в прошлое — задолго до своего рождения, и в будущее — намного дальше своей смерти. Можно сказать, что все это происходит не в реальности, а в нашем разуме и нашей душе. Но разве не о разуме и душе мы говорим, когда говорим «рождение», когда говорим «смерть»? Нас ведь не интересуют фазовые переходы, хотя они сохраняют реальность.

Что все-таки рождается, что умирает, если это что-то свободно путешествует по времени в прошлое до

своего рождения и в будущее после своей смерти? Может быть, это что-то существует вне времени, а жизнь есть лишь случайное пересечение временного потока, подобное росчерку метеорита в ночном небе? Но где существует то, что существует вне времени? В другой Вселенной? А если Вселенная все же одна, то, значит, само время есть иллюзия, и рождение — иллюзия, и смерть — иллюзия. Тогда и жизнь — иллюзия. А что не иллюзия?

Остаются одни лишь тени. Но, допустим, тени и есть единственная реальность. Тогда для чего существует время? В чем смысл подобной иллюзии? С чего это Вечности захотелось поиграть во Время? От скуки?

Еще шаг — и мы будем вынуждены признать, что все существующее не существует, а истинное существование не видимо, не осязаемо, не познаваемо и, следовательно, есть небытие. И весь наш мир со всеми нашими вопросами есть лишь воображение небытия, которое и есть Бог.

Но от этой перемены мест слагаемых сумма не меняется. И все вопросы остаются. Только теперь их задает сам себе Бог. В бесконечном одиночестве и скуке Вечности Бог спрашивает себя: «Зачем Я существую?» Находит ли Он ответ?

Это была великая мысль: отослать сущность человека к Богу. Это дало смысл существованию человека. Но смысл этот и эта сущность стали тем самым невообразимо огромными и всеобъемлющими. Теперь нам приходится спрашивать о сущности самого Бога. Если мы все еще хотим задавать вопросы...

Человек по-прежнему — одна из десяти тысяч вещей. Если он ближе к Богу, чем остальные девять тысяч девятьсот девяносто девять вещей, если он посредник между миром и Богом, то вопрос о сущности Бога становится еще более актуальным. Зачем Бог создал мир? Зачем Бог существует?

Под словом «Бог» мы можем понимать все что угодно: все, что можно объявить конечной причиной и

целью мира. Можно назвать Богом Небытие или Дао. Маленькую жизнь маленького человека на планете Земля можно объяснить ссылкой на Великое. Но как объяснить Великое?

Можно отложить вопросы до смерти в надежде, что смерть даст на них ответы. Тогда смысл жизни — в том, чтобы задать вопросы. А смысл смерти — в том, чтобы получить ответы. Но в чем смысл самого этого круга? Зачем нужно, чтобы человек задавал вопросы? Если это тоже вопросы, на которые ответы будут даны после смерти, если на любой вопрос конечный ответ не дается при жизни, то жизнь снова не имеет смысла.

Пока у нас нет ответа на главный вопрос: «Зачем Бог существует?», все ответы на другие вопросы не окончательны, условны, частичны. Но тогда это не ответы, а уклонение от ответов.

Тем самым, отослав свою сущность к Богу, мы вынуждены всю жизнь искать ответ на один единственный вопрос: «Зачем Бог существует?» Бог становится постоянным предметом нашей мысли. Он сопровождает нас во всех наших размышлениях, наших поступках, наших чувствах. В каждой вещи, в каждом явлении мы обнаруживаем Бога.

Бог становится самой обыденной из всех вещей.

Мы могли бы надеяться, что История в конечном итоге приведет человека к пониманию Бога. Мы могли бы считать, что в этом и заключен смысл Истории. Где-то в невообразимо далеком будущем существует точка, когда человек узнает ответ на вопрос: «Зачем Бог существует?» Даже если эта точка бесконечно удалена от нашего времени и смысл Истории — в самом движении к этой точке.

Но человеку нет никакого проку от Истории и ее смысла. Я родился, когда История уже давно началась, и умру задолго до ее конца. В чем смысл моего существования? Растягивая проблему на бесконечное (или очень большое) историческое время, мы ничего не ре-

шаем. Смысл вообще вневременная категория. Нельзя даже говорить о поиске смысла своей жизни в течение этой жизни. Если завтра мне на голову упадет кирпич, а я все еще не нашел смысла, то что? В моей жизни не было смысла? С этим невозможно смириться. Тогда у жизни вообще нет смысла и Бог не существует.

Смысл может быть только точечен. И ответ на вопрос: «Зачем Бог существует?» должен светиться в каждой пылинке мира в каждом мгновении ее полета. Это самый обыденный вопрос о самой обыденной вещи. Все становится настолько обыденным, что практически исчезает. Как невидим воздух, которым мы дышим. Но воздух — это довольно-таки необыкновенная вещь: в безграничных космических пространствах он встречается так редко!

Веру можно рассматривать как ответ, который человек получает ценою отказа от вопроса. Но тогда возникает новый вопрос: что лучше — вопрос без ответа или ответ без вопроса? В этом корень сомнения.

Вера есть попытка сжать бесконечное в точку. Поэтому она так притягательна для конечного человека. Но точка эта темна, как вспышка слишком яркого света, в котором утрачивается способность видеть.

Если же вера лишь освещает путь, то тени остаются. И тогда непонятно, чем предпочтительнее этот способ? Ведь жизнь и без Бога не целиком погружена во мрак, бывают и светлые моменты. Если мир создан Богом, то все дороги ведут к храму. А если это не так, то Бог неполон и, следовательно, не Бог.

Впрочем, может быть, все так устроено для того, чтобы стала возможной свобода человека? Либо эта свобода иллюзорна, либо она должна корениться в свободе Бога. Но что есть свобода Бога? В каком выборе Бог может быть свободен? Сделал ли Он этот выбор? Делает ли его каждое мгновение Вечности?

Возможно, все наши человеческие понятия неприменимы к Богу? Познаваем ли Бог? Если нет, то человек бессмыслен. Если да, то остается ли человек чело-

веком в акте познания Бога? Что пытался сказать людям Иисус Христос? О чем отказывался говорить Гаутама? Что обнаружил Лао в сердце глупого человека? Чего избегал Конфуций? Почему я задаю вопросы?

Смерть не наступает сама по себе, у нее всегда есть причина. Жизнь предоставляет нам множество способов укоротить жизнь.

Смирение продлевает жизнь, но делает ее ближе к смерти. Абсолютное смирение уравнивает жизнь и смерть, делая их неразличимыми. Гордыня, напротив, наполняет жизнь жизнью, но укорачивает ее.

По срединному пути идут немногие, доживая до преклонных лет и оставляя по себе долгую память. Этот путь проходит повсюду, но удержаться на нем невозможно.

Смирение — синоним мудрости. Гордыня питает ум. Мудрость приходит с возрастом, когда ум становится бессильным. Ум двигает человека по пути его, мудрость — останавливает. Ведь путь человека извилист в мире. Хотя большая дорога пряма и ровна, люди не могут удержаться на ней и сворачивают на узкие тропинки. Пытливый ум совершает открытия, но впадает в заблуждения. Мудрость не делает ошибок, но и не совершает открытий. Ум создает и разрушает, мудрость оставляет в покое. Безумие — обратная сторона ума, пустота — обратная сторона мудрости.

Человек обладает многими вещами, и лишь одна вещь ему неподвластна — он сам. Чтобы овладеть собой, требуется необыкновенное средство. Оно называется Богом. Но, к сожалению, переход в иной план бытия снимает все проблемы здесь-бытия вместо того, чтобы эти проблемы решить. На это намекает теорема Гёделя. Религии мира не предлагают завершение круга. Попытки вочеловечивания Бога или обожествления человека оказались безуспешными.

Обыденность — слишком крепкий орешек, чтобы его можно было разгрызть зубами трансцендентности. Если же источник бытия находится в нем самом, следу-

ет искать вечность в каждом мгновении и тотальность мира в каждой его пылинке. На это намекает буддизм. Но, обнаруживая источник бытия, мы теряем само бытие. Все есть майя, говорит буддизм. Остаются лишь тени. Может ли источник бытия отличаться от самого бытия? Но тождественность причины и следствия подводит к мысли о бессмысленности бытия. Искать смысл в безумии? Но не слишком ли упорядочен наш мир, чтобы считать его Великим Хаосом? Упорядоченность рождает причину и цель, между которыми мерцает бытие. И мы вновь устремляемся к его границам.

Мудрость может остановить это беличье колесо, потому что имеет мужество оставить вопросы без ответа. Человек сохраняет свободу, но может ли он вынести холод пустоты? Пытливый ум заставляет его воспользоваться свободой и вновь ринуться в черные дыры бытия в тщетной надежде отыскать свет и тепло. И даже Бог не может предложить человеку ничего, кроме смерти.

Быть может, смысл — это тоже тень. Пока есть жизнь, есть и отбрасываемая ею тень. Разве то, что можно пощупать, не важнее того, что можно лишь представлять? Если у жизни вообще нет смысла, то обыкновенная жизнь обыкновенного человека его имеет. Проблема в том, что смысл обыденной жизни тоже обыден. В обыденности мы чувствуем ограниченность и ущербность. Человеку свойственно выходить за границы. Но чем дальше от обыденности, тем меньше смысла. Если истина конкретна, она ограничена и ущербна. Любое откровение становится ложью в момент передачи его другому. Смысл всегда в том, что есть, почему же человек ищет его в том, чего нет? Существующее кажется ущербным уже только потому, что существует. Смерть кажется важнее жизни, потому что жизнь коротка, а смерть — навечно.

Быть может, жизнь есть свет, а тени отбрасывает мир? Смерть гасит свет, и тени исчезают. Темный мир не имеет смысла. Требуется мужество мудрости, чтобы

оставаться в пределах жизни. Мудростью обладают дети, для которых жизнь бесконечна, и старики, у которых не остается жизни. Зрелость — это иллюзия, это всего лишь смесь детства и старости. У человека два глаза: одним смотрит ребенок, другим — старик. Если два зрения не находятся в резонансе, человек просто слепнет: он считает себя уже не ребенком и еще не стариком, он называет это зрелостью. Резонанс создает смысл, но это происходит редко.

Осеннее солнце согревает желтую землю.

Собака Пушок управляет государством. Мягка, но тверда его лапка.

Народились люди с волосами, как у ежей. Они любят гулять по сине-зеленой траве.

Мужики теперь пьют утреннюю росу. Напьются с утра, и до ночи невозможно вести с ними деловой разговор.

Все банки лопнули. По улицам города ездят мусороуборочные машины и собирают осколки.

Продают хризантемы на каждом углу. Их продают незамужние женщины и требуют поцелуй за каждый лепесток. Многие проходят мимо — слишком дорого.

Опавшие листья шуршат под ногами.

Поэты собираются в подворотнях и, озираясь, торопливо обмениваются строчками. Дворники их гоняют метлой. А сами-то в своих дворничьих лепят из глины свистульки и обжигают подпольно в подвальных печах.

Синее небо провисло парашютным куполом. На крышах домов установили вентиляторы, они не дают небу упасть.

Пушок издал Указ о запрете табакокурения. Слишком уж круто. Накажу его — лишу вечерней косточки.

Скоро зима. С вертолетов разбрасывают первые заячьи хвостики.

Художник извел всю красную краску — пишет закат. Из незакрашенного северо-западного угла дуют холодные ветры.

Люди-ежики кутаются в шубы.

На белых девушек накинули зеленые платки.
Гости приходят со своими дровами, а золу из каминов разбрасывают за городом в белых полях, бескрайних, как сама земля.

Теперь по ночам все смотрят зимние сны. Только старушкам снятся ласковые летние дни их детства.

Собака Пушок повизгивает во сне и перебирает лапками. Как будто куда-то бежит, бежит, бежит, бежит...

Дорога и путник

В этот раз он очнулся дорогой, бегущей сквозь свет и тень, вздрагивающей на поворотах, идущей из ниоткуда и уходящей в никуда. Он был тем, кто двигался по дороге. Он был самым движением. И он был самой дорогой. Можно стоять на месте или бежать изо всех сил — это ничего не меняло. Он все равно оставался внутри себя самого. Это подобно воспоминанию, когда, путешествуя, проходишь от одной картины к другой, но и тот, кто проходит, и сами картины, и само путешествие — все это одно сознание.

Он не знал, сколько времени будет существовать эта дорога, которой он стал. Исчезнет через мгновение или покроется пылью веков? Да и что это значит — время? Он мог оценить его по тому расстоянию, которое прошел по дороге. Но какой в этом смысл, если он сам был дорогой, если он сам был движением?

Дорога проходила сквозь что-то. Но что это было, он не мог определить. Путник на дороге вроде бы что-то видел. Движение вроде бы изменяло то, что вокруг. Было ли это частью его самого? Было ли это чем-то иным? Он догадывался, что может чувствовать только самого себя и иного для него не существует. Но ощущение не исчезало — похожее на фантомную боль в ампутированной ноге. Ощущение того, чего нет.

Это ощущение его беспокоило. Весь ли он тут? Или какая-то часть утеряна? Достаточно ли он целостен: как путник? как движение? как дорога? Он был готов пожертвовать частью себя. Но какой частью? Одно дело — что-то второстепенное, несущественное, о наличии чего не всегда и помнишь, — какой-то поворот, угол наклона, твердость грунта вот в этом месте. Другое дело — что-то важное, без чего он перестает быть самим собой. Но как узнать это? Как узнать то, чего нет? Он мог дать волю воображению, но удерживал себя. Ему было важно знать, что он такое на самом деле. Он подозревал, что его представление о самом себе может слишком сильно отличаться от реальности.

Путник на дороге вздохнул. Что это такое — реальность? Он вспомнил, как был лесом и одновременно деревом, растущим в лесу. Рекой и рыбой, плывущей в реке. Небом и облаком в небе. Единственное, чего он не мог вспомнить — чем он был в промежутках. Чем он был, когда его не было? Может быть, это и была реальность? А само его существование в форме леса, реки, неба или дороги — иллюзия?

Не было ли иллюзией и то первичное состояние, которое кажется ему настоящим и в которое он хочет вернуться? Что, если все эти состояния — лишь случайные сочетания чего-то невидимого и даже несуществующего, подобные игре световых бликов на песке дороги? Да и были ли эти состояния? Может ли он наверняка утверждать, что что-то было, если само время — только гипотеза? Может быть, все эти состояния существуют одновременно или, точнее, одинаково вне времени? Может быть, существуют только дорога, путник и движение, а лес, река и небо — только как их воспоминания? Воспоминание того, чего не было. Может быть, это вовсе и не воспоминания, а просто случайные всплески в его сознании? Может быть, и сам он — случайный всплеск? Ведь то, что он существует — лишь его собственная гипотеза. И тот, кто думает сейчас о том, есть он или его нет, тоже — случайный всплеск?

Он остановился и заставил себя не думать об этом. Он вспомнил, что думал так уже много раз. В конце концов, он ничего не теряет: если ничего нет, его план не удастся, но ничего и не изменится. Он еще раз станет чем-то. Чем-то другим, но точно так же несуществующим. И, может быть, повторит попытку выйти из круга. И еще раз, и еще раз...

Путник завернул за угол и начал спускаться вниз по склону холма. Холма? Откуда здесь взялся холм? Тот, кто был дорожкой, почувствовал радостное возбуждение и как бы дрожь во всем теле. Теле? У него есть тело? Он заставил себя забыть об этом, забыть обо всем, забыть о себе самом. Он растворялся в дороге, сливался с нею и медленно, но настойчиво гасил сознание...

Путник споткнулся о корень дерева. Тот, кто был движением, ощутил удар. Он воспринял его всем своим существом, он сам стал ударом. Он повторил удар, и ему понравилось это. Он захотел размножить его в тысячи ударов, варьируя амплитуду, частоту, направление, соединить их плавными переходами. Но тут его ударило что-то изнутри, какое-то смутное ощущение, что-то тревожное выросло в нем. Он остановился, и мысль оформилась: он чуть было все не испортил. Он сыграл сам себе похоронный марш и заставил себя умереть...

Путник поднялся с земли и отряхнул песок с брюк. Дорога спускалась вниз среди желтых полей к ярко блестящей на солнце синей змейке реки. Путник ускорил шаг и почувствовал ветер на своем лице. Позади оставался лес, вверху в летнем небе плыло белое облако.

Подходя к реке, путник подумал вдруг: «Что это? Я возвращаюсь? Кто я?» Дорога поворачивала вдоль реки. Путник сошел с дороги и остановился на зеленой траве у самого берега. В его сознании мелькнула странная мысль: «Не забуду ли я то, что было? Или — то, чего не было? Кажется, это я не предусмотрел». Раздался всплеск воды: рыба играла в реке у прибрежных кустов. На том берегу появился человек, спустился к воде и

стал отвязывать лодку. Путник забыл свою странную мысль, он заслонился ладонью от солнца и смотрел, как лодочник перегоняет лодку, чтобы перевезти его через реку.

Обречённые на дуэль

Он шел по траве. По мягкой и сочной. Под подошвами ботинок пружинила и причмокивала свежескошенная трава.

Другой шел по каменистой дороге. Дорога поворачивала налево и направо. Под подошвами ботинок на поворотах пощелкивала сухая галька, как пощелкивают счетчики и переключатели. Подобрал камень с выемкой, будто специально выделанной под большой палец руки и отшлифованный тонким песком. Похожий на скульптуру черепа.

Они шли навстречу друг другу. Между ними были две горы, два леса и четыре луга.

Войдя в сосновый лес, он нашел палку, похожую на монашеский посох с набалдашником в виде узловатого корня, сжатого в кулак и отполированного сухим ветром. Взяв палку и вглядываясь в решетку, образованную горизонтальными лучами восходящего солнца и вертикальными стволами сосен, он подумал, что, может быть, не придется убивать другого. Может быть, удастся просто прогнать, заставить уйти из этого мира.

Другой прислушался к своим чувствам и решил, что убьет быстро, чтобы он не мучился, потому что не обнаружил в своих чувствах ненависти. Только необходимость. Поэтому на последнем повороте дороги подобрал еще один камень, похожий на скульптуру черепа, чтобы ударить с двух сторон и наверняка. И пошел по высокой траве, доходящей до пояса, стараясь не наступать на головки цветов и слегка дуря от их запаха.

После соснового бора он пересек вересковую пустошь и стал подниматься в гору. Посох был тяжелым и не столько помогал идти, сколько мешал. Но это было оружие, которым следовало защитить мир. Все эти скошенные травы, сосны и вереск.

После цветочной поляны другой вошел в березовый лес. Камни перекатывались в руке, скользя друг по другу, меняясь местами по кругу, который не хотел останавливаться, хотя пальцы уже устали от непрерывного движения. Прислонившись к стволу широкой березы, другой испачкал куртку белой корой, но не заметил этого, погруженный в созерцание белого света. Камни придавали уверенность, что свет не померкнет и в мире все останется по-прежнему: и камни, и цветы, и березы.

Поднявшись на гору, он сел на камень, чтобы отдохнуть. С перевала открывался вид на широкую долину, на другом конце которой ему почудился другой, выходящий из березняка на край последнего луга. Во всем виноват тот, кто придумал этот мир, который он должен нести на плечах, как улитка несет на себе свой домик, так же, как человек несет на себе свою кожу. Здесь нет места для другого, а он лишен выбора.

Выйдя на край заливного луга, другой присел на ствол поваленного дерева, чтобы отдохнуть. На другом конце луга уходила вверх пологая гора, на гребне которой на камне сидел он. Так показалось другому, хотя, может быть, это была игра света и тени в скалах. Ощущая себя улиткой, на плечах которой покачивается мир, другой чувствовал, что смысл этого ускользает. Если бы тот, кто создал мир, оставил выбор, смысл стал бы понятен. Но выбора не было и не было смысла в том, чтобы в мире был он, сидящий на гребне горы.

По физическим законам мира встреча должна была произойти на берегу реки, разделявшей мир надвое.

Он вышел на свой берег чуть ниже по течению.

Другой вышел на другой берег чуть выше по течению.

Река была узкой и мелкой, с быстрой прозрачной водой.

Противники увидели друг друга и стали сходитьсь. Под подошвами ботинок громко кричали ракушки улиток, которыми были усеяны оба берега реки. Их крик заглушал еле слышный плеск бегущей воды и был подобен рокоту боевых барабанов и голосу военных труб.

Он поднял посох и ударил узловатым кулаком, отполированным сухим ветром.

Другой поднял два камня и ударил их черепами, отшлифованными тонким песком.

Зеркало раскололось, и его осколки убили обоих.

Он перешел реку и удалился от места сражения, не оглядываясь и не радуясь победе.

Другой перешел реку и удалился от места сражения, не оглядываясь и не радуясь победе.

Из последних сил он добрался до каменистой дороги и упал на повороте.

В ушах его громко щелкала сухая галька.

Из последних сил другой добрался до скошенного луга и упал на его краю.

В ушах его громко чмокала сочная трава.

Перед тем как забыть, оба подумали: мир восстановлен.

В мире был слышен лишь плеск бегущей воды.

Фарфоровый китаец

У него на правом плече сидел фарфоровый китаец и поглаживал свое голое пузо. И хотя другой рукой китаец цеплялся за его ухо так, что мочка со временем оттянулась вниз, все же он старался держаться прямо, чтобы китаец не свалился и не разбился о каменный пол.

У нее вместо крыльев были испанские веера. Один веер нагонял горячий воздух, а другой — холодный, так

что с ними было удобно и зимой, и летом. Она долго лязгала ключами и цепочками, пока наконец не открыла все замки и засовы пояса верности, — тот с грохотом упал на каменный пол.

«Это вовсе не пояс верности», — шепнул ему на ухо китаец. «Сам вижу», — шепнул он в ответ.

Наутро они сидели на кухне и молча пили кофе. Она сложила свои веера над головой и стала похожа на кукушку в часах. Луч солнца скользил по циферблату лица, ресницы тикали. Китаец капризничал и требовал чаю. В конце концов ему пришлось напомнить китайцу, что тот фарфоровый, а потому чай ему не нужен. Этажом выше включили перфоратор, так что молчать было удобно.

Уже в дверях он поцеловал ее в губы, она успела сказать только «девять часов», а сколько минут, он так и не узнал. Свою вторую тень он оставил на вешалке, рядом с ее второй тенью.

Всю дорогу до метро он ощущал на затылке ее взгляд, и было щекотно от прикосновения ресниц. Перед тем как спуститься под землю, он почувствовал порыв холодного воздуха, а внизу на него дохнул воздух горячий.

В вагоне пассажиры подключились к розеткам и завтракали звуками, картинками и словами. Приблизился час пик, ему розетки не досталось, и он сидел просто так. Напротив него ахейцы в золотых масках лениво обсуждали проблему Трои, справа девушка с персиками жевала персики и складывала косточки в пакетик, слева дремал Антон Павлович Чехов. Он уже хотел разбудить Антона Павловича и спросить его о давно мучившей его сорок седьмой запятой в «Степи», но тут китаец дернул его за ухо и, оторвав палец от пуза, показал на дверь. Он чуть не проехал свою станцию.

В офисе секретарша начальника порхала пальцами по клавиатуре, а жужжальцами прижимала к заднегруди сразу два телефона и жужжала. У начальника на

правом плече сидел нефритовый император, который сразу соскочил и, поманив китайца пальцем, увел его в соседнюю комнату. Вскоре оттуда послышалось хоровое пение.

«Хочу послать в тебя в Энскую область, — сказал начальник и завязал усы бантиком. — Там у одной старушки нашелся старинный топор. Надо бы им дрова поколоть». И начальник закачался в кресле, разглядывая в бинокль потолок кабинета.

Ему не хотелось ехать в Энскую область, не хотелось дрова колоть. Но, поскольку ему не хотелось и ничего другого, он согласился. Они сплясали с начальником прощальный танец, разняли нефритового императора с китайцем, которые успели напиться и теперь дрались, помахали друг другу платочками, и он вышел из кабинета.

В Энской области когда-то был туристический заповедник, но потом по мере смещения уровней реальности предприятие стало нерентабельным, драконы уползли обратно в пещеры, девушки уехали в город, а море высохло, обнажив кучи мусора на дне. Дорога вилась между аккуратными, ухоженными полями сорняков и крапивы, обочина сверкала разбитыми кристаллами, отслужившими свой век, а над головой дребезжали поржавевшими колокольчиками синички и лисички. Пристегнувшись двойным ремнем безопасности, он дремал рядом с ямщиком, не слушал его монотонный рассказ о коллапсирующих звездных кластерах и сортировал в памяти последние фотки с испанскими веерами, замками и засовами, которые все падали и падали, все грохотали и грохотали. А может быть, это грохотали колеса брочки на металлических выбоинах старой римской дороги. Китаец тоже дремал, что-то бормоча по-китайски себе в фарфоровую бороду, не забывая поглаживать голое пузо и на ухабах дергая его за ухо.

Старушка жила в новомодном сферическом коттедже, к которому с одной стороны прилепилась новенькая

рубленая банька с дровяной печкой, а с другой — скособоченный портал космической связи. В горнице, стены которой были сплошь увешаны фотографиями отживших родственников, он сплясал со старушкой танец встречи, по-старомодному чувственный и бурный. Потом долго пил чай, слушал, как старушка нараспев читает инструкцию к топору, смотрел, как она расплетает и сплетает свою косу и подпрыгивает до потолка в особо волнующих местах текста. Китаец слез с плеча и ушел в портал поболтать на халяву с далекими родственниками.

Топор оказался действительно старинным, слегка заржавевшим, но с исправной гидравликой. А вот дрова совсем отсырели: они покрылись грибами и голубыми цветочками, и в них завелись призраки. Каждый раз, когда топор раскалывал полено надвое, призраки выпрыгивали из него и выли. Старушка бегала вокруг, собирала призраков в мешок и время от времени сыпала туда же кошачий корм в качестве успокоительного. Китайца это почему-то рассмешило, он подпрыгивал у него на плече, барабанил себя по пузу, смеялся и мешал колоть дрова.

Вечером, после работы, старушка растопила печь, нажарила картошки с салом, достала из подпола грибочков и огурчиков и выставила на стол бутылку Клейна. Пока он ел и пил, старушка раскинула карты, вызвала десятка два духов, протестировала их и отобрала одного — с рыжими бакенбардами и в вицмундире. Бакенбарды долго беседовали с китайцем, почему-то на санскрите. Потом старушка посадила бакенбарды себе на плечо и ушла в спальню.

Он вышел во двор по нужде, а потом долго сидел на крыльце и курил. Верхняя душа поглядывала на звезды и робко балансировала на краю космической гармонии, находя странное успокоение в этом промежуточном положении. Со стороны реки напознал белый туман, тягуче думая одну и ту же туманную думу, в которой звезды каким-то образом ассоциировались с каплями

воды. Нижняя душа вдыхала запахи вечернего воздуха, играла с огнем и холодом и жмурилась от удовольствия, когда попадала в ямку равновесного тепла. В траве бранились цикады, решая кому из них подойти ближе и попросить закурить.

«Как ты думаешь, мы правильно живем?» — спросил он китайца. Но тот ничего не ответил, потому что крепко спал, свернувшись калачиком на собственном пузе. На огонек сигареты прилетели ночные бабочки, замахали испанскими веерами и затикали ресницами.

Без второй тени ему стало зябко, он затушил окурок и вошел в сферу. Засыпая двумя снами: внешним — прохладным, и внутренним — теплым, он успел подумать: «Живем все-таки...» Китаец причмокнул во сне и изогнулся в иероглиф «сновидение».

Ольга Уваркина

Для меня понятие «тонкие миры» не мистика и фантастика, хотя соглашусь, что эти литературные жанры подразумевают некие измышления, описания нереального и т. п.

Не мастер я придумывать несуществующее или то, с чем мне самой не приходилось сталкиваться в жизни. Я не была в тонком мире, но мне посчастливилось соприкоснуться с ним мысленно, в сновидениях, знаках, которые он может подавать нам в земную жизнь. Только ведь найдется масса скептиков, не верящих ни моим рассказам, ни тому, что параллельные миры существуют и тесно связаны с нашей жизнью. Может быть, интрига и состоит в том, что доказать ничего невозможно. Материальных следов контакта с другими мирами не остается. Вечная тайна и загадка. Можно только верить и чувствовать, чувствовать и верить...

Родилась и живу в Москве. Окончила Московский институт электронного машиностроения. Пишу стихи различных жанров и короткие рассказы. Была неоднократным победителем в различных сетевых конкурсах. Имею публикации в сборниках и альманахах, газетах и журналах начиная с 1999 года. Последние публикации в газете «Интеллигент. Москва», июнь-июль 2014 г.

Член МСП «Новый современник».

Член Московского салона литераторов.

День ангела, или Ночь истины ¹²

Мы встретимся в других мирах...

Слон лежал на холодном октябрьском газоне, в двух шагах от проезжей части улицы одного из спальных районов Москвы. Если бы не залитая запекшейся кровью правая сторона лица и странно белый, как будто вытекший глаз, могло показаться, что Слон просто спит. Поза его была спокойна, лицо не выражало ни ужаса, ни боли. Правая нога, согнутая в колене, и положение рук выражали расслабленность и свободу. Черная кожаная куртка была расстегнута, а задравшаяся футболка оголяла живот.

Слон был мертв. Шел второй час его небытия.

Таким увидела его Елена, которую незнакомые люди привезли на место происшествия. Она подошла к сыну, наклонилась и, видимо, еще на что-то надеясь, тихо позвала: «Алеш, Алеша...» Постояв пару минут в гнетущем оцепенении и не услышав ответа, Елена вдруг отчетливо поняла, что это — все. Мир рухнул в ее сознании за считанные секунды. С неумолимой беспощадностью внезапная смерть разбила ее жизнь надвое: сейчас и тогда, и она не знала, как все это уместить в сознании. В нем этому «сейчас» не было места.

Елене ужасно захотелось пить, но воды нигде не было, как не было и слез. Ее сын, ее кровиночка, Алешенька, Слоник, лежал одинокий, маленький, брошенный, забытый, никому не нужный. «Ему, наверное, холодно, — подумала она. — Почему его никто не забрет и не увезет отсюда? Где скорая помощь? — Мысли с сумасшедшей скоростью путались в голове. — Нет, это просто кошмарный сон. Надо проснуться. Этого просто не может быть...»

¹² Публиковался в сборнике «Сны на завтра», 2006 г.

Елена резко развернулась и стала быстрыми шагами мерить обочину дороги: туда и обратно. Туда — это где разбитая вдребезги иномарка, обратно — развернутая перпендикулярно проезжей части «газель». Туда и обратно, туда и обратно... Невдалеке стояла толпа зевак, на дороге сигналили маячками три или четыре милицейские машины.

Шел второй час страшной ночи.

«Боже мой, как хочется пить», — говорила Елена сама себе, мечась по дороге. Но никто не подошел к ней и ничего не предложил, и она, уже забыв про жажду, начала бегать то к одному, то к другому милиционеру и спрашивать, когда ее сына заберут отсюда. Но все, к кому она обращалась, лишь молча отворачивались.

Душа Слона не «отлетала». Она медленно и неуклюже выбиралась из своей тяжелой оболочки, так называемого тела, которое верой и правдой служило Слону 28 лет и 2 месяца, боролось с болезнями и травмами, давало ему ощущение боли или покоя, в зависимости от обстоятельств его недолгой жизни, и вот теперь ставшего лишним и неудобным для дальнейшего существования в нем Души. Поднявшись с сырой травы, Слон огляделся. Ему стало одновременно как-то и легко, и страшно. Легко оттого, что он не почувствовал ни тяжести, ни дискомфорта, вызываемого обычно длительным запоем или похмельем. Страшно стало от увиденного.

«Я, кажется, уснул», — то ли утвердительно, то ли вопросительно констатировал Слон.

Разбитая «ауди» на газоне, милицейские машины, сирены, суета... Какой-то долговязый и суетливый мужчина с фотоаппаратом бежал прямо на Слона. Тот быстро отошел в сторону, не желая мешать фотографу.

«Ну, я, кажется, попал! А где же Серега?» — эти мысли бились теперь уже в его Душе и не находили ответа. Обернувшись на долговязого, Слон заметил лежавшего на траве парня в черной кожаной куртке, не подававшего никаких признаков жизни.

«Кажется, еще и парнишку сбили? Господи, что же делать? Теперь — тюрьма, менты заматают — мало не покажется. — Но, взглядевшись пристальней в лицо лежавшего, Слон чуть не присел от удивления и ужаса одновременно: — Это кто же? Я? Этого не может быть! Пить пора завязывать. Это уже глюки...»

«Да, это ты, Алеша, можешь не сомневаться», — произнес сзади него спокойный и уверенный голос. Слон вздрогнул и остолбенел. Боясь пошевелиться, он молча слушал и ждал, что Голос скажет дальше.

«Не бойся, я — твой ангел-хранитель. Я всегда был рядом с тобой, оберегал, подсказывал, когда надо — подавал Знаки, но в последнее время ты перестал меня слышать и начал разрушать себя. Вспомни, как сегодня вечером мать умоляла тебя не выходить на улицу, ты не послушал, обидел, оттолкнул ее. У тебя ведь, Алексей, сегодня именины — день твоего ангела, а ты даже не вспомнил об этом, — с легким упреком произнес Голос. — Впрочем, теперь это не имеет никакого значения. Я пришел за тобой, чтобы забрать тебя навсегда в Вечность. Уже поздно, и у нас осталось не так много времени».

Слон похолодел и наконец оглянулся. Перед ним стоял мужчина средних лет, одетый очень странно, совсем не по сезону — в белую одежду. Если уж говорить о моде двадцать первого века, то это напоминало спектакль, маскарад и выглядело как-то театрально на ночной улице Москвы: взору Слона представился русский витязь средневековья. Впрочем, когда они были, эти средние века, он не помнил отчетливо, потому, как учился в школе плохо, а читал мало. Его страстью были видеофильмы. Слон мог смотреть их часами, и днем, и ночью, знал большое количество зарубежных кинозвезд и кинорежиссеров, особенно любил боевики и фантастику...

От всего облика ангела веяло теплом и спокойствием, а главное — надежностью, которой Слону всю его бестолковую и неуверенную жизнь не хватало. С таким

хранителем хотелось быть рядом, слушать его и рассказывать о своих проблемах... Слон напрягал свою память, стараясь вспомнить, где он видел или слышал ангела раньше, и в сознании всплыл сон, который приснился ему примерно полгода назад: будто стоит он на кладбище над могилой, видит памятник и свою на нем фотографию, а вот надписи нет, да и даты смерти — тоже. Голос же, послышавшийся неизвестно откуда, говорит ему: «Тебе еще рано...»

Теперь Слон узнал этот Голос, который между тем продолжал рассказывать: «А друг твой, Сергей, жив и практически здоров, как здесь говорят: в рубашке родился. Это его день. Кстати, сейчас сидит и пишет объяснение, что в момент столкновения вашей машины с “газелью” он спал на заднем сиденье и ничего не помнит, а за рулем был ты».

«Этого не может быть! — в отчаянии воскликнул Слон. — Зачем Сереге врать и клепать на меня? Я ведь его с детства знаю, он мой самый близкий друг!»

«Ты плохо разбираешься в людях, мой милый, — возразил ангел. — Сейчас твоим другом детства руководит чувство отнюдь не высокое. Это чувство самосохранения, и оно вызвано страхом перед наказанием. Сергей уже понял, что ты мертв и потому помешать не сможешь, а ему надо как-то жить дальше. А дальше, сынок, по логике закона вашей земной жизни, ему грозит тюрьма. Такая правда его совсем не устраивает. Ему жаль своей молодой жизни, жаль дочь, жену, престарелых родителей...»

«А как же я? Так и останусь виновником всего случившегося? И сам, выходит, буду виновен в собственной смерти? — изумился Слон, но затем задумчиво добавил: — Да, я, конечно, тоже виноват, ведь это я уговорил Серегу ехать на машине».

«Теперь ты, кажется, все понял, добрая душа, и уже готов простить своего друга. Хотя, именно по его вине ты лишился самого дорогого, что было у тебя на земле, — своей жизни. Но ваше общество с укорен-

нившимися в нем законами не столь гуманно, как твоя душа. Сергея непременно лишат свободы, если он напишет правду. Общество думает, что так оно наказывает Зло. О том, что, разобравшись и простив, можно принести больше пользы Мировому разуму, люди просто не задумываются. Ату! Так проще, чтоб и другим неповадно было», — закончил свой вдохновенный монолог ангел.

Тут Слон обернулся на шум подъехавшей машины. Из машины вышла мать и быстро направилась ему навстречу — так поначалу показалось Слону и он хотел окликнуть ее, но вовремя осекся. Он слышал слова матери, обращенные к нему другому, тому, что неподвижно лежал на земле, и все-таки, не выдержав, сдавленно крикнул: «Мам, я здесь!», но мать не услышала и не обернулась. Она как-то сразу побелела лицом, сторбилась и качнулась, и Слон испугался, что мама сейчас упадет и произойдет самое страшное, намного страшнее, чем его собственная смерть, а рядом с мамой никого не было.

В условиях «новой жизни» начала и середины 90-х, которые пришлись на юность и становление Слона, мать казалась ему существом незащищенным, слишком добрым, чтобы самостоятельно выжить в эту эпоху перемен. Слону постоянно хотелось драться за мать с видимыми и невидимыми врагами, готовыми обидеть ее в любую минуту, хотелось защитить ее и тем самым, наверное, подсознательно оправдать данное ему родителями и Богом имя Алексей, что означает «защитник»...

И тогда, уткнувшись в плечо ангела, Слон вдруг заплакал от отчаяния — безудержно и горько, как в детстве. Он плакал от любви, бессилия, невозможности что-либо исправить в этой ночи, от жалости к матери, враз ставшей по-настоящему самой родной и близкой, от раскаяния за свои последние полтора года чудовищного и безудержного пьянства. Он вдруг припомнил все обиды, нанесенные им матери, и ему стало стыдно, как никогда раньше в жизни. Все это время ангел молчал,

прижав к себе крестника, и тихо гладил по голове, слегка покачивая, будто убаюкивая и успокаивая маленького ребенка...

Немного успокоившись и отстранившись от плеча ангела, Слон увидел, как мать переходит дорогу и направляется к Сергею, другу детства, стоящему на противоположной стороне улицы в окружении собравшихся родственников. В последнем порыве надежды обрести истину, услышав правду от друга, Слон бросился вслед за матерью. Он понимал, что ничего не может изменить в своей уже закончившейся жизни, но жаждал правды — что же случилось на самом деле? Эта правда была для него последним глотком умирающего и верой в непоколебимость мужской дружбы.

И Слон слышал быстрое и суетливое, как будто заранее заготовленное объяснение друга, обращенное к Елене, что он, Сергей (такой дурак!), отдал Лехе ключи от машины, а сам уснул на заднем сидении и ничегошеньки не помнит, очнулся — все разбито, и Леха мертв. Мать слушала молча, а потом, странно посмотрев на Сергея, повернулась и быстро зашагала прочь, ссутулившись, ушла мерить шагами метры и километры дороги от «газели» до разбитой «ауди» — туда и обратно...

Вытирая тыльной стороной ладони еще не высохшие слезы, Слон сказал сначала тихим и просительным голосом: «Слышь, Серёнь, ну, там — я все понимаю, а матери, матери-то — зачем? Теперь ведь эта твоя ложь ей на всю жизнь. — И, прибавив металла в голосе, прокричал прямо в лицо: — Выходит, я один такой м...к: себя убил, тебя подставил, да еще и машину твою угробил! Может, прикажешь моей матери всю свою жизнь за твою иномарку расплачиваться?!» Отчаявшись и не услышав никакого ответа, Слон резко развернулся и побежал обратно к ангелу.

Сергей не слышал слов. Он стоял, опустив голову. По телу его пробежал озноб, как от холодного, неизвестно откуда прилетевшего ветра, заставившего его

только поежиться и передернуть на куртке молнию, застегнув ее до самой шеи.

Когда на месте происшествия были убраны «декорации», а на газоне остался чернеть лишь кузов разбитой «ауди» как последнее напоминание о ночной трагедии, ангел промолвил: «Ну вот, кажется, и все. Нам пора в путь. Скоро будет светать, у нас осталось мало времени».

Слон тоскливо огляделся. Было еще темно, накрапывал дождь. Посмотрев в сумрачное небо, Слон подумал: «Как поздно... Что ждет меня впереди, в другом мире? Я так и не смог ничего исправить здесь, даже с матерью не попрощался».

«Все будет хорошо, Алексей, — поймав его мысль, ответил ангел, — но вижу, что душу твою еще не покинули земные мысли и желания. А ведь последнее желание — это закон везде, и во Вселенной — тоже. Пойдем, прощаешься с матерью. Да поможет тебе Бог, мой милый!»

В свою квартиру Слон вошел почти одновременно с Сергеем. Дверь была не заперта. Мать сидела за столом на так и не отремонтированной серой кухне и что-то быстро говорила своей сестре Ирине, приехавшей ввиду трагических обстоятельств ночью. Голос матери казался чужим, каким-то сдавленным, монотонным, как будто мать боялась остановиться и замолчать. Это молчание означало бы для нее переход в другое состояние, ужасное по своей сути и совершенно непредсказуемое по последствиям.

Вошедший Сергей, немного помолчав и потоптавшись у порога, вдруг принялся говорить, и слова его начались одним прекрасным земным «Простите»... И Сергей рассказал все то, о чем так хотел услышать Слон: и про заведомую ложь и оправдание, про страх и стыд, про то, как случилось все на самом деле.

И Слон простил. Теперь уже окончательно. Он обнял мать, Сергея и тетю Иру и вышел за порог. Его по-

следней, земной мыслью было: «Что же теперь с матерью будет? Кто поможет ей, защитит?»

«Теперь мы будем помогать ей вместе», — ответил Алеше стоявший за дверью ангел.

Ты живи...

Сны, Вами прописанные — все хороши.

Но к чему они даны?

В утешение и укрепление духа,

да не малодушествуйте,

и на утверждение мысли об ином мире,

не далече от нас сущем,

и в удостоверение об общении с ним.

Это милость Божия!

Святитель Феофан Затворник, 3 февраля 1891 г.

Мир в сознании Елены раскололся надвое и перевернулся. Вначале она вообще не ощущала своего физического присутствия во вновь открывшемся пространстве, а существовала как бы вовне, вне своего тела, вне событий и окружавших ее людей. Она была как безликая душа, оголенный нерв, не отзывающийся ни на что, кроме вопросов, связанных с похоронами и поминками. Она не помнила, когда спала и что ела. Оказавшись в зазеркалье, Елена опровергая все законы действительности, продолжала надеяться, что все пройдет, а сын вернется домой, надо только немного подождать. Даже увиденное в морге безжизненное тело Алеша, с почерневшей от бесчисленных гематом головой, не помогло ее сознанию вернуться к реальности происшедшего.

«Нет, нет. С ним должно быть все в порядке. Это мои проблемы. Со мной что-то случилось. Наверно, сердце не выдержало. Сын ищет меня там, дома, — думала Елена, — надо как-то возвращаться. Ему “там” плохо без матери».

Новый мир Елены был призрачным, щемящим и добрым. В нем присутствовало много людей — знакомых и незнакомых. Они все любили Елену и ее сына, раздвоившись в ее сознании и существуя параллельно и независимо в двух мирах — ее и сына. Никогда ранее ей не приходилось ощущать вот так, сразу, большой поток любви и сострадания.

На седьмую ночь потерянный мир вернулся на свою орбиту. Елена проснулась от невыносимой тоски и боли, и внезапно, молнией, ее обожгла мысль: «Алеши нет. Он погиб и никогда не вернется». И тогда она завыла по-звериному, по-волчьи. Душу пополам, страшнее, чем тело, резали невидимые миру, остро заточенные ножи. Эта боль была невыносима, хотелось умереть и от этой боли, и от невозможности продолжать жить дальше, одной, без сына. «Господи, за что мне такая мука? — обращалась она в пустоту ночи. — Я не хочу жить, забери меня к нему, а если нет, то верни сына обратно. Зачем ты это сделал, для чего? Ты, такой сильный и всемогущий, отобрал самое дорогое. Какую цель ты преследовал? Для чего тебе его смерть и моя жизнь?»

Елена вопрошала, умоляла, торговалась, но ответа не слышала. Вечные риторические вопросы: за что, зачем и почему, мешали жить и здраво мыслить. Она находилась в том отчаянном состоянии, при котором было легко перешагнуть черту небытия. И Елена была к этому готова. Но наложить на себя руки она не смела — это табу было сильнее перехода и означало для нее пойти войной против Бога и закона Вселенной с ужасающим приговором: никогда больше не увидеть сына. А она так надеялась!..

Она должна жить. Она пока должна жить, раз ее не принимали в «тот» мир добровольно, и помогать сыну жить «там», куда он попал не по своей воле, а неожиданно, скоростижно, не раскаявшись, не попросившись... А потом, когда-нибудь, Бог смилуется и подарит возможность быть рядом с сыном. Кажется, это была

первая здравая мысль, которая немного успокоила и придала смысл ее дальнейшим действиям. Елена принялась усердно молиться, обращая к Богу всю свою истерзанную, еле теплящуюся душу...

С рассветом Елена решила поехать в церковь. Это было необходимо сделать именно сейчас, сегодня. Ноги еле держали ее измученное тело, и она, испугавшись, что не сумеет совершить намеченное, добралась до церкви на попутке. День был будничным, поэтому в храме почти не было народа. По какому-то наитию Елена выбрала большую икону Богоматери Иерусалимской и опустилась перед ней на колени.

Никогда в жизни она не стояла в церкви на коленях, где-то в глубине души находя это позерством. «Не надо выделяться. Тут все верующие. Бог видит все, — так некогда текли ее мысли, так она думала до сегодняшнего дня. Но наступил особенный час, решающий многое — самое главное в жизни Елены. Наступила минута, когда устами и глазами Бога подводился итог всей ее прожитой жизни и должен был прозвучать простой ответ на вопрос, как жить дальше. И еще у Елены была просьба. Она хотела увидеть сына. Матерь Божья — вот на чье посредничество и милосердие она уповала. Выплакавшись навзрыд и раскаявшись за свою полувековую, нескладно прожитую жизнь, Елена выложила всю свою душу и благие мысли, непрестанно повторяя одну и ту же фразу: «Господи Милосердный и Матерь Божья, простите меня, грешную, за всю мою жизнь, но дайте возможность в последний раз увидеть сына...»

Домой Елена вернулась совершенно разбитая, обесиленная и тут же уснула. Сначала в ее сознании отчетливо, как слайды, мелькали незнакомые образы, лица, затем она увидела себя идущей с группой людей по двору между домами, очень напоминающими то место, где она жила. На лавочках у подъездов сидели мужчины и женщины. Они были пьяны, громко разговаривали, пели под гармонь песни. Тут же в перебранке завязалась драка, и кто-то закричал: «Зарезали! Зарезали!»

Переходя из одного двора в другой, Елена видела одну и ту же картину: песни, пьянство, убийства. Она наблюдала за происходящим со стороны, не вмешиваясь и не участвуя. Затем Елена подошла к трехэтажному зданию, которое мысленно определила для себя как «санаторий». В холле развлекалась молодежь. На широком экране телевизора, расположенного здесь же, менялись кадры: поп-звезды, кривляясь и подтанцовывая, исполняли популярные песни. Кругом слышался дикий пьяный хохот, всем было весело.

Вдруг за спиной она услышала: «Не смейтесь. У нее сын умер». Смех сразу стих, но эту тишину Елена восприняла как сочувствие к ее непонятной печали, и только. Слез не было, лишь переполняла невыразимая, неопределенная тоска по чему-то утраченному.

Поднявшись по лестнице на второй этаж, Елена с группой людей оказалась в замкнутом стеклянном переходе, откуда был отчетливо виден длинный просторный коридор, устланный голубой дорожкой и виражом уходящий наклонно ввысь. Дверь в коридор была заперта. Кто-то предложил разбить стекло и открыть дверь, чтобы продолжить движение. Елена подняла руку ладонью вверх, и на нее упала связка ключей. «Вот, — сказала Елена, — сейчас откроем». Она не успела передать ключи впередистоящим, так как из глубины коридора, навстречу группе, быстрыми шагами вышел мужчина в черном костюме, с аккуратной бородкой, на ходу жестикулируя руками и голосом предупреждая собравшихся: «Вам сюда нельзя».

В группе послышался ропот недовольства: «Надо уезжать. Мы здесь не останемся. Здесь невозможно жить».

«Ключи отдать надо, это не мои, будет стыдно, как будто бы украли», — подумала Елена, но отдать их было некому, и люди куда-то исчезли...

Падали желтые осенние листья, ковром устилая дорожку за «санаторием». Как эта картина была похожа на тропинку за родным домом! Те же деревья, те же

дома! Елена шла медленно, уже безо всякой цели, словно в гипнотическом сне. Вдруг на правом плече, сзади, она ощутила тяжесть руки, которая не давала Елене возможности обернуться и увидеть стоящего за спиной, а впрочем, она и не сделала бы этого, так как сразу услышала родной голос Алешки... Так можно говорить, когда отпущено мало времени, а сказать надо о многом: «Мам, ты живи и дальше как жила. Обо мне не плачь, успокойся. Праздник... Ну, в общем — стол мне собери. А я тут буду».

После услышанных слов «мам» и «праздник» Елену будто бы рывком выбросило на поверхность из глубокого омута сновидения. Она запомнила каждое заветное слово, сказанное Алешей, и еще долго ощущала у себя на плече тепло родной ладони. Что это было: сон, откровение, последнее земное свидание с сыном, хождение в загробный мир? На этот вопрос Елена ответит себе гораздо позже. А сейчас она мысленно поблагодарила Бога и Мать Божью, уверившись в том, что нет такой просьбы, которую не услышал бы Господь Бог, если идет она к нему через душу и сердце земной матери.

Всеволод Круж

Родился, живу, работаю и творю в Москве. Изредка перебираюсь в другие уголки планеты и недолго живу там. Но там не работаю. Правда, иногда и там творю.

По образованию технарь, но так получилось, что сейчас чаще имею дело со словами и разными знаками, которые препинаются между ними: конструирую, отлаживаю, довожу до ума. Если это мои собственные слова и знаки, то получают рассказы. И я надеюсь, что действительно получают. И тогда их печатают в книжках. Но чаще шлифую чужие творения.

Люблю разные соревнования. И в частности между теми, кто создает что-то из столь любимых мной букв и слов. Иногда наблюдаю, иногда участвую. Но бывает и так, что сам организовываю.

Наблюдаю не только соревнования, но и саму жизнь, а она интересна и примечательна. То тут, то там встречаются приметы чего-то необычного, не укладывающегося в рамки. Эти рамки устанавливаем мы сами, а жизнь бесконечна в своих проявлениях. Но, с другой стороны, рамки и границы — вещь тонкая и хрупкая.

Не навреди, человек!

Мистер Ивнинг

Почему они все считают, что это кафе не работает? Подхожу, толкаю дверь. Она бесшумно открывается, пропуская внутрь... Как тогда, когда я в первый раз зашел сюда.

Такой же мягкий фиолетовый полумрак, приглушенная инструментальная музыка. Из обслуживающего персонала в зале все так же только официант, имя которого мне было неизвестно. Памятуя о вывеске на двери кафе, я звал его мистер Ивнинг. Он направляется ко мне.

— Добрый вечер! — произношу приветствие первым.

— Добрый? — отвечает скорее вопросительно, с легкой ноткой иронии.

Это странно. Сегодня он переходит грань своей обычной подчеркнуто вежливой манеры. Показалось?

— Как всегда? — он опережает вопросом мой заказ.

Какое-то неясное предчувствие всколыхнуло рябь протеста внутри меня. Почему он так взволнован и напряжен? Показалось?

Он ждет, внимательно глядя мне в глаза. Я отвечаю долгим взглядом, пытаюсь угадать его мысли. Что там, в глубине этих темных глаз, ждущих моего ответа? Вот сейчас скажу «да», и засосет меня в их пучину, как в воронку. Показалось?

Почему я медлю? Почему простой вопрос вызывает чувство, будто от него зависит вся моя жизнь? Что за ерунда! Отвожу взгляд, легким движением руки чуть отодвигаю меню, которое никогда не открывал.

— Да.

В зале, как всегда, малоллюдно. Кроме меня еще два посетителя. Сколько помню, они всегда сидят на одном и том же месте у окна.

Один высокий, худой, медлительный, эlegantный. Он всегда одет в безупречный черный костюм. И того

же цвета шляпа, зонтик-трость, висящие на вешалке. Черные волосы, узкая бородка, усы. Я его так и называл про себя — мистер Блэк.

Второй был, казалось, его полной противоположностью. Маленький, пухлый, подвижный человечек с волосами соломенного цвета, одетый в шорты и цветастую рубашку. Мистер Уайт.

Чем они занимались в жизни? Я предполагал, что они из местного театра. Как-то уж больно напоминали актерские типажи. Но при этом они не играли, вели себя вполне естественно. Поначалу я садился за столик у противоположной стены, стараясь своим присутствием не мешать их разговору. Но они не обращали на меня ровно никакого внимания, а личности были столь интересны и притягательны, что я с каждым разом старался выбрать место все ближе и ближе к ним.

Сегодня я, наверное, перешагнул рамки приличий и сел за соседний столик, лицом к ним и к окну. Может, этим и была вызвана напряженность официанта? Впрочем, мистеру Блэку и мистеру Уайту моя наглость была совершенно безразлична.

Они достали доску и начали расставлять на ней фигуры. Раньше мне казалось, что это шахматы, но сегодня я с удивлением обнаружил, что это не так. Вернее, не совсем так. Доска с черно-белыми квадратами, контрастные черные и белые фигуры, но... Это были не шахматные фигуры. Сколько я ни силился понять, где там пешки, ладьи, кони, определить их не удавалось. Да и первоначальное расположение было более чем непривычно — не строгими рядами по два с каждой стороны доски, а... вперемешку, без видимого порядка. Может, доигрывали старую партию?

— Ну что ж, любезнейший, продолжим? — произнес игрок в черном костюме.

— Ну да, ну да, конечно... — его противник был, казалось, в нерешительности. — А ты знаешь, я думаю... — он замялся, — что у нас не хватает одной фигуры.

Я усмехнулся про себя. Странный он какой-то. Как будто это нормально — подумаешь, фигура пропала. Ах, стоит ли о ней вспоминать? А ведь от нее может зависеть исход партии. Или ему безразличен финал?

Мистер Блэк задумчиво потер переносицу.

— Ты готов рискнуть? Помнишь, чем заканчивались предыдущие попытки?

Нет, они точно какие-то ненормальные. На доске нет фигуры. Судя по всему, чрезвычайно важной. Черной? Белой? Кому она выгодна? Я пытался угадать и не мог. Если белым, то почему мистер Уайт не настаивает, а мнетя и готов забыть про ее отсутствие? Если черным, то в чем лично для себя мистер Блэк видит риск?

— М-да, — скривился мистер Уайт, — особенно первая. А какова была идея!

— Да брось ты! Авантюра чистейшей воды! Суперфигура, как же!

Какая еще суперфигура, оторопел я, в шахматах такой нет! Тогда что же у них за игра?!

— Зря иронизируешь. Это была эпохальная партия. Ты, конечно, помнишь дебют? Вот тут, прямо посередине — рожден сын божий, — мистер Уайт делал пассы руками над доской. Мистер Блэк лишь посмеивался, откинувшись на спинку стула.

— Высокопарные слова, как я их не люблю. Все в мире проще. Мой ответный ход — и это обычный человек. Попробуй доказать обратное!

— Доказательство требуется, это верно, но оно было простым — надо ведь только убедить людей, что это правда. Ты помнишь, священникам был дан знак, в который они поверили. А кто, как не они, правят умами?

— Но сын бога не есть бог. Он может быть, скажем, его наместником. То есть вполне земным человеком, царем. А значит, появился всего лишь претендент на трон. И тогда действующий царь принимает вполне ожидаемое решение — посылает священников узнать, где же его соперник. Слухи надо проверять.

— Ну да, найти и обезвредить. Эта угроза легко читалась, и отбить ее мне было нетрудно. Зачем же давать царю адрес жертвы? Священники не вернулись!

— Подумаешь, посланники затерялись. Не проблема. У царя достаточно власти, чтобы прибегнуть к другим аргументам. Он повелевает убить всех младенцев, родившихся в указанное время. Ну да, жестоко, конечно. Зато надежно.

Мистер Уайт и мистер Блэк трогали фигурки, передвигали их. Все было на первый взгляд как в обычной шахматной игре. Если бы не комментарии! Они как будто разыгрывали библейскую историю. Шутники. Но почему-то мне не хотелось смеяться.

— Священники не просто так ослушались царя. Они предупреждают родителей мальчика об опасности, и те иммигрируют в другую страну. Так что и эта проблема решена.

— Вот именно! Проблема решена! Нет человека, нет проблемы. Не убить, так изгнать. Чем не решение?

— Но ты же понимаешь, это была лишь отсрочка. Да, следующий ход был сделан нескоро. И через много лет, уже после смерти царя, мальчик, возмужав, возвращается в святую землю.

— Ну вот, ты опять! К чему этот пафос? Ради всего воистину святого не называй ты этим словом игровое поле. Ну хорошо, вернулся. Дальше-то что?

— Дальше об этом узнают священники и возвещают людям о возвращении сына божьего.

— Ответ простой — тестирование. Доказательства! Нужны доказательства! Где чудеса? Во-от... А чудеса-то творить ему не под силу. Камни в хлеба превращаться не хотят. Когда просили броситься вниз с храма, мол, если ты такой исключительный, жив останешься — испугался ведь, не прыгнул.

— Хорошо, хорошо, чудеса — это слишком. Но он великий лекарь, что называется, от бога. Он исцеляет больных при большом скоплении людей. А? Признайся, что это был неплохой ход!

— Допустим. Но когда пошли разговоры о воскрешении из мертвых — это уже перебор! Это лишь слухи, а они многое преувеличивают. А где факты? Фотографии, видео?

— Шутить изволишь! Какие в то время могли быть подтверждения, кроме устных? Но ведь это сработало! Его стали слушать.

— Да, стали. Но он был не единственный такой. Признайся, разве не достойный ответ — множество странствующих проповедников! На всех площадях всех городов по нескольку штук голосили на все лады. Подумаешь, еще один появился.

— Но ведь за ним пошли люди!

— Ха-ха! Двенадцать человек? Не густо.

Ход за ходом перед моими глазами разворачивалась партия, известная человечеству вот уже две тысячи лет. Два актеришки играли историю! Как они посмели превращать ее в фарс! Ох уж эти театральные условности! Допустим, что эта фигура представляет собой такого-то. Предположим, что эта убогая декорация — известное место... Плачьте, зрители! Верьте, зрители! И хотя сюжет тысячи раз пересказан тысячами очевидцев и интерпретаторов... И хотя артисты напроочь забыли текст и поют отсебятину... Я почему-то верю...

— Он — особенный! Он говорит совсем не так, как другие. Во всем должен быть приоритет добра и любви. Ведь этого так не хватает миру! Всегда! Во все времена!

— Да-да, и всех надо прощать — о-очень удобно для власть имущих. Мы вас тут немножко поугнетали, но вы нас должны простить! Разве не так? Можешь творить что хочешь, все грехи спишутся. Особенно за деньги. Ты ведь помнишь, какой это был красивый ход — индальгенция!

— О нет, его ценности — общечеловеческие. Все должны ими руководствоваться. И власть тоже. А потому он опасен для зарвавшихся сатрапов.

— Да неужели? Легко проверяется — надо спросить у самой власти. Помнишь, что получилось? Наместник

вызвал его на допрос и понял, что он неопасен. Ты преувеличиваешь роль этой фигуры!

— Э, нет, он велик! Но чтобы толпа смогла понять это, его надо... казнить и сделать из него мученика!

— Bravo! Бра-во! — мистер Блэк захлопал в ладоши.— Прелестный приемчик — убивать самых лучших, чтобы делать других лучше. Ха-ха! Так вот он какой — гуманизм! Убей героя и заставь народ рыдать и каяться! Ты пожертвовал фигуру? Но нет — я не принял эту жертву! Сохраним жизнь невиновному!.. Все было подстроено так, чтобы казнили другого. В праздник можно одного приговоренного помиловать. Несложный выбор, кого: говорящего о мире и любви или отъявленного негодяя.

— Но моя атака продолжается! Толпа выбрала негодяя! О, это будет мучительная казнь: истязания, жара, уксус вместо воды для утоления жажды...

— Да ты изверг какой-то! И мне пришлось делать мучения не слишком долгими — охранник убил его копьем. Да, печально, конечно. Но кто об этом несчастном вспомнит через несколько дней?

— Нет-нет, такой вариант развития партии меня явно не устраивал. Воскрешение! Вот сильный ход, после которого устоять и не поверить в избранного невозможно!

— Опять фантастика! Хотя понимаю, ничего другого, чтобы спасти партию, у тебя не оставалось. Но это же так неестественно! Многие из тех, кто с ним общался, так и не признали его в воскрешенном.

— Да, пришлось постараться! Но в итоге ведь признали!

— Ну не все. Весь твой расчет был на наивность и внушаемость. Это было грубо и некрасиво. До сих пор осадочек остался. И партия так затянулась, что я пошел на долгий размен. И в конце концов многие, очень многие считали тогда и сейчас считают его простым человеком, а почитают совсем другого.

— И все же партия удалась! Его учение изменило мир.

— А ты уверен, что к лучшему?

— А как же! Люди обрели веру, надежду, любовь, утешение...

— И с его именем на знаменах совершали самые жестокие преступления и войны...

— Обрели моральные устои. Мир в душе...

— Только ли благодаря ему? Он так и остался — не единственным. Но появилась вражда между теми, кто исповедует его ценности и иные ценности.

— Да, было в этой партии нечто разрушительное. Но и созидующее тоже, и ты не можешь это отрицать!

— Ну да, ну да... Как и все в этом мире: вечная вражда противоположностей... и рождение в этой борьбе великих начал.

— Да, и вечная ничья наших партий...

Игроки неторопливо передвигали фигуры в какую-то одним им ведомую начальную расстановку. Наконец мистер Блэк прервал затянувшееся молчание:

— А ту партию надо было заканчивать, чтобы не было еще больших разрушений. И ты хочешь начать ее заново?

— Нет, ты меня не понял. Я предлагаю другое.

— Опять какого-нибудь героя или бога?

— Нет-нет. Кое-что, что поможет нам...

— Ну, у нас уже есть помощник.

— Не перебивай! Поможет нам понять... м-м... У тебя разве не осталось вопросов?

Мистер Блэк посерьезнел. Забарабанил пальцами по столу.

— Мы уже готовы к этому?

Мистер Уайт кивнул.

— И кто же это? Он?

Рука мистера Блэка потянулась к фигурке, внешне ничем не примечательной, разве что... Она стояла на линии, ближайшей ко мне, и может быть, именно поэтому я замечал, что каждый вечер она в конце партии

перемещалась ровно на одну клетку. В шахматах она называлась бы проходной пешкой. И ей оставался всего один ход, чтобы стать... Кем?

— Ну а кто же еще? — усмехнулся мистер Уайт. — Все сходится! И время подходящее — вечер. Это как граница между днем и ночью, между светом и тьмой, между противоположностями, если хочешь. Она остра и коварна. Так легко потерять равновесие и свалиться в какую-то сторону. И нужно пройти по ней, чтобы все понять...

— Слова, слова... Как ты любишь ими играть! Но по сути... Я не вижу другого пути, чтобы ответить на вопросы.

Мистер Блэк взял фигурку в руку, достал носовой платок и стал тереть ее. Сначала медленно, как будто стряхивая пыль, потом усилил давление и скорость движений. Закончив работу, он аккуратно сложил платок и убрал в карман.

— Так?

Фигурка заблестела, переливаясь красками. Она была зеркальной!

— Ну да, как-то так... Ну что ж, начнем?

— Угу, с самого начала.

Она была похожа на статуэтку. Чью, угадать было невозможно, хотя мне и показалось в ней что-то знакомое. Я пристально вглядывался в расплывчатые очертания, как вдруг... луч заходящего солнца отразился от зеркальной поверхности, ослепив меня.

Когда я открыл глаза, все оставалось по-прежнему. Те же двое, сидящие за соседним столом и играющие в свою странную игру. Только сейчас их разговор был неразборчивым.

За окном мягко разливался по городу закат. Солнце клонилось к горизонту, где синее небо сливалось с синим морем. Скоро, очень скоро яркий желтый шар скользнет в пушистую постель, накроется темным одеялом и уснет до утра. А пока слегка подернутая рябью рыжая дорожка протянулась по морю к городскому пляжу, как будто приглашая прогуляться по ней. Кого?

От пляжа к центральной городской площади, на которой располагалось кафе, полого поднимался бульвар. Магнолии, пальмы, клумбы с южными цветами. По бокам бульвара ряды пока еще отдыхающих фонарей. Их время придет позже, когда голубое небо потемнеет, превращаясь в синее, фиолетовое, черное. И на нем начнут вспыхивать звезды, сначала самые яркие... И вот тогда вместе с ними станут разгораться и фонари, потихоньку, перетекая от несмелого и теплого желтого цвета до пронзительно-белого.

Мне полюбился этот маленький приморский городок, нежный и ленивый, дружелюбный и загадочный. Как-то просто и естественно я влился в его неспешный ритм жизни...

Внезапно раскат грома разрезал благостную тишину. Сдавило виски, стало тяжело дышать. Я вышел на улицу. Надвигалась гроза, угрожающе закручивая пыльные буруны на дороге и шелестя верхушками деревьев. Черные тучи широким контрастным фронтом переваливались через горы.

Неясный шум, нарастая, доносился с вершин. Я пристально, до рези в глазах, вглядывался в темнеющую даль. Что там? Обрушившийся ливень размыл очертания скал, но в появившемся движении угадывался камнепад или сель. Набирая силу, он приближался к городку.

Закружилась голова, я зажмурился, и мне вспомнился самый первый день, когда сюда приехал. Утомленный долгой дорогой, я вздремнул в прохладном номере отеля, и мне приснился сон, как будто я стою на вершине скалы и не могу решиться спрыгнуть вниз. А это было возможно. Я видел, как это сделал стоявший рядом парень. Кого же он мне напомнил? Ах да, мистера Ивнинга! В самом деле! Как же я раньше не догадался? Достаточно было только представить его не в униформе официанта, а в тех самых мешковатых штанах и в клетчатой рубашке с закатанными по локти рукавами... Он раскинул руки, как крылья, и смело ринулся вниз но-

гами вперед, заскользил по крутому песчаному откосу. И песок струился ручьем, унося его вниз к еле видимой кромке кустарника, по мере спуска переходящего в чахлые деревца. И дальше, дальше, к высоко забравшимся в гору домам... А я... Тогда я струсил...

Я открыл глаза и... увидел, что стою на вершине горы. Как тогда, во сне. Только песка не было, одни голые камни, срываемые с насиженных мест бушующим ливнем под устрашающие раскаты близкого грома.

Когда я успел сюда забраться? Да нет, этого не может быть! Я, наверное, опять сплю. Ну конечно, это легко проверить. Надо только ущипнуть себя. И, если почувствуешь боль, значит, это явь. Щиплю себя за руку. Чувствую кожу. Боль не сильная, но я ведь только сжал кожу пальцами, а если бы стиснул изо всей силы ногтями... Но зачем? И так ясно, что... это не сон. И все предметы видны отчетливо и в красках... Струится ручьями уходящее из-под ног месиво из грязи и камней, ручьи сливаются, превращаясь в бурный поток, на своем пути вырывающий с корнями кустарники, деревья. Все ближе и ближе он подбирается к городку, все больше и больше набирает силу...

Надо предупредить людей, чтобы они смогли покинуть опасные места. Но как?! Спрыгнуть, как парень в том сне и прокатиться вместе с потоком до города? Легко сказать! Но даже во сне это было сделать легче. Там был песок, а здесь — несущиеся грохочущие камни, перемалывающие в щепки деревья. Нет, это невозможно!.. Но другого пути нет. Я вспомнил всех своих знакомых из города, милых, доверчивых, открытых. Есть ли у меня хоть какой-то, пусть самый мизерный шанс? У того парня был. Но сейчас — совсем другое дело. Какова вероятность того, что я смогу выжить? Один процент? Одна десятая? Одна сотая?.. Я так и буду стоять и высчитывать дурацкие проценты?! Когда там...

Я оттолкнулся и прыгнул... Безумная идея прокатиться с каменной горки вполне ожидаемо провалилась. Контролировать движение не удалось. Мир за-

вертелся у меня перед глазами. Адская мясорубка перемалывала мои кости...

Сначала была резкая невыносимая боль. Но потом она внезапно прекратилась, и на смену пришло тупое безразличие и неясное ощущение, что тело превратилось в некую аморфную массу, расползающуюся по склону. Я уже перестал беспорядочно кружиться в потоке, а как будто бы чуть поднялся над ним. Грязевая река расширялась, заполняя все пространство улиц и вплотную приближаясь к домам. Стучу в окна, как можно сильнее, до звона разбитого стекла. Просыпайтесь! Уходите! И несусь скорее дальше, к тем, кто пока не услышал!

За спиной нарастает угрожающий гул. Что это? Оглядываюсь, и в то же мгновенье огромная волна грязевого потока накрывает меня... Тишина... Мутное серое ничто, со всех сторон обхватившее меня и не выпускающее наружу...

Открываю глаза. Поверхность стола так близко, что я понимаю, что прижимаюсь к ней щекой. Я спал? Как хорошо, что случившееся со мной — всего лишь сон! Совсем рядом прыгает бесформенный солнечный зайчик. А его родитель, не обращая внимания на стоящее преградой стекло, пригревает мне макушку.

Одновременно с раздавшимся легким стуком зайчик остановился, слегка подрагивая.

— М-да, забавненький дебют, — слышу я знакомый голос. Мистер Уайт?

— А ты хитрец! — отвечает ему мистер Блэк. — Опять разыгрываешь гамбит? И не жалко тебе фигур?

Поднимаю голову. Все тело ужасно ноет. Как же это я ухитрился отключиться в такой неудобной позе? Два завсегдатая кафе на своих излюбленных местах. Умудренное еще одним днем солнце, просачиваясь через легкие облачка, медленно движется к кромке моря.

— Ну, я же знаю, что ты ее не примешь, — усмехается мистер Уайт.

— Но и легкого пути у нашего новичка не будет. Тернии, тернии и еще раз тернии. Не считая лавин, камнепадов и прочих прелестей.

— И все же я почти поверил, что ты хочешь его убить. Когда подсунул вместо песка камни.

О чем это они? О ком? Я потряс головой, чтобы привести мысли в порядок. О боже! Неужели обо мне?! Постойте! Это что же получается? Я — всего лишь пешка в их руках, которой уготована роль пройти по какой-то опасной границе, чтобы ответить на их дурацкие вопросы? Какие?

— А ты опять пренебрег реализмом и занялся превращениями.

— Нет, ну признайся, это красиво — превратить человека в тень!

Я — тень? Что за бред! С ухмылкой оглядываю свое вполне живое тело. Хотя там, во сне, было такое чувство, что я это тело потерял.

— А каково это ему — знать, что он только тень человека!

— Но пусть так будет не навсегда, а только на время выполнения миссии.

— Опять усложняешь. Ну хорошо, пусть способ вернуться в собственное тело будет. Но только невыполнимый! Предлагай, какой?

— Ну, скажем... дойти до солнца. Представляешь, заход солнца — те недолгие минуты, когда солнце соприкасается с землей. Там, далеко-далеко, где горизонт. И нужно успеть до него дойти, дотянуться, раствориться в нем, чтобы ожить вновь, как птица феникс... Ну что, достаточно невыполнимо?

— Ах, опять дешевые трюки и красивые слова! Ладно, принимается. И все же вернемся к партии. Первые ходы, и опять одни только вопросы. Спасти всех — задача невыполнимая.

— Ну почему? Тень как раз для этого подходит. Она может появиться одновременно во многих местах. Мгновенно и всюду.

— Бестелесное создание не может стучаться в окна.
— Ну на это есть ветер достаточной силы, скажем, ураганной.

— Значит, он не выполнил свою задачу — предупредить людей об опасности!

— Он, не он. Какая разница! Цель была достигнута! Как это в новостях говорится — по счастливой случайности, несмотря на значительные разрушения, жертв нет! Но это все детали. Был же главный вопрос, почему он сделал шаг, зная, что результата не будет. А он ведь знал, что это бессмысленно! Или, по крайней мере, столь маловероятно, что и думать об этом не стоит.

— И ты получил ответ?

— По крайней мере, стал к нему на этот шаг ближе. Но ты забегаешь вперед, а мы лишь разыграли дебют. Все самое интересное еще впереди...

Мистер Уайт перевернул доску и стал укладывать в нее фигуры. Его соперник придержал зеркальную фигурку, рассеянно вертя ее в руках. Теперь уже не было сомнений, что это был я. Так и хотелось крикнуть им: ну что же вы делаете! Разве можно вот так играть чужими жизнями! Но разум загонял негодующий крик в угол, приговаривая: это ведь неправда, этого не может быть!

Еще один вечер подходил к концу.

— Мы закрываемся. Расплачиваться будете как обычно?

Когда я пришел сюда в первый раз и не был уверен, какие карточки принимаются к оплате, то протянул мистеру Ивнингу весь бумажник с просьбой самому выбрать подходящую. Его выбор меня озадачил.

Кроме карточек в бумажнике было небольшого размера прямоугольное зеркало — вещь очень удобная для часто путешествующих. И вот именно его он взял. Не знаю, какие манипуляции производились с ним у кассы. Даже смешно представить, что это могло быть. Вот такой чудак этот мистер Ивнинг, думалось мне. Ну ма-

ло ли... Может, я ему был чем-то симпатичен и угощения подавались за счет заведения. И я раз за разом продолжал эту игру. Напитки и закуска не имели значения. Да я к ним почти не прикасался. Главное блюдо — сны. Или видения. Не знаю, как их назвать. Явственные, каким-то непостижимым образом связанные с реальностью. Сны, в которых мое «я» ломали. Больно, порой до смерти. Я после них становился другим, и это мне нравилось. Да, я много раз умирал. И понял, что, как ни странно, к этому можно привыкнуть. Однако сегодняшняя метаморфоза была выше моего понимания. Она пугала. Пугала не там, во сне, что случалось частенько, а здесь, сейчас.

Растапливаю страх улыбкой.

— Да, конечно. Как обычно.

— У вас закончились средства на счету, — услышал я неожиданный ответ.

— Как так? — улыбка сошла с моего лица. — Вы шутите?

— Нисколько. Посмотрите сами!

С этими словами мистер Ивнинг протянул мне зеркальце. И как посмотреть, хотел я спросить, а потом мелькнула догадка: ну да, надо вот именно — посмотреть... Седой морщинистый человек, глядящий на меня из зеркала, не мог быть мной...

— Видите?

У меня не было слов. Я не понимал, что происходит.

— Э-э... вот... другие карточки...

— Нет, другие не подойдут. Не обманывайте себя.

В моей груди разливался неприятный холодок. Я обманывал себя. Все то время, когда приходил в это странное кафе, я обманывал себя. Что-то было не так, а я списывал несуразности на шутку. И вот теперь пришел час расплачиваться, а карманы оказались пусты.

— И-и... что я теперь должен делать?

Мистер Ивнинг как будто ждал этого вопроса и с охотой стал объяснять.

— Это не так сложно. Пройдемте со мной, я все покажу.

Я машинально двинулся за ним, внимая его наставлениям. Подсобка, барная стойка, кассовый аппарат, кофе-машина, посуда... Зачем мне знать все это?

Мы сделали полный круг по заведению и теперь стояли у выхода. Кроме нас, в зале никого не было. Мистер Ивнинг заметно нервничал, поглядывая на заходящее солнце.

— Ну вот и все. Сегодня мой последний рабочий день.

— Как жаль! Мне будет вас не хватать, — попытался я пошутить.

Он усмехнулся. Вложил в мою руку ключи.

— Теперь вы тут хозяин. Всех благ... мистер Ивнинг!

Я опешил... В глазах потемнело. Что, черт возьми, происходит?! Я стал человеком-тенью, навсегда привязанным к несуществующему кафе, работающему только во время захода солнца?

— Подождите! Как же так?!

Но мне никто не ответил.

Огромное солнце, напившись уходящим днем, уже больше чем наполовину окунулось в темнеющие морские воды. Длинная поблескивающая дорожка протянулась к берегу, переходя в гранитные ступеньки, бульвар, ведущий к центральной городской площади, на которой располагалось кафе. Чей бывший хозяин быстрой широкой походкой спускался к морю. Мимо клумб с дивно пахнущими южными цветами. Мимо неспешно разгорающихся фонарей. Туда, к загадочно мерцающей солнечной дорожке. И чудится, будто идет по ней деревенский парень в мешковатых штанах и клетчатой рубашке с закатанными по локти рукавами...

Ты дойдешь, ты обязательно дойдешь до солнца...

А я буду жить верой, что когда-нибудь это удастся и мне.

Алексей Казарновский

Тонкие миры — что это, где это, да и существует ли это? Начну, пожалуй, с конца. Существует, без сомнения. Вопрос только: само по себе или в недрах нашего «я». Внешний ли мир подсовывает нам время от времени «паранормальные явления» или это побочный продукт нашего коварного подсознания? По большому счету, может быть, это не так уж и важно, ведь, объективно или субъективно нечто, — с ним надо как-то обходиться. Химеры нашего разума могут быть не менее опасны, чем грозные явления природы. Тому масса примеров. А значит, будь ты законченный мистик, или столь же законченный материалист, или (как я) безнадежный агностик, — тема тонких миров остается значимой и лишь поворачивается той или иной стороной.

Член Моссалита и Международного союза писателей «Новый современник», публиковался во многих издательских проектах этих организаций, а также в газете «Интеллигент», журнале «9 муз», сборнике «Грушинское братство» (Самара: Новая техника, 2013 г.), автор поэтического сборника «Старый бродяга» (г. Вологда, 2011 г.), постоянный участник проекта «Живое авторское слово». Главным образом — поэт, потом — автор песен, и уж совсем потом — прозаик...

Монастырь Михаила Архангела

Мы подходим к острову Сими. Погода превосходная, яхта резво бежит по спокойному Эгейскому морю. Светит солнце, и настроение соответствует всей этой благой картине.

Идем мы с Родоса, где стояли сутки, можно сказать, прямо в центре города в старом порту Мандраки, как важные господа. На такую роскошную стоянку я не рассчитывал. Думал встать в новую марину, которая должна была быть чуть в стороне от центра. Неясная информация о ней нашлась в интернете, но при ближайшем рассмотрении марина оказалась недостроенной и нефункционирующей. Других подходящих стоянок вблизи не наблюдалось, погода в тот момент была скверная — ветреная, с дождем и облаками (что само по себе редкость для Родоса и окрестностей), вот и направилось наше судно в Мандраки. Место неожиданно нашлось, и, преодолевая боковой ветер, мы благополучно пришвартовались.

Это было вчера, а сегодня — солнце, штиль, легкая дымка над спокойной водой. Бесполезные в таких условиях паруса убраны, лодка идет под мотором. Впереди узкий живописный проход между собственно островом Сими и прилегающим к нему небольшим островком. Для стоянки я наметил овальную бухту с узким горлом на юго-западе острова. На карте она выглядит хорошо защищенной, но по опыту знаю, что защита гарантирована только от волн. Как там будет с ветром, можно понять лишь на месте. На острове есть городок Сими, кажется, он находится именно там, куда мы идем, однако уточнять я не стал, тем более что наши соседи по стоянке в Родосе предупредили: если хотите спокойной ночевки, встаньте где-нибудь в стороне от города, в котором всю ночь идет шумное гульбище (особенно в выходные).

Будь что будет — не город, так не город. Дикие бухты имеют, правда, свои серьезные недостатки. Там приходится стоять на якоре на некотором расстоянии от берега. Если, не дай бог, поднимется сильный ветер — гляди в оба хоть всю ночь! Может потащить якорь (а якоря здесь на, как правило, поросшем травой дне держат плохо!), и оглянуться не успеешь, как лодка окажется на мели или начнет биться о какой-нибудь подводный камень на мелководье. Выход на берег на дикой стоянке сопряжен с трудностями. Нужно спускать на воду тузик, ставить на него подвесной мотор или грести веслами. Словом, высадка — это целое мероприятие. Правда, делать на берегу обычно нечего. Природа небольших греческих островов скудна. Голые камни, поросшие жесткими колючими низкорослыми растениями, — вот обычно и все, что можно найти на твердой земле. Зато покой и кристально чистая вода гарантированы. Я предпочитаю стоянку иметь цивилизованную: у причала, с водой и электричеством с берега. Надежно, спокойно, есть куда сходить, на что поглазеть, а то и пополнить припасы. А вечером можно и в таверну завалиться на хороший ужин с морепродуктами и местным вином...

Мы входим в проливчик. Спутники мои неистово щелкают фотоаппаратами, снимаясь на фоне чудесного вида. В общем-то, проход не так уж и мал. Судя по карте, в самом узком месте — полмили, а островок слева по борту даже имеет собственное название — Сесклио. На морском просторе наше восприятие часто промахивается с масштабом. Будь я, скажем, на Волге, километровая ширина реки не показалась бы мне маленькой.

— Красота неопиcуемая! — восклицает Бури, стоя на носу, и картинно взмахивает рукой.

Не спорю — красиво! Теперь доворачиваю направо вдоль береговой линии Сими. Где-то тут, чуть дальше, в нагромождении скал должен быть вход в бухту. Справа видим сначала несколько больших живописных гротов в отвесных береговых скалах, затем каменная стена

приобретает удивительную фактуру. Потрескавшаяся довольно ровно в горизонтальном и вертикальном направлениях, она подобна грандиозной древней каменной кладке. Не верится, что это не творение человека.

— Какая красота! — снова живо восхищается Бури. — Посмотри, посмотри! Вон там скалы прямо как у меня на родине!

Бури родом из Таджикистана. Здешние горы, конечно, слабоваты по сравнению с Памиром, но все же это горы, не то что в Москве. Как же им не взбудоражить душу восточного поэта! На стене замечаем коз, беспечно прыгающих по кручам.

За мыском вскоре открывается узкое горло входа в бухту. Тут действительно довольно тесно — всего метров сто. На дальнем берегу бухты видим ряд белых каменных домов с изящной колокольней посередине. Дома — трехэтажные, длинные — почти однотипные. Такими здесь бывают офисные здания или гостиницы. Жилые дома все больше индивидуальные: одно-, двухэтажные, небольшие.

Я оставляю штурвал Жене (он будет упражняться в швартовке), а сам начинаю внимательно осматривать бухту и берег. Увиденное несколько озадачивает. Женя тоже выражает сомнение: туда ли мы попали? Вдоль всего противоположного берега метров на триста тянется бетонная набережная с недвусмысленными вертикально торчащими стальными скобами для швартовки малых судов, но там нет ни одной яхты! Лениво покачиваются две-три маленькие моторки, прогулочные и рыбацкие, — и все! Слева пара яхт на якорях, чуть в стороне. Зачем, если столько места у причала? Впрочем, замечено, что всегда найдутся любители поболтаться ночь на якоре, даже когда рядом имеется доступный пирс. Еще озадачивает безлюдье. Обширная набережная пуста. Не видно, ни транспорта, ни прибрежных лавочек. Странное место. Все же внушительность прибрежных строений заставляет думать, что это город Сими. Возможно, просто еще слишком рано, а

яхты начнут собираться в бухте ближе к вечеру, на ночлег. Радует глаз зелень на склоне, поднимающемся на заднем плане. Да тут, в закрытой долине, прямо лес! Редкость для этих островов!

Еще раз оглядываю необъятные просторы набережной. И это все мне? Неужели? Надо решать, куда становиться. Ощущаю себя буридановым ослом. Справа от набережной отходит основательный Г-образный причал для парома. От него лучше держаться подальше. Однажды на Аморгосе среди ночи пришел паром и собрался положить якорь как раз на то место, где стояла наша яхта. Хорошо, что мы не спали, поскольку дул дикий ветер и наш собственный якорь упорно не хотел держать лодку. Увидеть ночью спросонок такого оглушительно гудящего монстра, надвигающегося на тебя со свисающим из клюза трехтонным якорем, готовым рухнуть с десятиметровой высоты, — не приведи господь! Слева на оконечности набережной небольшой вспомогательный причал, выдающийся прямоугольником метров на десять в акваторию, как расширенная часть самой набережной. Сюда тоже наверняка кто-нибудь большой придет и вздумает швартоваться, стоит только занять его место. Не такой, конечно, большой, как паром, но раза в два побольше нашей 45-футовой лодки. Такой как раз тут поместится.

Решаю встать метрах в десяти от вспомогательного причала кормой к берегу, как обычно. За брашпиль у нас отвечает Дима, Женя рулит, я взираю на все капитанским взором и руковожу процессом. Бури, как новичок, наслаждается зрелищем. Вот лодка сбросила ход, развернулась и начала движение кормой вперед к набережной. По моей команде Дима отдает якорь. Лязгает уходящая за борт цепь. Кормовые концы готовы. Мы уже совсем близко. Женя включает передний ход, затормаживая движение, и я прыгаю на бетонную твердь берега с одним кормовым концом, который немедленно пропускаю через скобу и кидаю назад Жене, после чего получаю от подоспевшего Димы второй кормовой ко-

нец и креплю его с помощью другой скобы. Теперь выровнять веревки, чуть подтянуть якорную цепь, и дело сделано. Корма яхты замерла в метре от причала, двигатель выключен, все счастливы, все отдыхают.

Перед нами пустынная просторная набережная с изредка прогуливающимися по ней кошками. Прямо напротив трехэтажное белое здание с галереями вдоль фасада на всех трех этажах. Похоже на гостиницу, но какое-то очень уж тихое. Вскоре выясняем, что это не город Сими (о чем уже давно начали догадываться), а монастырь Михаила Архангела. В доме напротив есть маленький магазинчик, слева на пригорке — пара таверн, а справа под колокольной — вход в сам монастырь. Там маленький очень ухоженный внутренний дворик с мозаичным полом из морской черно-белой гальки, пышные гроздья цветов, свисающих с веток кустарника, лестница на галереи вдоль второго этажа, а на первом — аж два музея. Один — собрание даров, которые получал монастырь в разные годы от посетителей и почитателей: оружие, чаши, резьба по слоновой кости, древние книги и оклады икон. Другой — этнографический.

— Там есть местное монастырское вино? — настойчиво спрашивает Женя. — Как нет? Какой же это монастырь, если здесь не делают вина? Зачем он тогда нужен?

Вина, увы, нет! Есть винные кувшины разных калибров в этнографическом музее, но они пусты уже много лет... Впрочем, жалобы эти чисто символические — в наших трюмах еще полно родосского вина, запаянного накануне. Монахов не видно, но разумная жизнь на острове все же существует. В монастыре она наблюдается в музейной кассе, исправно выдающей входные билеты в обмен на дензнаки свободно конвертируемой валюты. Потом еще два-три человека, неизвестно откуда взявшихся, оказываются рядом с нами в музее. Присовокупим сюда и продавщицу магазинчика.

Через некоторое время в горле бухты появляется еще одна лодка под германским флагом. Она недолго думая швартуется к набережной в двадцати метрах от нас с левого борта. Ура! Нас уже двое! Потом подходит лодка с корпусом цвета морской волны под каким-то непонятным флагом и становится справа от нас, ближе к малому причалу. Я помогаю им швартоваться. Их на борту только двое — муж с женой. Довольно распространенный вариант, когда люди, располагая некоторыми средствами, продают дом и прочее имущество и переселяются семьей на лодку, на которой и путешествуют в свое удовольствие.

Но вот покой и тишина рушатся в мгновение ока. Под звон колоколов на монастырской колокольне в бухте появляется большой пассажирский паром. Две его открытые палубы сплошь усеяны людьми. Трудно поверить, что вся толпа сейчас вывалит на берег, превратив это тихое место в туристический муравейник. Тем не менее так и случается. Набережная становится неузнаваемой, кипящей бурной жизнью, наполненной фланирующими визитерами. Кажется, эта толпа сейчас сметет и вытопчет монастырь с его маленьким внутренним двориком. Проходит час, и паром поглощает в свою утробу всех тех, кого он ранее изрыгнул на берег, после чего покидает бухту. Снова воцаряется патриархальное спокойствие.

Все же кое-какие крохи жизни остались на берегу. Напротив нашей лодки на цоколь галереи первого этажа присели три женщины. Кажется, ждут автобуса. Сюда, похоже, еще и автобус ходит. Наверное, пару раз в сутки. Бури сел между ними и, выразительно жестикулируя, ведет оживленный разговор. Непонятно только, на каком языке. Он не знает ни английского, ни греческого, а они вряд ли говорят на русском, таджикском, фарси или арабском. Однако, судя по живой ответной реакции слушателей, похоже, что это им не мешает. Одна из собеседниц показывает ему на меня. Я снимаю

их на видео, стоя на корме лодки. Бури театральным жестом грозит мне пальцем.

Между тем погода как-то незаметно меняется. По-прежнему тихо, но небо затягивает непроницаемым серым одеялом облаков. Впрочем, мы не обращаем на это внимания. Нет зноя — и слава богу! Возле нашей лодки появляется старичок с удочкой и пытается ловить рыбу. Делает он это как-то небрежно, без вдохновения. Пару раз забросил, подождал, посмотрел на поплавок, потом вытащил, еще раз забросил, положил удочку, а сам пошел к дому, возле которого его ждала старушка. Словом: «Жили-были старик со старухой у самого синего моря...» Потом они исчезли, а через некоторое время подошла старушка и стала мне чего-то говорить по-гречески, показывая на дом. Из всей речи понятным оказалось только слово «телевизор» или «телевидение». Я был чем-то занят, поэтому только развел руками, мол, не понимаю, и продолжил свои занятия.

А через несколько минут Дима отправился искать место, куда бы пристроить наш мусор с лодки. Обычно в таких местах, посещаемых яхтами, стоят контейнеры для этой цели. А тут — ничего! Какие-то мусорные ящики мы обнаружили за решеткой на замке. К ним не подобраться — частная собственность! Ну, Дима как-то решил эту проблему без ущерба для местной экологии, пристроив наш мусор в чужой — частный, но доступный контейнер, и возвращался уже назад, когда на него напали упомянутые старики и уволокли в дом. Вернулся он оттуда минут через пятнадцать. Оказывается, они хотели, чтобы им настроили телевизор. Дом этот, как выяснилось, что-то вроде туристических апартаментов, и старики занимали в нем один из номеров на первом этаже. Телевизор здесь толком ничего принимать не хотел. Кое-как Диме удалось настроить три-четыре программы.

Тем временем яхта под непонятным флагом, стоявшая по правому борту от нас, вдруг решает переставиться. Чем ей не понравилось это место — непонятно,

но она уходит к паромному причалу и становится бортом («лагом», как у нас говорят) к длинной палочке буквы «Г». Похоже, что там она никому не помешает, поскольку паром, как мы видели, швартуется кормой к короткой палочке этой буквы. Я некоторое время обдумываю их действия. Перестановка — маневр довольно суетный, и для него должны быть основания. И уж если кто-то из соседей его выполнил, то начинают мучить сомнения: в чем смысл? Не надо ли и тебе сделать что-либо подобное? Может, ты не увидел какой-то потенциальной опасности или неудобства выбранного места? Но ничего не придумывается. Немцы с лодки слева не проявляют никакого беспокойства и ничего не предпринимают.

Близится вечер, и, пока светло, мы отправляемся на «дальнюю» прогулку. За монастырем тут есть еще одна улочка с частными домами. Тихо, никого нет. За прозрачным решетчатым забором из толстой стальной проволоки — лимонные деревья. На них ярко сияют плоды. Один опавший лимон лежит возле самого забора. До него легко дотронуться, но не вытащить — не проходит между жесткими прутьями стальной решетки. Бури ухитряется его поднять на высоту забора и взять через верх. Шокирующая картина: доктор технических наук, профессор только что украл лимон из чужого сада! Не дал ему сгнить на хозяйской земле... Чего только не увидишь на отдыхе!

Выйти за пределы поселения нам не удастся. Лес, что виден был с моря, остается недосягаемым. Кругом заборы, огораживающие участки земли, в одном месте между ними уходит вверх по склону зигзагами узкая асфальтированная дорога, как здесь принято, без обочин. Гулять по ней неинтересно. Вскоре мы возвращаемся на набережную, на которой встречаем капитана немецкой яхты, идущего с купания. Физиономия этого крепкого средних лет мужика украшена живописным фингалом под левым глазом. Похоже, у него на судне был бунт!

В конце набережной обнаруживается за очередным забором семейство коз, наверное, из тех, что мы видели утром на подходе на скалах. Козел, отогнав от забора козу и козленка, требует с нас дани. Беспардонное поведение этого алчного скота наводит на мысль, что перед нами представитель местной власти... Люба с Галей пытаются его задобрить, накормив здесь же сорванными листочками трав.

С моря подходят еще несколько парусных лодок и становятся на якорях посреди акватории. Вместе с ними пришла здоровенная моторная яхта, тоже бросившая якорь метрах в двухстах от набережной. Мы не спеша возвращаемся на лодку, ужинаем, расположившись в кокпите. Немцы — соседи, решают ту же проблему по-своему. Они отправились всей командой в таверну, что на возвышении в ста метрах от нас. Очень тихо, темнеет, небо затянуто тучами. Насытившись, мы начинаем вечернюю культурную программу на борту. Говоря проще — песни под гитару...

И тут вдруг с моря налетает первый порыв ветра. Наша лодка слегка мотнулась. Все подняли головы, смотрят вокруг, а тут уже второй порыв посильнее дернул яхту, и за ним началось — порыв за порывом, все сильнее и сильнее. Наша лодка стоит надежно, только болтается из стороны в сторону, а вот немецкую сразу начало разворачивать левым бортом к бетонной набережной и наваливать кормой на причал — якорь не держит!

Мы (я, Дима и Женя) выскочили на набережную и бросились спасать ее, стараясь не дать ободрать борт и корму о бетон. Из таверны уже бежали встревоженные немцы. Удерживать лодку на руках не очень получалось. Якорь продолжал ползти с каждым порывом ветра. Лодка все больше и больше подставляла ветру борт, в результате ветровое давление усиливалось. Да и ветер крепчал. Было очевидно, что мы вместе с подоспевшей немецкой командой не справляемся. Капитан попытался помочь двигателем, но ничего хорошего из этого

уже не получалось: он не отталкивал лодку от берега, а тянул ее в сторону заодно с ветром. Вскоре пластик корпуса заскрежетал по бетону.

Видя, что с ветром не справиться, немцы начали пытаться подкладывать кранцы (надувные резиновые амортизаторы) между лодкой и причалом. Поначалу это мало помогало, поскольку, во-первых, лодка скребла по бетону не относительно плоским бортом, а углом, образованным бортом и транцем (задней поверхностью корпуса). Под этот угол ну никак нельзя было подложить цилиндрический кранец. Он просто выскакивал, да еще была опасность его порвать этим самым углом. Во-вторых, мешала форма вертикальной стенки набережной. Она была не сплошной, а состоящей из тонких глубоких арок, сродни бублику, большую часть площади которого составляет дырка. Кранец, вместо того чтобы надежно встать в распор между бортом и стенкой, все время норовил провалиться в дырку, предоставив краям бетонной арки обдирать борт. Нельзя сказать, что такая конструкция набережной полная глупость. Сделано это было для того, чтобы волна не била в стенку, а мягко «проваливалась» внутрь. Однако в данной ситуации радости от понимания замысла строителей было мало.

Мы между тем постоянно поглядывали на собственную яхту и вскоре поняли, что и там обстановка становится угрожающей. Немецкая же лодка, все больше и больше подтаскивая якорь, постепенно становилась лагом к причалу, что давало надежду в конце концов зафиксировать ее в таком положении, проложив таки кранцы между бортом и пирсом. Теперь наша помощь здесь не особо была нужна: борт все равно уже ободран, зато настала пора спасать собственное судно.

Яхту неистово трепали порывы усилившегося ветра и поднявшаяся в закрытой акватории невысокая, но злобная волна. Ветер дул точно с носа из дырки, соединяющей бухту с открытым морем. Якорь пока держал, хотя это казалось странным. Купаясь днем, я видел, что

дно здесь по большей части поросло сорной травой, на которой якорь нашего типа по определению держит плохо. В любом случае, надеяться на него было нельзя (хотя очень хотелось). Надо предпринять что-то для уменьшения нагрузки. Что? Ага, мотор! Запустил дизель и включил передний ход на малых оборотах. Тяга винта начала отталкивать нас от причала, кормовые швартовы напряглись. От кормы до бетона около метра. И даже когда лодку швыряет очередная волна, расстояние существенно не сокращается. Хорошо! Что еще? Пока следим за ситуацией.

Кажется, я понял, почему сбежала отсюда лодка под непонятным флагом и встала лагом к букве «Г». Они узнали о штормовом предупреждении! А мы — нет. Раньше в греческих водах два раза в сутки на служебном УКВ-канале «Олимпия Радио» передавала краткосрочный прогноз погоды по всем районам Средиземного моря, но с прошлого года эта практика прекращена. Решили, видимо, что все должны пользоваться интернетом. А у нас его нет на борту, не позаботились! Вот и прозевали! Может быть, и те лодки, что встали на якорях посреди бухты, тоже сделали это, готовясь к шквалу?

Ветер не слабеет, пожалуй, наоборот. Лодка неистово дергает швартовы, по очереди — то левый, то правый. И каждый раз замирает сердце, готовясь услышать хлопок лопнувшей веревки или треск выломанной утки. Однако пока держимся, и даже незаметно, чтобы якорь полз. Тем не менее — ни спокойствия, ни уверенности. Смотрим на вспомогательный причал в двадцати метрах с правого борта. Хочется встать к нему лагом и намертво привязаться, проложив кранцы между ним и бортом. Там нет дурацких арок, стенка сплошная, и можно встать очень надежно безо всякого якоря. Можно, но не в такую погоду. Перестановка сейчас крайне опасна. Только отвяжись от причала — мало не покажется...

Все же отправляю Диму и Гоар в таверну — выяснить, что это за причал и можно ли к нему встать. Де-

лаю это, отчасти чтобы хоть что-то делать, отчасти на всякий случай — вдруг якорь перестанет держать и нас начнет раскорячивать! Тогда хочешь — не хочешь, а перешвартовываться придется. Минут через десять наши разведчики возвращаются и сообщают, что ночью к этому причалу наверняка никто не придет, он используется для небольшого грузового судна, которое привозит всякую всячину в монастырь, магазин и таверну. При желании его можно смело занять. Вот только желание хоть и есть, но нейтрализуется сознанием небезопасности маневра.

Давно уже совсем стемнело, но нас освещают уличные фонари на набережной. Начинаем замечать, что порывы ветра, которые раньше набегали строго с носа, теперь заходят немного справа. Сначала у меня рождается робкая надежда, что это признак ослабления ветра и окончания шквала. Не верится, что так внезапно начавшийся крепкий ветер будет дуть долго. Однако вскоре становится понятно, что ветер, пожалуй, даже немного покрепчал. Лодка теперь на порывах совершает сильные рывки носом влево. Это дополнительная нагрузка на якорь. Беспокойство мое растет.

Тут Диме приходит в голову хорошая идея. Переставляться к причалу не стоит, но можно зацепиться за тумбу на нем длинной веревкой! У нас как раз есть подходящий канат. Он довольно тяжелый на такой длине, но мы справляемся. Дополнительное крепление между носовой уткой правого борта и тумбой на краю причала очень хорошо противостоит боковым порывам ветра. Лодка уже не так сильно дергает якорную цепь, зато нещадно трещит веревка нового крепления. Трещит, но держит.... Пока все. Чувство опасности понуждает к сопротивлению, борьбе, непрерывному действию, но по здравом размышлении делать пока нечего, остается беспокойное ожидание. Вдруг вспомнился анекдот про капитана, который велел боцману развеселить команду перед попаданием в корабль торпеды, и я решил отправить Галю в кают-компанию петь песни под гитару, что

она и делала добросовестно в течение, наверное, часа, пока не исчерпала свой репертуар.

Тем временем, наблюдая за ситуацией, вижу, что лодки, стоявшие на якорях (от них в ночи видны только огни), начинают ползть по акватории как тараканы. Понятно — их якоря не держат. Так что даже если они и выбирали место с учетом грядущего шторма, то ничего не выиграли. По крайней мере, пока наше положение лучше. Однако гораздо более неприятным оказалось другое: большая моторная яхта, стоявшая метрах в двухстах прямо перед нами, начала вдруг заметно приближаться: и ее якорь не держал. Частично освещенная палуба позволяла хорошо видеть, что там происходит, а там не происходило ничего, то есть никакого движения. Экипаж как минимум не понимал, что случилось. «Хорошо, если только так, — подумал я. — А если они там все спят, трезвые или не очень?» — и громко скомандовал:

— Все женщины на берег!

Если этого монстра навалит на нас, мы будем раздавлены как яичная скорлупа.

Собранная тихая Гоар поразила всех своим бесподобно рациональным поведением: к этому моменту она сидела уже одетая, держала на коленях непромокаемый пакет с личными документами и... вышивала.

Надо сказать, что высадка женщин на берег и сама по себе была не самым безопасным делом, хотя твердая земля находилась всего в метре от нас. Как уже говорилось, корма болталась на волне и резко дергала то левый, то правый швартовы. Каждый такой рывок воспринимался как сильный толчок, способный сбить с ног человека, переступающего на берег. Оказаться в воде между болтающимся транцем лодки и бетонным пирсом вблизи от вращающегося и выбрасывающего струю воды винта, на беспорядочной волне — перспектива незавидная. Между тем Светлана с документами и кошельком некоторое время назад уже было перебралась на берег от греха подальше. Правда, торчать на

ветру под открытым небом на набережной тоже оказалось не самым интересным занятием, и довольно скоро она вернулась на борт.

К счастью, высадка не понадобилась. В этот момент мы увидели, что на палубе моторной яхты появились люди. Там заработал двигатель, застучал брашпиль, выбирая якорную цепь, и через пять минут яхта ушла из бухты штормовать в открытое море или искать более спокойное место для стоянки.

Ситуация стабилизировалась, но всем отправиться спать, конечно, было нельзя. С другой стороны, и торчать всей командой в кокпите ночь напролет не имело смысла. Кто мог — должен был отдохнуть. Следовало установить вахту. Договорились, что Дима сидит до двух часов, после чего я его меняю. Потом меня сменит Женя.

Пора было пойти в каюту и лечь, но тут у транца нашей лодки появился немецкий капитан с визитом благодарности. Я перебрался к нему на причал.

— Хотите, мы поможем вам встать как мы? — спросил он, показывая на свою лодку, пристроенную лагом к набережной.

— Спасибо, но мы пока достаточно безопасно стоим, — ответил я. — Переставляться будет опаснее.

— Ну тогда не выключайте двигатель! — предупредил он и подал мне руку на прощанье. Мы обменялись крепким рукопожатием.

Итак, Женя и я пошли спать по своим каютам. Плюхнувшись, не раздеваясь, на ложе, пытаюсь заснуть. Однако это совершенно невозможно, поскольку каждые три-четыре секунды следует резкий толчок — лодка дергает один из швартовов. Минут через десять такой скачки меня посетила мысль про шпринги. Это дополнительные швартовы крест-накрест: с левой задней утки направо на берег, а с правой соответственно налево. В результате лодка должна утратить одну из двух степеней свободы. Если сейчас она имела возможность болтаться вперед-назад и влево-вправо, то со

шпрингами — только вперед-назад. Я выбрался наружу, и мы с Димой задали шпринги, употребив для этого найденную в рундуке потрепанную веревку.

Снова попытался заснуть. Дерганье стало значительно менее свирепым, вполне можно было бы спать, даже несмотря на гудение дизеля за тонкой фанерной переборкой, если бы не общее взбудораженное состояние. Максимум, что получалось вместо сна, — это какая-то мучительная полудрема. Прошло некоторое время, и из этого состояния меня вывел раздавшийся снаружи громкий хлопок. Я вылетел из каюты как пробка и на трапе у главного люка столкнулся с Женей, который сделал тоже самое. Оказалось — лопнул один из шпрингов. Веревка уже была драной и не выдержала. Опасности нет, да и восстановить шпринг — дело нехитрое. После ремонта снова отправился спать и поднялся теперь уже в два часа по сигналу будильника.

В кокпите меня встретил сонный, но спокойно улыбающийся Дима. Похоже, за пять часов наша корма ни на сантиметр не приблизилась к бетонной стенке. Якорь держал! Ветер стал ослабевать. Порывы с заходами справа прекратились. Сменив Диму, я оценил обстановку и заглушил дизель. Он молотил пять часов кряду. Через час ветер стал совсем умеренным и не представлял более никакой опасности. Можно было отправляться спать с легким сердцем, что я и сделал...

В семь часов утра — перед отходом — Женя успел сбегать оценить повреждения, полученные немецкой яхтой. Они произвели на него впечатление: корма и борт были сильно ободраны. Мы запустили мотор, отдали швартовы и начали поднимать якорь. Он сначала вообще не хотел подниматься, потом, после значительных усилий с нашей стороны, все-таки вышел и притащил с собой на поверхность солидные клочья хорошей, тяжелой глины.

Скажите мне после этого, что Судьба не хранила нас! На песчаном, поросшем травой дне, на котором не удержался ни один из якорей соседних лодок, мы чисто

случайно угодили на глинистое место! Чем-то мы приглянулись архангелу Михаилу, не иначе! Если случится быть там в следующий раз, то явиться без подарка будет неудобно...

Порча

День на работе начинался как обычно. Помятый в транспорте народ собирался в офисе...

Кстати, вы обращали внимание, что в 19 веке у нас сказали бы «в конторе», а в начале 20-го, пожалуй, «в бюро». Сначала русские позаимствовали слово из немецкого (не иначе Петр постарался!), потом решили, что французский эквивалент благозвучнее, и наконец почему-то перешли на английский. Патриоты! Где вы?..

Ну так вот. Я тоже был помят в транспорте, не выспался и промочил ноги в огромной луже у самого подъезда. Настроение имел соответствующее, и все помыслы мои были устремлены к кофейному автомату, расположенному в коридоре... Когда возделенный напиток наполнил пластиковый стаканчик и его тепло ощутила рука, предчувствие блаженства лишило меня дара восприятия окружающей действительности. Даже возбуждающие воображение формы проплывшей мимо Зинки не могли отвлечь от первого глотка. Темная обжигающая жидкость проливалась в желудок, оставляя во рту терпкий вкус жженных зерен, идентичный натуральному, всасывалась в кровь и понемногу начинала достигать мозгов. Там она вступала в какие-то химические реакции в безнадежно сером нейронном веществе, которое постепенно пробуждалось. Между тем Зинка проплыла в обратном направлении и на этот раз уже вызвала в недрах моего организма легкий гормональный всплеск и мысль: «Надо будет с ней побеседовать на тему о взаимном влечении полов».

Я глубоко вздохнул, допил кофе и пошел на рабочее место включать компьютер. По экрану пробежали

строчки рапорта загрузки, после чего аппарат начал цинично мотать мне нервы, неспешно демонстрируя всяческие дурацкие надписи, сменяющие одна другую, типа «Пожалуйста, подождите» или «Загрузка личных параметров». При этом он трещал жестким диском, как ужаленный кузнечик. В конце концов компьютер успокоился и я начал свою ежедневную трудовую деятельность с просмотра почты. Письмо было только одно, и это радовало. Если в начале рабочего дня я вижу у себя больше трех писем, то настроение сразу портится, а если их больше пяти, то начинается депрессия...

Полученное сообщение было написано неизвестным мне менеджером из штаб-квартиры нашей фирмы в Чикаго. Само по себе это настораживало. Настроение поехало вниз... Правда, письмо было циркулярным, т. е. адресованным сразу нескольким людям, в том числе и нашему старшему менеджеру, который и переправил его мне. Содержание же письма озадачило. Вот что там было написано: «Уважаемые коллеги! Проведенный нами анализ показал, что до 90% случаев выхода из строя лабораторного оборудования связано со сглазом и порчей (далее СП). В связи с этим и в соответствии со стандартом качества ХУ200300 Международного Института по Качеству Контроля за Качеством в нашей фирме будет реализовываться программа мероприятий по защите от сглаза и порчи. В рамках этой программы в каждом подразделении должен быть назначен менеджер по защите от сглаза и порчи (МЗСП), который будет проводить соответствующие мероприятия и вести сопутствующую документацию».

Тут я понял, что попал...

Внизу была приписка от моего старшего менеджера: «Сергей! Зайди поговорить!»

Настроение рухнуло в бездну... Я поплелся к начальнику, который сообщил то, о чем и так нетрудно было догадаться: помимо основных на меня возлагаются и еще свежепридуманные обязанности менеджера по ЗСП нашего подразделения.

— Не расстраивайся! — он дружески похлопал меня по плечу с тайной радостью человека, удачно переложившего на ближнего груз внезапно свалившихся сверху обязанностей. — Для начала пройдешь веб-тренинг, а потом уже приступишь.

На учебном сайте корпоративной сети я легко нашел соответствующий веб-курс. Бодрый голос диктора, проиллюстрированный яркими картинками для дебилов, в течение двух часов втолковывал мне базовые правила защиты от СП (ЗСП). Оказалось, что каждая лабораторная установка должна быть подвергнута процедуре изгнания нечистой силы не реже чем два раза в год. Кроме того, каждый раз перед началом работы необходимо сбрызнуть оборудование святой водой и прочесть специальную молитву. Следовательно, лаборатории надлежало оборудовать пульверизаторами со святой водой и иконами. Не реже чем дважды в год особой процедуре изгнания нечистого и снятия дурного глаза должны быть подвергнуты и сотрудники, допущенные к работе с оборудованием. Все эти мероприятия в соответствии со стандартом качества ХУ200300 должны проверяться ежегодно путем внешнего аудита. Прислушав курс, я тут же в режиме онлайн успешно сдал экзамен, ответив на вопросы типа: «Какую жидкость надлежит заливать в пульверизатор? (Варианты ответа: пиво, кока-колу, святую воду)» или «Какое изображение должно быть установлено в лаборатории? (Варианты ответа: фото обнаженной Мэрилин Монро, портрет президента США, освященная икона)».

На следующий день по электронной почте пришло подтверждение, что я сертифицирован по процедурам ЗСП и могу, таким образом, приступить к исполнению своих обязанностей. Вместе с сертификатом пришла инструкция на трехстах страницах, в которой было написано, что и как надо делать, причем было указано, что этот документ применим только в России.

Для начала я заказал в отделе снабжения освященные иконы. Там мне объяснили, что по корпоративным

правилам приобретение материалов и оборудования у сторонних поставщиков требует проведения тендера. Я довольно долго не понимал, что такое тендер. С детства я знал, что тендер бывает у паровоза. Я даже видел паровоз с тендером. Он стоял на вечной стоянке у вокзала недалеко от нашего дома. То, что было у него сзади, и называлось тендером. Однако какое отношение тендер имеет к процедуре закупки материалов? Оказывается, никакого! Просто вместо «конкурс» стали почему-то говорить «тендер».

— Ну, тендер, так тендер! — сказал я.

— Тендер-то тендер, но это потребует дополнительного времени, — ввел меня в курс дела заместитель начальника отдела снабжения.

— Ну что поделаешь! — вздохнул я с тайной радостью, надеясь, что на время тендера могу забыть про ЗСП.

Я и забыл. На пару недель. По прошествии которых в один не прекрасный день в наш офис ворвался здоровенный поп в рясе и с бородой по пояс.

— Прокляну! — завопил он громовым голосом, тыча пальцем в меня.

— За что? — опешил я.

— Говори, диавол, какой откат дал тебе этот охальник-расстрига? — кричал батюшка.

— Да вы про что?! — взвыл я

— А про то! Почему иконы не у меня покупаешь, а в церкви Иоанна Предтечи?

— Да я не покупаю!

— Врешь, грешник! Прокляну! Лишу причастия, нечистый!

— Батюшка! — возопил я, дрожа. — У меня нет права что-либо купить! Этим занимается отдел снабжения!

— Отдел снабжения, говоришь? — поп несколько растерялся, но ненадолго. — Где у вас отдел снабжения?

Получив ответ, он исчез, а я понял, что неприятности продолжаются...

Не знаю, что там у них происходило, но месяц спустя я получил требуемые иконы, 200 литров святой воды, пульверизаторы и текст молитвы. Все это надлежало распределить между лабораториями, чем и пришлось заняться.

В первых двух все прошло относительно гладко. Руководители с кислой миной, но безропотно расписались в ведомостях получения материалов и поклялись на Библии свято исполнять правила ЗСП. В третьей лаборатории случился казус. Ее заведующий Изя Кацмангейзер, взглянув на принесенные мной вещи, гнусно осклабился и заявил: «Таки чтобы я, правоверный еврей, портил дорогостоящее оборудование вашими гойскими штучками? Вы извиняйте, но, как говорили у нас в одесской синагоге, такого пошлого домогательства не знала даже тетя Соня с Молдаванки!»

Пришлось срочно ретироваться. Вспомнив попутно, что следующей лабораторией командует Рашид Гайнутдинов, я прервал процесс раздачи средств защиты и побежал писать докладную начальству. Начальство задумалось. Во всяком случае, мною было получено уведомление, что вопрос решается, после чего наступила тишина, затянувшаяся на две недели...

По истечении этого срока я на всякий случай робко попросил уточнить, в каком состоянии находится процесс решения вопроса. Мне было милостиво сообщено, что решение проблемы передано в штаб-квартиру фирмы в Чикаго. Спустя еще месяц пришло пространное письмо, в котором сообщалось, что, во-первых, первоначальные инструкции, выработанные штаб-квартирой, были неверны. Во-вторых, причина ошибки заключалась в неверной информации, почерпнутой из вечерней газеты, о моноконфессиональном характере России и ее принадлежности христианской ортодоксии. В-третьих, в целях коррекции ситуации рекомендуется использовать на паритетных началах священные реликвии других религий и конфессий, распространенных в России.

Пришлось задуматься. Итак, требовалось как минимум заказать священные реликвии иудаизма и ислама... Однако, может быть, это еще не все?

Я сочинил программу работ, в которой предложил начальству начать с опроса контингента с целью составления реестра религиозной принадлежности персонала. Месяц проблема обсуждалась в верхах, после чего было получено добро.

Тут по ходу дела быстро выяснилось, что, помимо прочего, у нас есть три старообрядца, два баптиста, один протестант, один католик, один шаманист и один язычник-солнцепоклонник. Задача осложнялась и разбухала на глазах. Я засел на две недели за составление плана работы, с которым затем отправился к своему старшему менеджеру. По пути встретил Зинку. Рассматривая ее формы, вспомнил, что давно хотел с ней поговорить, только о чем? Не помню... На всякий случай спросил:

— Зина! Ты какую религию исповедуешь?

— Я свидетель Иеговы.

«Ой, блин! — подумал я. — Еще и это...»

— Да-а, — задумчиво протянул старший менеджер, ознакомившись с первыми двадцатью страницами моей писанины, — дело серьезное! Будем решать.

Прошел еще месяц, прежде чем он снова вызвал меня к себе и поздравил с назначением на вновь созданную должность освобожденного руководителя группы по защите от сглаза и порчи (РГЗСП). Теперь я больше ему не подчинялся. Новый шеф мой сидел в Чикаго и был заместителем генерального директора по ЗСП. Вскоре я получил от него инструкции. Надлежало создать группу по ЗСП, в которой должен быть отдельный менеджер по каждой из практикуемых религий или конфессий.

Я занялся подбором персонала. Не прошло и трех месяцев, как дело было сделано, и вновь принятые на работу сотрудники приступили к работе. А работа серьезная, ведь каждому из них, предстояло выработать

процедуры по ЗСП в рамках канона и практики религиозного направления, за которое он был ответственен. С православием и католичеством все было просто. Соответствующие процедуры, предложенные изначально для православия, с минимальными изменениями годились и для католичества. Немного другие иконы, скорректированные молитвы и вода, освященная в другом храме, — все дела. Аналогичная ситуация была и со старообрядцами. С протестантами и баптистами дело было сложнее, поскольку у них нет икон. С мусульманами и того хуже — у них и святой воды нет...

Посоветовавшись с подчиненными, я решил, что без помощи консультантов не обойтись, и, написав соответствующую докладную шефу, стал ждать финансирования.

Между тем прошел уже год с того момента, как я оказался вовлеченным в кампанию по ЗСП. Итоги его оказались более чем удовлетворительными. То, что поначалу представлялось кошмаром, обернулось довольно приятной стороной. Кем я был до того? Простым инженером, погрязшим в битках и байтах, ловцом бесконечных багов. Теперь же я менеджер. В девятнадцатом веке это называлось бы «приказчик», в двадцатом «заведующий», а сейчас коротко, ясно и по-русски — «менеджер»! Раньше надо было убиваться ради программ и железок, которые — кровь из носу — должны были заработать. Пока они не работают, я ничего не заработал. А сейчас — пиши себе отчеты, доклады, запросы, давай указания подчиненным! Чем больше написал и надавал, тем более тебе респекта от начальства! Такой оборот событий мне был по душе.

Спустя некоторое время пришло финансирование и были заключены договоры с консультантами — муллой, шаманом и др.

Вскоре менеджер по исламу докладывал мне предложения по процедуре ЗСП.

— Мулла, — говорил он, — рекомендовал типовые практики ислама. Во-первых — омовение, как перед намазом.

— То есть оборудование надо омыть водой? — уточнил я. — Что ж, это хорошо, поскольку похоже на обрызгивание святой водой в христианском варианте. Тут мы достигаем высокого уровня унификации процедур.

Я сделал себе пометку для доклада начальству.

— Затем, — продолжал мой сотрудник, — рекомендуется совершить побивание шайтана камнями...

— Камнями? — я засомневался. — А где шайтан?

— Ну как «где»! — фыркнул собеседник. — В оборудовании, конечно!

— То есть камнями будем побивать оборудование?

— Нет, шайтана.

— Но он же в оборудовании!

— Ну да...

— Хорошо. Значит, надо заказать камней. Пишите заявку в отдел снабжения!

Докладывавший следом менеджер по иудаизму меня несколько озадачил.

— Рабби считает, — говорил он, — что оборудование для сглазоустойчивости должно быть кошерным.

— А что это значит? — поинтересовался я.

— Вот! — он представил длиннючий список условий, составленный согласно Талмуду.

Я углубился в чтение.

— А вот это как? — передо мной был пункт, предписывающий десятую часть отдавать в пользу Храма.

— Ну, надо отделить десятую часть и отдать... — пробормотал он неуверенно.

— Отпилить болгаркой, что ли?

Менеджер пожал плечами и на минуту задумался.

— Есть мысль! — сказал он затем. — Это же все равно по правилам надо делать под присмотром раввина. Там в списке есть пункт такой. Заклучим договор с раввином, пусть они пришлют нам своего постоянного представителя. Ему и разбираться.

На том и порешили. Потом была беседа с менеджером по шаманизму. Выяснилось, что и шаман должен быть штатным и сертифицированным. Только такой

имеет право плясать вокруг оборудования, бить в бубен и заклинать духов. Процедура эта и так практиковалась нашими инженерами, но, правда, неофициально...

По результатам этого совещания был составлен доклад для шефа в Чикаго. Через некоторое время пришел ответ. Процедуры были одобрены. Предписано начать их выполнение.

Дело пошло, но вскоре возникли некоторые осложнения рабочего порядка.

Сначала позвонил шеф одной из «христианских» лабораторий:

— Из-за твоих idiotских процедур запороты важные тесты! — заорал он в трубку. — Две недели испытаний коту под хвост! У нас допустимый разброс влажности одна десятая процента, а твой кретин (это мой менеджер, значит) набрызгал воды! Рабочий график сорван!

— Ну, во-первых, не надо повышать на меня голос, — парировал я с чувством собственного достоинства и добавил, дабы расставить точки над «i»: — Я не твой подчиненный и выполняю процедуры, установленные как обязательные решением директора фирмы. И ты тоже обязан их выполнять!

В ответ раздался гневный нечленораздельный возглас и короткие гудки. «Так, — подумал я, — сейчас он покатит на меня бочку. Что делать? Вины за мной никакой нет, строго выполнялись все указания начальства, но чтобы потом не оказаться в положении оправдывающегося, надо принять контрмеры». И я написал докладную своему шефу о том, что заведующий такой-то лабораторией имярек препятствует проведению мероприятий по ЗСП, чем нарушает... и т. д., и т. п.

Затем вдруг позвонил Изя Кацмангейзер.

— Слушай, кого таки ты мне прислал? — заговорил он. — Я желаю тебе, чтобы ты был здоров, как и все твои родственники до пятого колена, но такой бандитской рожи я не видел даже у нас в Одессе на Малой Арнаутской! Даром что с пейсами!

— Ты про кого?

— Про этого — в кипе, лапсердаке и с пейсами, да еще с такой ужасной мордой, который роется в нашем дорогостоящем оборудовании...

— Это представитель раввината?

— Я тебя умоляю! Если там все такие, в раввинате, то я сегодня на ужин съем свиной окорок!

— Говори толком, чем он тебе не нравится?

— Как может мне нравиться субъект, который пытается унести десятую часть нашего дорогостоящего оборудования, да еще выбирает те его части, которые содержат ноу-хау и коммерческую тайну? Скажи мне честно, глядя прямо в глаза, наш основной конкурент на рынке теперь называется «раввинат»? Таки нет? А за чем ему наши ноу-хау?.. Пусть я буду последним гоем, если в Талмуде что-то написано про ноу-хау!

Это было неприятно. Кажется, конкуренты вместо раввина нам подсунули шпиона... Ну, с этим пусть разбирается служба безопасности. Моя группа тут ни при чем.

Дальше появился Рашид Гайнутдинов. Этот пытался ворваться ко мне в кабинет. У меня теперь отдельный кабинет. Раньше я сидел как все в оупен-спейсе. В приемной раздался какой-то грохот и визг моей секретарши. Теперь у меня есть секретарша — положена по статусу. Оказалось, это Гайнутдинов кидал камни. Он собирался кидать их в меня, но секретарша бесстрашно встала у него на пути и камни полетели в закрытую дверь.

— Подонки! — кричал он. — Два года работы! Прецизионный стенд — камнями! Убью урода!

Это он про меня. Ладно, Рашидик, разберемся! Препятствовать выполнению обязательных процедур? Не выполнять общие обязательные правила? За это придется ответить. Осталось вызвать охрану и вывести хулигана.

С лабораторией, практикующей шаманизм, тоже вышло не совсем гладко. Шаман приступил к камланию за закрытыми дверями и не выходил оттуда трое

суток. Когда дверь наконец решили взломать, то открылась следующая картина. Посередине лаборатории горел костер, вокруг которого продолжал скакать неумолимый шаман с бубном, а сотрудники пребывали в трансе, валяясь на полу. В воздухе стоял крепкий дух анаши...

Ну, что же! Большого дела не бывает без больших трудностей! Понемногу все привыкли и стали регулярно присылать отчеты о выполнении процедур по ЗСП, а высокое начальство тем временем разбиралось с возникшими трудностями, изложенными в моем докладе. И разобралось...

Выводы и предложения были сделаны в отчетном докладе технического директора на заседании директора, посвященном итогам очередного года.

— Что касается мероприятий по ЗСП, — вдохновенно вещал технический директор, — то при всех трудностях мы должны отметить большой объем проделанной работы. Создана выделенная структура во главе с заместителем генерального директора, включающая в себя региональные группы. Укомплектован штат менеджеров, заключены договора с консультантами, закуплены материалы, обучен персонал, оборудованы лаборатории. Не все, конечно, еще идеально. Есть недостатки. Так, одна лаборатория сорвала рабочий график из-за ненадлежащего исполнения процедур по ЗСП, в другой поврежден дорогостоящий стенд в результате злого саботажа мероприятий по ЗСП со стороны заведующего лабораторией Гайнутдинова, которого мы вынуждены были уволить...

Так тебе и надо, Рашид! Не выпендривайся!

— Отмечена также, — продолжал оратор, — попытка технического шпионажа через структуры ЗСП. Это требует усиления работы по контролю над персоналом.

Вот ведь, блин, Кацмангейзер! У этого как всегда вокруг все в дерьме, а он в белом фраке!

— С учетом всего вышесказанного, — заканчивал свою речь выступающий, — директорат принял реше-

ние вывести структуру ЗСП в аутсорсинг, создав с этой целью отдельную компанию, которой передается весь штат, материальные ресурсы и функции нашей внутренней структуры ЗСП. Мы считаем, что в рамках независимой компании будет легче решить многочисленные проблемы, стоящие перед нами в этой области...

Теперь я директор российского отделения ООО «Духоборец». У меня симпатичный офис в старинном особняке в районе Якиманки, штат сотрудников из ста пятидесяти человек в центральном офисе и еще пятисот — в филиалах по всей России, отдел кадров, отдел внутренней безопасности, ну и прочее. Вот только «мерседес» старый — уже три года ему... По договору с компанией, в которой я работал раньше, мы выполняем для них все процедуры по ЗСП, за что и получаем соответствующую плату. Думаю, в следующем году увеличить сумму договора процентов на пятнадцать. Надо же решить проблему с «мерседесом»... А куда они денутся? Без нашего обслуживания не видать им сертификата по стандарту ХУ200300, который нужно обновлять каждый год.

Да! И Зинку хочу взять к себе в штат — офис-менеджером. Я вспомнил, о чем хотел с ней поговорить...

Анна Народицкая

Я родилась в семье художников и жизнь вокруг воспринимаю через призму прекрасного.

В свое время окончила Московское государственное академическое училище памяти 1905 года. По образованию график, всегда занималась прикладным дизайном. Люблю возиться с мелочами и придумывать необычное. И, несмотря на то что вот уже 31 год преподаю фитнес (а последние 12 лет йогу и восточные танцы), всегда нахожу время и возможность создать какую-нибудь красивую вещицу.

Писала стихи всю жизнь. На прозу замахнулась в 2009 году, тогда же стала членом Моссалита.

В 2010 вышла моя первая книжка «Волшебный калейдоскоп». В том же году стала членом Международного союза писателей «Новый современник».

С 2010 года являюсь руководителем литературно-просветительского проекта для детей «Детская площадка». В 2014 посчастливилось стать руководителем литературно-издательского проекта «Поверь в сказку».

Тружусь в качестве члена редколлегии литературно-просветительского сетевого журнала «Московский BAZAR» и веду в нем свою рубрику «Столик у окна».

Печаталась в 5 сборниках проекта «Московский Дом».

Области неведомого в нашем подсознании всегда привлекают и завораживают. Я, так же как и многие мои коллеги, всю жизнь пытаюсь определить грань между видимым и невидимым, почувствовать, где настоящая реальность — тут или там, за гранью? С помощью литературных фантазий пытаюсь приблизиться к разгадке этого захватывающего вопроса.

СКАЗОЧНАЯ ПОВЕСТЬ

Вдыхая ветер

(фрагменты)

Глава первая.

О том, как вредно обижаться

(фрагмент)

...Гости безобразно опаздывали, сразу все. Я уговаривала себя не злиться и продолжала ждать. Когда опоздание всех приглашенных растянулось до неприличия, начали поступать звонки. Оказалось, Юлька только что рассталась с приятелем и теперь сидела в слезах и соплях. Депрессируя по полной программе, она жалобно прорыдала в трубку: «Прости, но я не в силах сейчас что-либо праздновать. Ты женщина, ты поймешь». Я понимала, но тем не менее было обидно. Потом позвонили Димка с Танюшкой, у них тоже образовался форс-мажор: бабушка не смогла остаться с малышом, и теперь супруги возьтятся со своим восьмимесячным Мишкой. Следующий звонок был от Пашки и Алешки. Еще вчера улетевшие в Питер друзья и коллеги по работе рассчитывали вернуться с утра, но их рейс задержали. Так что — как только, так сразу, пообещали они. Ну а окончательно добил меня звонок моей лучшей подруги Лельки. Она умоляла не обижаться, так как внезапно загрипповала с высокой температурой.

Пообещав не обижаться, я пожелала выздоровления и, чмокнув в микрофон, повесила трубку. Но, оставшись наедине со своей вежливостью, я все-таки решила обидеться. Причем на всех сразу, в чем и преуспела. «Буду праздновать одна!» — гордо сказала я себе и, усевшись за стол, задумала страшное — СЪЕСТЬ ВСЁ! Это было равноценно самоубийству! Ведь я всегда (или почти всегда) старалась честно соблюдать закон «не есть после шести», а тут такое застолье — на ночь глядя, да еще и в одиночку! Но чего только не сделаешь по глупости!

Минут через тридцать чудовищного издевательства над собой в меня уже ничего не влезало. Набив свой несчастный желудок всем понемногу и залив весь этот кошмар изрядной порцией мартини, я окончательно перестала ощущать вкус еды, но тем не менее с ослиным упорством продолжала запихивать в себя продукты. Когда кусок вишневого пирога скрылся в моем переполненном животе, я заподозрила, что праздничная юбка сейчас треснет. Мне было плохо — и морально, и физически, а по щекам текли слезные ручьи. Еще через десять минут пришла твердая уверенность в том, что я самая несчастная и одинокая на свете тридцатилетняя женщина. Как говорится, ни котенка, ни ребенка! Семью не завела, и место принца на белом коне до сих пор вакантно, только соискатели что-то не спешат. От этих выводов мне стало еще хуже и до такой степени жалко себя любимую, что я заревела в голос. Но через минуту обида сменилась праведным гневом. Ну конечно! Ведь во всем виноваты друзья, так подло оставившие меня одну в день моего тридцатилетия!

Найдя виновников ситуации, я успокоилась, и слезы мгновенно высохли. «Ах так! Ну и ладно! Не очень-то и хотелось! — звучало в моей голове. — Вот я сейчас еще и коньяк открою! Да! И выпью! А вам всем фигушки! И еще неизвестно, кто и что потерял!» Мельком взглянув в зеркало, я утерла слезы, поправила волосы и глотнула папиного коньяка. Потом положила на большую тарелку разных фруктов и сыра и, зажав под мышкой бутылку, уползла в гостиную к телевизору.

Уютно устроившись в кресле, я смаковала коллекционный коньяк и целкала пультом. Вскоре все это ужасно наскучило. Выключив телевизор, я поставила диск Цезарии Эворы и насладилась музыкой. Коньяк приятно разогревал горло, наполняя дыхание ароматами фуктового сада, ванили и карамели. Спать совершенно не хотелось, а переполненный желудок начал мстить неприятными болезненными ощущениями, и я

поняла, что сидеть больше нельзя, необходимо двигаться. Музыка звучит, значит, надо танцевать!

«Ничего, — подумалось мне, — одна ела, одна пила, одна и танцевать смогу».

С трудом вывалившись из мягкого нутра кресла, я начала хаотично болтаться по комнате. После некоторого количества энергичных движений всеми частями организма мой желудок утрясся, и дурное перемещение в пространстве стало действительно похоже на танец. Так я дотанцевала до большого зеркала, где и зависла, любуясь собственной неотразимостью.

— Нет, ты подумай, какое свинство! — возмутилась я, обращаясь к самой себе и размахивая руками в такт музыке. — И ведь все это в день моей круглой даты! Друзья, называется, не друзья, а бруты какие-то! Если это и есть чудеса, которые мне обещали родители, тогда я никакая не Алиса, то есть Алиса, но не та, другая. То есть не другая, а первая, но не Алиса тогда уже...

Я несла откровенную чушь, мартини, коньяк и сильный стресс сделали свое дело. Продолжая безумный монолог, я не отрываясь смотрела на себя, как вдруг МОЕ ОТРАЖЕНИЕ ПОКАЗАЛО МНЕ ЯЗЫК! От неожиданности я громко икнула и, прекратив танцевать, вытаращилась на зеркало. Я была уверена, что не показывала себе язык, но отражение точно это сделало.

— Все, допилась, допраздновалась, — встряхнула я головой, — не хватало еще галлюцииннн... ох, в общем, низзя так! — погрозила я себе пальцем.

И едва только я собралась отвернуться и пойти немного поспать в уютном кресле, как мой зеркальный двойник мне подмигнул. Это было так отчетливо, что я застыла как вкопанная и даже немного испугалась. Протрезвев за секунду, я начала лихорадочно соображать. Может, это полтергейст? Или четвертое измерение? Или какие там еще есть варианты?

— Ой! — пришла запоздалая реакция.

— Пить надо меньше, — поправив волосы, сказала отражение, — и не вздумай падать в обморок, не прокатит.

— Ты чего грубишь? — искренне возмутилась я. — Ты кто вообще?

И я протянула руку к зеркалу. Стекло было в полном порядке, только отражение мое вело себя совершенно нереально.

— Я — это ты, но это не однозначно. Смотри с какой стороны взглянуть, возможно, ты — это я...

Вторая Алиса, закатив глаза к потолку и изобразив глубокое раздумье, ударилась в длинные философские рассуждения. Было понятно, что я столкнулась с чем-то совершенно невозможным, но оно, это невозможное, стояло напротив и разговаривало со мной. В этот момент я услышала окончание фразы: «...реальность относительна в зависимости от времени и места происходящих событий...»

— Подожди! — перебила я собеседницу. — Так ты реальна?

По поверхности зеркала пробежала едва заметная волна, оно на секунду помутнело и снова стало таким, как было.

— Конечно, я реальна! Это твой мир иллюзорен, вот, смотри сама.

И «Алиса номер два» постучала по стеклу со своей стороны. Я тоже протянула руку, но постучать не получилось: пальцы провалились сквозь зеркало.

— Видишь? — ехидно улыбнулась моя копия. — Так кто из нас реален?

— Да ну! Это бред какой-то, я наверняка сплю.

И я сильно ущипнула себя за бок. Получилось очень чувствительно. Растирая больное место, я осознала, что это не сон, и, решив отстоять свою реальность, протянула руку в попытке еще раз постучать по зеркалу. Пальцы снова беззвучно провалились в пустоту. Не успела я отдернуть руку, как мое отражение схватило меня за запястье и, рванув с неженской силой, втянуло внутрь стекла. Так я оказалась в зазеркалье.

Глава вторая. Льюис Кэрролл и другие (фрагмент)

...Когда пришло осознание того, что я оказалась «по ту сторону», наступил шок. Спустя пару минут ступор прошел и я решила осмотреться. Сначала мне показалось, что всюду вода, но вскоре стало понятно, откуда возникло такое ощущение. Вокруг: и наверху, и внизу, — везде были зеркала. Зеркала в зеркалах! Все кругом двигалось. Отражения, смешиваясь, перетекали одно в другое, их поверхности плавали, искажаясь каждую секунду. Формы зеркал тоже не были постоянными — квадратные становились круглыми, потом вытягивались в длину и завязывались в причудливый узел. Это удивляло и завораживало одновременно. Пытаясь понять, что делать и как реагировать на все это, я успокоилась и, сосредоточившись, заметила еще одно зеркало. Оно отличалось от остальных и было объемным, похожим на плавающий в глицерине большой ртутный шар. Его очертания тоже немного менялись, слегка сплющиваясь и вытягиваясь. Я захотела подойти поближе, желая рассмотреть странный предмет. Внезапно эта аморфная зеркальная масса вытянулась и резко бросилась мне навстречу. Остановившись совсем рядом, «нечто» стало в очередной раз менять форму. Теперь оно было похоже на стеклянного человека, в котором я узнала «Алису номер два».

— Ты! Что ты со мной сделала? Где я? — набросилась я на нее.

Зеркальная Алиса сжалась, стекла вниз и снова во что-то сформировалась. Теперь это была дверь, зеркальная, разумеется. Дверь обиженно молчала. Я попробовала постучать, у меня не получилось: зеркальная поверхность была мягкой. Дверь захихикала и, похоже, простила меня, потому что вполне дружелюбно ответила:

— Во-первых, не кричи. Во-вторых, ты там же, где и была, если была, конечно. Присмотрись...

Я присмотрелась. Ну разумеется, я была у себя дома. Все причудливые зеркала исчезли, вот только в квартире все наоборот, в зеркальном отражении. Естественно, я же попала в зазеркалье. Вот уж абсолютная АЛИСА! Неожиданно мой рот открылся и странным голосом произнес: «Не скажете ли вы, пожалуйста, каким путем пойти, чтобы выйти отсюда?» — «Это в известной степени зависит от того, куда ты хочешь попасть», — ответила дверь. — «Если честно, мне это не так важно», — сказала я. — «Тогда и неважно, куда идти, верно?..»

— Ой, у меня дежавю, — придя в себя, пожаловалась я двери, — это же слово в слово диалог Алисы и Чеширского Кота, из кэрролловской книжки. Почему это мы говорим чужими диалогами? Это плагиат, между прочим! — проснулся во мне честный филолог.

— И ни-и-как-о-ой э-э-то не плаги-а-ат, — очень медленно проговорила дверь, — твоё отраже-е-ние отражает твои мы-ы-сли, твои мы-ы-сли вызыва-а-ют воспомина-а-ния. АЯИХВОСПРОИЗВОЖУ! — вдруг быстро и скомкано закончила цепочку рассуждений дверь.

— Какая же ты странная... и нудная, — тихо и невежливо пробубнила я.

— Я абсолютно не нудная, — совсем не обиделась дверь, — а что странная... ну да, я странная. А разве ты не странная? И хотя ты не очень-то любезна, я тебя прощаю! — великодушно ошастливила меня собеседница. Она расплылась и, снова собравшись, стала похожа на лектора в очках. Лектор поправил прозрачные очки на зеркальном носу и гнусаво спросил:

— Так ты хочешь узнать, где ты?

— Нет, зачем? Я ведь каждый день гуляю в зазеркалье и обратно! — съехидничала я. — Что ты дурацкие вопросы задаешь? Втянул меня сюда, не спрашивая разрешения, а теперь еще издеваешься! Ты еще викторину мне здесь устрой!

— Не ёрничай! — угрожающе нахмурившись, прикрикнул на меня лектор, снова преобразовавшись в дверь.

Я окончательно разозлилась. Что же это такое происходит? Мало того что я ничегошеньки не понимаю, так еще и ДВЕРЬ НА МЕНЯ КРИЧИТ! Наверное, все мои эмоции были хорошо видны на лице или дверь просто умела читать мысли. Видимо, решив меня успокоить, она молча растеклась в зеркальную лужу и, снова приняв форму, стала похожа на огромную книгу. Книга открылась, и по зеркальной поверхности страницы побежали строки: «Ты получила невероятную и счастливую возможность попасть сюда. Это место существует все времена и задолго до них и одновременно не существует вовсе, как не существует то, чего не может быть. Концентрация твоих мыслеформ трансформируется и преломляется, несмотря...»

— Стоп! — я топнула ногой и сама удивилась своему неожиданному жесту, совершенно прежде мне несвойственному. — Хватит с меня всех этих умнящих разглагольствований! Ты можешь нормально, по-человечески объяснить, что это за место и зачем я тут?

— Могу! — обиделась наконец книга и снова изменилась. Теперь я увидела большое зеркало в красивой массивной раме и подумала, что, вероятно, это самое правдивое воплощение моего... моей... в общем, той странной сущности, с которой я общалась.

— Ну, это тебе что-нибудь напоминает? Теперь до тебя доходит? — гордым и срывающимся от обиды голосом проговорило зеркало, пуская волны по поверхности.

— Немного, — согласилась я, — похоже на наш разговор у меня дома, до того как меня сюда втянуло. И что?

— И то! — парировало мое отражение в зеркале. — Это же твой мир, твоя вселенная, которой вроде бы и не существует вовсе. Но она живет в тебе.

— Как-то опять заумно получается. Так все же — есть или нет? — не поняла я.

— А Чеширский Кот есть? А Синяя Гусеница? Шалтай-Болтай? Они есть, но их и нет, все живут в твоей голове и в твоей памяти.

Зеркало говорило спокойно и терпеливо, словно объясняло глупому ребенку, почему нельзя есть гуталин.

— Значит, это все не реально? Только мои фантазии?

Я упорно отказывалась понимать суть происходящего, цепляясь за надежду, что все происходит не взаправду. Мне хотелось вернуться в свое просторное кресло и, свернувшись калачиком, подремать, чтобы забыть весь этот бред. Потянуло поплакать, в горле появился комок. Зеркало снова прочитало мои мысли, потому что ласковым голосом произнесло:

— Алиса, все взаправду. Но ты не грусти, лучше вспомни: что происходит, когда в доме делают генеральную уборку? Правильно! Все оказывается на своих местах и находится то, что было давно потеряно. То же самое происходит в твоей голове: там все кувырком, и просто нельзя найти «Зеркало выхода», его завалило. Воспоминаниями о событиях и поступках, о которых ты сожалеешь. Обидами и вопросами, на которые ты не нашла ответов. Тоской о прошлом, когда ты была счастлива, чувством вины и недовольством собой. Там такая чехарда, что требуется очень серьезная уборка. И пока не разберется этот завал, ты не сможешь вернуться домой. Зато ты узнаешь ответы на многие вопросы и постигнешь смысл тайны зазеркалья. Кроме того, нам предстоят удивительные приключения, полные неповторимых впечатлений! И обещаю тебе, я буду всегда рядом, словно гид, или проводник, или экскурсовод, называй как хочешь. А сейчас нам уже пора сделать первый шаг. Так что не плачь, лучше соберись, и пойдём.

— Куда? — жалостным голосом пролепетала я.

— А это в известной степени зависит от того, куда ты хочешь попасть, — опять ответило зеркало словами Чеширского Кота.

— Я в садик хочу, — всхлипнула я, — к одуванчикам и ромашкам. Туда, где совсем нет зеркал.

Мой проводник — уже в который раз — растекся и собрался в шар. Шар увеличился в размерах и, переливаясь всполохами и бликами, поплыл куда-то в сторону. Я отправилась за ним по длинному сверкающему коридору. Казалось, коридор был бесконечным, по сторонам тянулись большие зеркала, в каждом бриллиантами искрились маленькие радуги. Наконец впереди показалась высоченная витая ограда, тоже зеркальная. Виртуозно прорезанный ажурный узор оплетал дикий виноград из темного стекла. Ягоды опускались так низко, что рука сама тянулась сорвать одну. Посередине ограды, прямо перед нами, предстали ворота. Их гладкая поверхность, разрисованная сложнейшим искусным орнаментом, уходила далеко вверх и исчезала из виду в похожих на сталактиты длинных кристаллах, свисающих непонятно откуда. Зеркальный гид остановился перед воротами и завибрировал, издавая мелодичный звон. Медленно и величественно ворота открылись, и шар влетел внутрь. Понимая, что обратной дороги нет, я, тяжело вздохнув, поплелась за ним. А что мне еще оставалось делать?

Глава третья. О пользе имени, а также путешествие задом наперед

Войдя в зеркальные ворота, я, ослепленная невероятным сиянием, инстинктивно отвернулась и закрыла глаза ладонью. Интересно, откуда исходит этот свет? Подглядывая через щелочки между пальцами, мне удалось постепенно рассмотреть место, в котором я оказалась. Это был круглый зал, ровные и пустые стены которого искрились серебром, как свежий снег на солнце. Мерцание было ярким и очень красивым. Пол под ногами походил на огромную ракушку, точнее, на внутреннюю ее сторону. Переливчатый перламутр казался отшлифованным умелыми руками и сохранил все от-

тенки и естественные линии рисунка раковины. Потолка, похоже, вовсе не существовало, свет уходил в далекое светящееся жемчужное небо. В самой середине зала красовалась белоснежная чаша на тонкой ножке. Хрупкая с виду, точно вырезанная из яичной скорлупы, она удерживала большое, размером с крупный арбуз, хрустальное яйцо. Его поверхность покрывали тысячи мелких граней, отчего яйцо сверкало бриллиантом. Оно-то и отражалось в зеркальных стенах, создавая этот невозможно яркий свет.

Немного привыкнув, я убрала от лица руку и полностью открыла глаза. Заволновавшись, что оказалась в зале совершенно одна, присмотрелась внимательнее и с облегчением обнаружила моего зеркального экскурсовода. Найти его было так же непросто, как белого медведя на снегу: зеркальная сфера со всех сторон отражала свет и совершенно сливалась с помещением. Однако некоторое волнение на ртутно-серебристой поверхности выдало присутствие моего проводника. Или проводницы — я так и не определилась, кем считать это постоянно изменяющееся создание.

— Ты здесь, слава богу! Куда это мы пришли? — обратилась я к шару.

— Где же мне быть? Я всегда рядом, разве ты забыла, Алиса? — ответил шар и продолжил:

— Мы пришли в необыкновенное место. О! Это место ты еще не раз увидишь. Отсюда начинается путь...

— Куда?

— А куда ты собиралась? Помнишь? — мне показалось, что шар улыбнулся.

— Помню: я в садик хотела, — произнесла я и замерла. Хрустальное яйцо вспыхнуло изумрудным, а внутри появилась голубая искра, похожая на светлячка, которая принялась метаться внутри яйца. Затем голубой «светлячок» вырвался наружу и стремительно улетел в невидимый космос потолка. Наблюдая за искрой, я и не заметила, как в белой стене, прямо передо мной, появилась дверь. Не зеркальная, а настоящая, дубовая

дверь. На деревянной табличке, прибитой к двери мебельными гвоздями, было крупно написано: «САДИК»! Увидев это, я совершенно остолбенела.

— Ну чего застыла как изваяние? Ты же хотела в садик, так иди! — вывел меня из ступора проводник. Я почувствовала себя той самой Алисой, с которой меня всегда сравнивали. Тут даже садик есть, все как в книжке. Вот только мне не пришлось откусывать от пирожка и пить из пузырька, чтобы уменьшиться или увеличиться. Дверь была нормального размера, как в обычной жизни. Подойдя, я взялась за бронзовую старинную ручку, мысленно надеясь, что не увижу за порогом Червонную Королеву, которая захочет отрубить мне голову.

Ни Королевы, ни Карт — ничего подобного за дверью не оказалось. Там светило ласковое солнце и все вокруг, сколько хватало глаз, цвело и зеленело. Я бросилась на поляну и, радостно покружившись, упала в мягкую, шелковую траву, жмурясь от удовольствия. Деревья приветливо склонили ко мне свои кружевные ветви и, создавая тень, зашелестели листьями. Вдалеке пели птицы, и я почти забыла, где нахожусь. Странные события последних часов так утомили меня, что я почти перестала удивляться и даже не задумывалась, сколько прошло времени, ведь в зазеркальном мире время текло как-то по-своему. Тем не менее усталому телу требовался отдых. Лежа на молодой траве и вдыхая аромат свежей зелени, я любовалась ярко-синим небом и рассматривала все вокруг. Прямо над моим лицом склонился длинный гладкий стебелек, на котором сидела крошечная божья коровка. Она расправляла пятнистые крылья и делала попытки взлететь, но почему-то не улетала.

— Я вижу, ты в полном порядке! Медитируешь? — услышала я знакомый голос.

Совсем рядом на пеньке сидел зеркальный заяц и, шевеля носом-пуговкой, хитро улыбался. Мне захотелось кинуть чем-нибудь в его довольную физиономию.

— О каком порядке ты говоришь? Я, тридцатилетняя женщина, напилась на своем же дне рождения, после чего провалилась в зеркало и разговариваю с неизвестной сущностью, у которой даже имени нет! Мне вообще непонятно, ты женского рода или мужского? Или среднего?

— А у меня для тебя радостная новость! — воскликнул ушастый приторно-радостным голосом коммивояжера. — Имя ты можешь мне придумать сама! Здорово, правда?

И непоседливый зайчик резво заскакал по траве, ловко перебирая зеркальными лапками. Напрыгавшись вдоволь, он приблизился и, загородив длинными ушами облака, внимательно посмотрел на мое лицо.

— Странно, но как-то не похоже, что ты рада моему предложению...

— Издеваешься? — я села в траве.

— Нет, — честно ответил заяц. — Ну давай! Давай подружиться! Нам с тобой долго придется быть вместе.

Он скроил такую забавную рожицу, что я не удержалась и рассмеялась. Раздражение сразу куда-то подевалось.

— Ну хорошо, раз нам придется долго быть вместе, как ты говоришь, и правда надо придумать тебе имя, — милостиво согласилась я, — должна же я тебя как-то называть, но сначала давай разберемся. С одной стороны, я же женщина, а ты мое отражение, — рассуждала я, — значит, имя тоже должно быть женское. С другой стороны, ты все время меняешься, так что тут как-то не очень понятно...

Пока я размышляла, заяц мирно сидел на траве и шевелил блестящими ушами, преданно глядя мне в глаза.

— Итак, — наконец подвела я итог, — что же у нас получается? Ты мое отражение (ОНА), но при этом ты все же зеркало (ОНО), которое часто меняет свой облик: лектор, заяц (ОН)... Можно сказать, ты каждый раз возрождаешься, как феникс из пепла... Точно! Буду на-

зывать тебя Феникс. А что? Подходит и для девочки, и для мальчика, и даже для среднего рода! Нравится? — радостно обратилась я к зеркалу. Зайчик моментально растекся и тут же сформировался в блестящую птицу с красивым хвостом.

— А что, интересно! И очень даже оригинально! — согласилась птица.

— Ну а теперь, Феникс, расскажи-ка подробнее, что тут вообще происходит, — попросила я и села поудобнее, — хотя понимаю, что попала сюда неспроста. Но все-таки не хватает какой-то конкретики. Давай по-взрослому, без твоих загадок и фокусов, ладно?

— Ладно! — кивнула птица. — Ты же мне такое хоршее имя придумала. Постараюсь объяснить попроще. Ну, слушай, — сложил крылья Феникс, — тот кристалл в зале, помнишь? Ну, яйцо в чаше? Так вот, оно непростое, знает твои мысли и выполняет все желания, по двери на каждое. И так будет продолжаться до тех пор, пока не придет время и не появится «ДВЕРЬ ВЫХОДА».

— А когда она появится? — воодушевилась я.

— Не знаю, и никто не знает, — обрадовал меня Феникс, — но когда ты будешь готова, это произойдет. А пока — тренируйся и загадывай желание. Но всякий раз, загадывая его, думай о... Нет! погоди! — попытался предостеречь меня Феникс, но было поздно. Не дослушав, я сильно зажмурилась и пожелала!

Приоткрыв один глаз, я увидела что-то большое и малиновое. Открыла второй — и вздрогнула. Передо мной лежала ягода земляники. Но не ягода — ЯГОДИЩА! Чтобы увидеть зеленый черенок, мне пришлось бы подпрыгнуть. А запах от исполинской земляники шел такой, что кружилась голова! Я оглянулась. Сзади возвышалось поле одуванчиков, то есть ОДУВАНОВ, или даже ОДУВАНИЩ. Все вокруг меня выросло до огромных размеров. Не ромашки и колокольчики росли в траве, а РОМАШИЩИ и КОЛОКО-

ЛИЩА. Да и трава была тоже — ТРАВИЩА. Стебли толстые, как деревья.

— Ты что натворила?! — возмутился мой сопровождающий.

Я рассмеялась.

— Это и правда работает! Ну надо же! Я просто очень захотела земляники, и много! А получилось...

— Не вижу ничего смешного, ну вот как теперь выбираться из этого «САДИКА»? — проворчал Феникс. — Нужно было точнее формулировать желание, не то нажелаешь тако-о-о-го!

Не обращая внимания на ворчание занудной птицы, я встала и, обняв ягоду руками, откусила. Никогда бы не поверила, что попробую землянику размером со шкаф! Но вот попробовала, и она была невероятно вкусная и такая сочная, что я перемазалась с головы до ног. Почувствовав себя пятилетним ребенком, я совершенно съехала с катушек. Залезала на упругие гладкие травинки и как с горки съезжала вниз. Громко пела, хохотала и носилась по поляне, пока с размаху не врезалась в ствол гигантского одуванчика. Большущие зонтики разлетелись по ветру белым вихрем. Зрелище было таким красивым, что я со всей силы пнула ногой другой одуванице. Увлечшись, я за несколько зазеркальных минут безжалостно расправилась с кучей пушистых великанов и немного устала. Встряхнув последний, ухитрилась вцепиться в ножку одного из зонтиков, так что в довершение всего еще и полетала над поляной. Приземлившись и немного успокоившись, я завертела головой в поисках своего спутника, про которого на время забыла. Феникс сидел на пеньке от сломанной травинки и грустно подпирал щеку... вернее, не щеку, а шляпку. Теперь мой зеркальный двойник преобразился в гриб.

— Алиса, ты решила тут навеки поселиться? — устало спросил гриб.

— Чего-то я и правда увлеклась, — смутилась я от собственного поведения.

— Тогда пойдём искать выход в Белый зал, — кивнул зеркальной шляпкой гриб и просочился между стволов травы.

Дойдя до середины увеличившейся поляны, мы очень устали. Солнце нещадно пекло голову, и сил идти дальше уже не было.

— Как жаль, что здесь нельзя поймать такси, — вздохнула я, падая на огромный лепесток ромашки, — вот бы подвез кто-нибудь.

— Почему нельзя? Может, и подвезут, — загадочно прошелестел перевоплотившийся в шляпу Феникс и плавно опустил мне на голову.

— Спасибо, — поблагодарила я и заметила какое-то движение в зарослях травы. Через мгновение, сотрясая все вокруг, на поляну выпрыгнул здоровенный зелёный кузнечик. Увидев непонятное насекомое в шляпе, кузнечик замешкался и слегка припал на лапки. Шевеля длинными усиками, он наклонил голову, словно рассматривая меня.

— Не упускай момент, — шепнула шляпа, — прыгай!

Я все поняла и, резко вскочив, изо всех сил постаралась запрыгнуть кузнечнику на спину. Попытка удалась... почти: на спине гигантского насекомого я оказалась задом наперед. И хотя путешествовать в таком положении было страшно неудобно, я не делала попыток перевернуться. Кузнечик скакал быстро и подпрыгивал очень высоко, а поскольку я всегда боялась высоты, рисковать не хотелось. Меня трясло и подбрасывало, но я терпела и молчала, крепко вцепившись в сложенные крылышки. Правда, было немного обидно, что в течение всего пути на мне хихикала шляпа.

Бессоница

Они толпились, наседая друг на друга, распахивая локтями и протискиваясь вперед. Каждая готова была выскочить в подходящий момент. Каждая не сомневалась, что именно она станет первой, потому что важнее других и ее проблемы нужно решать немедленно. Некоторые полагали, что они гениальны и обсуждение идеи не терпит отлагательств независимо от времени суток. Особенно этим грешили те, кто был одержим творческим порывом. Бок о бок все они ждали сигнала к действию. Живая, многоцветная, дышащая единым порывом масса мыслей рвалась вперед, нетерпеливо вздрагивая в глубине подсознания спящей женщины.

Она спала, безмятежно обняв подушку. Волосы шелковым покровом застилали лицо. Но вот женщина шевельнулась и перевернулась на спину. На пару секунд спящее сознание включило контроль — поправить одеяло, вытянуть затекшую руку. И в этот же миг яркий, будоражащий поток разнообразных мыслей, тревожащих воспоминаний и новых идей ворвался и нарушил спокойное течение сновидений. Женщина вздохнула и попыталась, выкинув из головы навязчивые мысли, вернуться в сон. Но мысли настойчиво лезли одна за другой, цепляясь за эмоции, упорно пробиваясь к сознанию и сметая на своем пути обрывки сновидений. Попытки снова заснуть оказались бесполезными. Долго и старательно страдала она меняла позы, закутывалась в одеяло и считала до ста, представляя цифры. Кто-то сказал, что обычно засыпают, не досчитав до пятидесяти. Брали! Она досчитала до двухсот. Надоело.

Почти не открывая глаз, наощупь, жертва бессоницы прошлепала на кухню и согрела в микроволновке полстакана молока. Говорят, это тоже помогает. Выпила, не зажигая света. Мысли в голове выстроились в дружную шеренгу и предательски подталкивали к компьютеру. «Ну уж нет!» — подумала она и, вытянув вперед руки, побрела в темноте обратно в кровать. Пару

раз, не вписавшись в дверной проем, сказала «Блин!» и рухнула под одеяло, уже слегка раздраженная. Крепко зажмурившись, женщина совершила последнюю попытку уснуть. Через сорок минут она открыла глаза и уставилась в бледный потолок. Там, перебегая из угла в угол, играли в догонялки отсветы проезжающих автомобилей. «И чего я тут лежу в темноте, как дура?» — сказала вслух полуночница и включила торшер. Закутавшись в теплый халат и перебирая в голове нахлынувшие мысли, она обреченно поплелась к компьютеру.

Мысли торжествовали! Одна за другой они выплывали из подсознания и раскрывались, подобно диковинному цветку. Так и не сумевшая заснуть писательница полностью погрузилась в ароматный букет мыслей, не сопротивляясь, но поддаваясь течению вдохновленного сознания. Она цепляла кончиком ручки строку и вытягивала назойливую гостью наружу, оставляя в блокноте кружевные орнаменты текста. Затем не спеша, мысленно превращая идеи и слова в живую, цветную картинку, женщина переносила написанное на компьютер. Опять помечала и подчеркивала в блокноте и снова печатала. Тексты оформлялись рисунками и дополнялись деталями. Комнату наполнило вдохновение, какое бывает только ночью, когда ничто не отвлекает от работы. Постепенно все нахлынувшие мысли, одна за другой, были бережно и старательно записаны. Некоторые остались в виде пронумерованного плана действий, другие преобразились и оформились в готовые рассказы. Сознание женщины было освобождено от захватчиков-мыслей, а на душе царили приятное удовлетворение и тишина, когда ее взгляд упал на часы — пять утра. Она сладко потянулась, зевнула и, закрыв ноутбук, поплыла в спальню. Сон накрыл ее мгновенно. Обняв подушку и улыбаясь, писательница погрузилась в долгожданное царство Морфея.

Новые мысли, свежие творческие идеи и озарения по одной, потихоньку, крадучись, проникали в пространство подсознания. Не спеша они собирались вме-

сте и тихо готовились к очередному штурму. Толпа мыслей, постепенно увеличиваясь, пульсировала в терпеливом ожидании. В ожидании следующей ночи.

Метаморфоза

На страничке сайта знакомств появилось новое сообщение. Она открыла. Там приветливо улыбался желтый смайлик. В анкете отправителя пусто, ни фотографии, ни информации. Ну и пусть, подумала женщина, тоже контакт, что ни говори. В ответ она отправила дразнящийся смайл с высунутым языком. Невидимый собеседник среагировал моментально:

— Привет!

— Привет, — без эмоций ответила Она, не удосужившись поставить хотя бы точку.

— Ты почему грустишь?

— Я? Вовсе нет!

Она возмутилась и удивилась: он так почувствовал или это простое совпадение?

— Ну зачем ты говоришь неправду? Я же чувствую. — Невидимка снова поставил смайлик.

Так... надо подумать, прежде чем отвечать. Какой-то он подозрительный. И странно вежливый...

— Я не грустная... я просто растеряна - недавно на сайте, — выкрутилась Она, — еще не знаю, как тут и что.

— Хочешь, я тебе помогу? Расскажу, как здесь народ общается, — предложил Он.

— Да, хочу... хотя нет, расскажи о себе, — попросила Она.

— Я твоя половинка, и этим все сказано, — Он усмехнулся и добавил:

— Такой, как ты мечтала.

— М-да, ну и самомнение у тебя! — мгновенно напечатала Она в ответ.

Ей даже стало спокойнее — он обычный прохвост и хвостун, вот и все. Но есть время и настроение хорошее, так почему не развлечься?

— Значит, ты принц? Я же о принце мечтала. А где твой конь белый? — нарочно поддела Она собеседника.

— Конь припаркован у моего дома. А я и правда принц, у меня даже корона есть.

— Ох, Ваше Высочество! А где же ваша фотография? Или вы принц-невидимка? — Она откровенно валяла дурака, совершенно не беспокоясь о результате диалога, ей было просто весело. Но собеседник отвечал серьезно, словно не замечая ее иронического тона.

— Я фотографию не могу выставлять, она только для тебя!

— Признайся честно, женат? — задала Она прямой вопрос.

— Нет, что ты! Я не женат, да и не был... не мог.

— Это ещё почему? Как это «не мог»? Болен или что?

Она подумала: «Возможно, этот человек ненормальный? Может, надо скорее удалить его? В черный список — и всё!» Но не успела подумать, как появилось очередное сообщение:

— Не мог! Потому что я ТЕБЯ искал! Не уходи, пожалуйста! Погоди, не удаляй меня...

Ей стало страшно. Как Он угадывает ее мысли? Что за ерунда?!

— Как ты понял, что я хочу тебя удалить?

— Мне стало больно... давай встретимся?

— Вот ещё!

Он что, за дурочку ее принимает? Какая может быть встреча? Бред!

— В субботу, в 13.00. Буду ждать на Тверском бульваре... приходи... пожалуйста!!! — появилось в его окошке.

— Не жди. Я не приду. И вообще... до свидания! — нагрубил Она, не задумываясь, закрыла вкладку и почувствовала, как взмокли ладошки. «Интересно, это испуг или волнение? Да нет! Никуда я не пойду! Вот еще глупости!»

Три дня до субботы пролетели быстро. Она ловила себя на том, что словно слышит невидимого собеседника с сайта. Его голос, спокойный, тихий, немного просящий, проник в ее голову, зовет и каждую минуту присутствует здесь, рядом. Это раздражало, но и возбуждало одновременно. К выходным любопытство взяло верх, и Она решила рискнуть и поехать на встречу с незнакомцем.

Суббота выдалась солнечной, и на бульваре гуляло много народа. В предвкушении волнующей неизвестности женщина не спеша прогуливалась по аллее, любясь алыми и оранжевыми кронами сентябрьских кленов. Между ними яркой еще зеленью улыбались липы. Жмурясь на солнечные блики, мелькающие сквозь густую листву, Она почти уже забыла о цели своей прогулки, как вдруг:

— Девушка! Вы обронули!

Какой-то мужчина тронул ее за рукав куртки. Она обернулась.

— Перчатка? Нет, это не моя, спасибо...

— Ну вот, а я подумал... извините.

Он трогательно смутился. Она присмотрелась. Высокий... симпатичный... Быстро скользнула взглядом по руке... нет кольца!

— Так это ВЫ мне писали? — Она сама не заметила, как легко это произнесла. И, осознав, немного смутилась. Глупо.

— Куда писал? Нет, я вам не писал, но с удовольствием бы написал, если бы знал адрес.

Он широко улыбнулся. Ох, какая у него улыбка славная! А где же ТОТ, с сайта? Не пришел... ну и хорошо!

— А вы уже хотите узнать мой адрес? — Она откровенно кокетничала, сама себе удивляясь. — Очень смело! Но, если вы меня убедите, может быть, я разрешу вам мне написать!

— Я постараюсь произвести на вас приятное впечатление. А вы не против выпить со мной кофе? Здесь не-

подалеку есть хорошая кофейня. Там все и обсудим. Ну как? — Он снова обезоруживающе улыбнулся.

— Ну что ж, почему бы и нет? Пойдемте! — неожиданно быстро согласилась женщина.

— Нет! Лучше поедем. У меня тут машина за углом припаркована.

— Белая, разумеется? — усмехнулась Она.

— Нет... синяя, а что? — Он удивленно поднял брови.

— Да ничего, ерунда, так спросила...

Когда они сели в машину, внимание женщины привлекла крошечная фигурка, болтающаяся под зеркалом заднего вида. Покачиваясь на веревочке и храбро размахивая пластмассовым мечом, на нее смотрел ПРИНЦ НА БЕЛОМ КОНЕ...

Последняя капля

Я проснулась сегодня рано от ворвавшихся в открытое окно весенних птичьих переливов. Ах какое утро! Солнце не жаркое, но такое радостное! На улице тихо и немногочленно. Воскресенье. Вот так бы всегда: ни тебе суеты, ни раздражения на лицах прохожих. Какая-то расслабленная радость в глазах.

В соседней комнате, удовлетворенно жмурясь, «загорала» в солнечном луче, моя черная кошка. «Греется», — подумала я, проходя мимо. Солнечный луч догнал меня на кухне и поцеловал. Я почувствовала себя полной сил и созидательной энергии. Что бы такое полезное сделать? Так захотелось творить! Но самое главное, ко мне пришло ощущение, что скоро случится нечто прекрасное! Будет много чудес, может, даже исполнение мечты. Я просто кожей ощущала приближение сказочных событий.

В кухню влетела кошка, с хвостом, изогнутым по дуге. Глаза, как две крыжовины, желтые и сумасшедшие. Посмотрела на меня: «Сидишь? Чай пьешь? Ну-

ну!» И поскакала дальше по квартире, догоняя кого-то, только ей известного, или удирая от него...

Итак, день давно начался, 9.36 утра. Пора уже мыть чашку и приниматься за дела. А внутри прыгает солнечный зайчик: «Что-то будет впереди, жди, жди, жди... жди!» Пойду ждать, жить и ждать. Надежда и вера есть, значит, и любовь придет!

А пока ожидание длится, надо помочь чудесам исполняться. Как? Да просто. Есть такая теория: у каждого над головой две воображаемые чаши. В одной собирается сотворенное за жизнь добро, в другой зло, и только от тебя самого зависит, какая из двух чаш переполнится и прольется на твою голову.

Интересно, сколько чего в моих чашах накопилось, вот бы подсмотреть!

Вернулась в комнату и села в кресло. Надо обдумать план на день. Мимо вяло продефилировала кошка и лениво плюхнулась посередине комнаты, прямо в солнечный кусок паркета. Набегалась.

— И как тебе не жарко на солнце в шубе? — обратилась я к ней.

Кошка повернула голову: «Что б ты понимала!» — презрительно сощурила она на меня янтарные глаза. Вальяжно и изящно подергивая кончиком хвоста, пушистая красотка погрузилась в сонную негу. Хорошо ей, и, наверное, нет никаких чаш над головой. Побывать бы в ее шкурке один день, подумала я и легла на теплый паркет рядом с ней. Может, на полу, рядом с кошкой, быстрее придут полезные мысли? Но кошка не захотела мне помогать. Демонстративно проявляя недовольство, она встала и ушла в другую комнату. Единоличница! И чем я ей помешала? Но надо и мне вставать — лежа посередине комнаты, никакие чаши добрыми делами не наполнишь. Нехотя я поднялась и потащилась за рабочий стол. Компьютер был уже включен. Так много надо сделать! Что ж, ведь я это люблю, так что справлюсь играючи. Кошка не утерпела в одиночестве и устроилась рядом, на спинке дивана. Внимательно наблюдая

за моими пальцами, бегающими по клавиатуре, вертит головой. Проверяет! Тоже мне, цензор!

Погрузившись в работу, я совершенно не замечала бег времени. Писала, переписывала, сочиняла и редактировала, капая по капле в добрую чашу. А вокруг меня в призрачном тумане мелькали странные и забавные образы: ванильные шарики, пряничные домики и стеклянные ягоды на цветущих сказочных кустах. Веселые гномы и летающие единороги помогали волшебникам, и в конце концов добро победило зло. Все так, как и должно быть. Солнечные блики с улицы проникли в окно, растворяясь в моем маленьком добром мире, и реальность совершенно слилась с вымыслом. Я уже и сама не понимала, где нахожусь. Только голоса птиц за окном врывались в эту невидимую дверь, между «здесь и сейчас» и «где-то там», не мешая, но дополняя радостно-трепетный мир фантазий.

Телефонный звонок внезапно нарушил поток стройно текущих мыслей, даже задремавшая было кошка вздрогнула и лениво приоткрыла узкие щелки желтых глаз. Мол, кто же это посмел меня потревожить? Беру трубку, и внутри что-то сладко ёкает — вот оно! Вот чудо, которого я ждала. В моем голосе невольное появляется улыбка, сердце бешено стучит, поднимаюсь к яремной ямке, и мне не хватает дыхания.

— Да! Я тоже буду рада увидеться! До встречи!

Кладу трубку и реву, как дура. То ли от счастья, так внезапно накатившего, то ли от неожиданности. Кошка поднимает голову и удивленно смотрит на меня: «Не поймешь этих двуногих, не живется им спокойно». А я, словно прочитав на мохнатой мордочке немой вопрос, выкрикиваю сквозь слезы, одновременно смеясь:

— Получилось, Буська, понимаешь? Сработало! Перевесила моя добрая чаша! — И, подскочив к совершенно обалдевшей кошке, целую ее прямо в черный треугольный нос, мокрый и жутко родной.

Алёна Чубарова

Художественный руководитель театра «КомедиантЪ», актриса, режиссер, драматург, поэт, прозаик... в последнее время еще и певица... Даже неловко, сколько всего. Сплошная избыточность! А что делать?

И при этом вечный непокой: все кажется не так, не слишком хорошо, не достаточно глубоко... Хронический трудоголик и перфекционист.

Пытаясь лечиться, начала писать фантастику. А там оказалось столько всего! Чем тоньше мир, тем шире горизонты... Роман «Смежная зона», надеюсь, станет началом нового этапа и в жизни, и в творчестве.

А здесь вашему вниманию фантастическая история в облегченном жанре.

Трузик и Сфинкса

Пародийно-фантастическая история для театра и/или анимационного кино

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Трузик — щенок.

Сфинкса — кошка.

Папа — мужчина.

Мама — женщина.

Юля — девочка.

Правильная бабушка.

Другая бабушка.

СБМ — инопланетяне Серо-Буро-Малиновые.

Сцена первая

День первый. Выбор имени

Юля. Когда папа сказал, что его зовут Трезор, я представила огромную собаку... Это здорово! Ура!!!

Мама. Огромная собака в городской квартире — немыслимо. Пусть будет поменьше.

Правильная бабушка. Собака в доме — вообще неправильно.

Сфинкса. Мяу.

Мама. Если бы Сфинкса умела говорить, она бы подтвердила, что собака нам ни к чему.

Сфинкса. Это не я не умею говорить! Это вы не понимаете кошачьего языка! Мяу.

Правильная бабушка. Вот, Сфинкса против собаки. И это правильно!

Сфинкса. Я не за и не против. Я еще не знакома с этой собакой.

Правильная бабушка. Кошка, если на нее нет аллергии, — еще терпимо, а собака — уже совсем неправильно.

Другая бабушка. Правильно или неправильно, но они уже пришли...

Папа вносит маленького лохматого смешного щенка невнятной породы. Пауза.

Папа (*иронично-торжественно*). Ну вот, дочерь моя, прими подарок, о котором ты мечтала.

Юля (*растерянно*). Это Трезор?

Мама. Ой! Какой маленький! Он похож на котенка.

Сфинкса. Вот еще, котятка гораздо симпатичнее. Мяу.

Папа. Сфинксе он понравился.

Сфинкса. Да ничего подобного! Мяу!

Правильная бабушка. Сфинксе он не понравился!

Сфинкса. И этого я тоже не говорила. Пф!

Щенок пугается кошки и залезает под диван. Юля лезет за ним.

Юля. Ой, он, кажется, наделал там лужу...

Правильная бабушка. Зачем нам собака, которая боится кошки?

Папа. Но он еще просто маленький.

Мама. На Трезора он как-то не похож, может, лучше назвать его Тузик? Тузик, вылезай!

Юля вытаскивает щенка из-под дивана, он весь дрожит и поскуливает.

Правильная бабушка. О-о, он даже не Тузик, он... Трусик.

Другая бабушка. Нет, так нельзя, это... негативная программа на будущее, пусть будет хотя бы... Трузик — не Трезор, не Тузик, а что-то между, но и к трусишке не имеет никакого отношения.

Мама. Трузик?.. Гм...

Правильная бабушка. Зачем так усложнять? Есть же правильные собачьи имена — Шарик... Бобик... Дружок...

Папа. Ну... я собаку купил, а как ее назвать, решать Юльке.

Юля. А что скажет Сфинкса?

Сфинкса. Как будто вы поймете, что я скажу! Мяу.

Правильная бабушка. Она за Бобика!

Сфинкса. До чего же люди — глупые существа.

Другая бабушка. А по-моему, Сфинкса... гм... воздержалась.

Сфинкса. Некоторые, впрочем, иногда догадливы.

Юля. Сфинкса, не обижай Трузика, ладно? Он ведь совсем маленький.

Сфинкса. Пока маленький, не обижу, а там посмотрим.

Юля. Спасибо. И еще: я бы хотела, чтобы вы подружились.

Сфинкса. Дети в целом гораздо понятливее взрослых. Но дружить с собакой — это как-то несолидно, что ли... Впрочем, посмотрим.

Правильная бабушка. И всё-таки это неправильно!

Мама. Ну что ж, Трузик так Трузик. Но у нас еще форт со свечами. Все к столу!

Сцена вторая **Ночь первая. Знакомство**

Юля. Ты, конечно, не большая собака, о которой я мечтала, но все равно очень милый. Тру-узик... Тру-узичек... Когда все заснут, можешь забраться ко мне в кровать. Только те-с!

Сфинкса. Раньше она только мне разрешала забираться к ней в постель.

Юля. Ты ляжешь справа, а Сфинкса слева. Кровать большая, всем места хватит.

Трузик. Гав. Спасибо.

Юля. Только когда все взрослые заснут, не раньше.

Трузик. У-у-у... а как я пойму, что они все уже спят?

Юля. И ты уж не сердись, но утром мне придется тебя прогнать, а то, если бабушка увидит, будет бо-ольшой скандал. Понятно?

Ю л я уходит. Пауза.

Трузик. А как узнать, что все взрослые уснули?

Сфинкса. Папа начнет похрапывать, мама посапы-вать, а бабушка пахнуть лекарствами.

Трузик. Ага. Понятно. А вторая бабушка?

Сфинкса. А вторая бабушка будет спать в другой квартире, она нас не интересуется. Она приезжала в гости поздравить внучку с днем рождения.

Трузик. Ага. Спасибо. Гав. *(Пауза.)* Скажи, а поче-му тебя назвали Сфинкса?

Сфинкса. А почему я должна отвечать на твои во-просы?

Трузик. Ну... не знаю... потому что... папа еще не похрапывает, мама не посапывает... и лекарствами еще не пахнет... И, если честно, я боюсь темноты. А если мы будем разговаривать, мне будет не так страшно. Вот.

Сфинкса. Ох... ладно... Я обещала Юле тебя не обижать. Так и быть, слушай. Когда меня принесли, я села в независимую позу, чтобы они не догадались, что мне страшно. Впервые в новом месте всем страшно, даже котяткам, хотя они никогда не позволят себе залезть под диван и сделать лужу...

Трузик. У-ау... я не нарочно...

Сфинкса. Не перебивай, если спросил и тебе отве-чают. Ну вот, и папа сказал, что я похожа на маленько-го сфинкса. Сфинкс — это такая статуя в Египте, но это я потом узнала, когда папа смотрел передачу про ар-хеологов. И вот они назвали меня Сфинкс. А потом ока-залось, что котенок — не кот, как они думали, а кошка; и Сфинкс превратился в Сфинксу.

Трузик. Здорово! А когда меня спросят, почему ме-ня назвали Трузик, у меня не будет такой красивой ис-тории...

Сфинкса. Тихо! Показалось, что папа захрапел...
(*Прислушивается.*) Нет еще...

Трузик. Расскажи мне про папу. Он такой большой!
Его надо бояться?

Сфинкса. Не-ет. Папа совершенно безобидный. Он вообще такой... ну, он вроде есть, а как будто его и нет.

Трузик. Как это?

Сфинкса. Ну, вот однажды, я случайно разбила его любимую чашку, я тогда еще маленькая была... А он...

Трузик. Рассердился?

Сфинкса. Посмотрел сквозь меня и сказал так печально странные слова... сейчас вспомню... «Курс доллара опять растет».

Трузик. Курсдоллара? А это такое животное? А когда оно вырастет, в кого превратится?

Сфинкса. Тихо! Кажется, мама начала посапывать... (*Прислушиваются.*) Показалось.

Трузик. А мама? Ее надо бояться?

Сфинкса. Осторожность тут не помешает, точнее, с ней надо быть внимательным и тактичным. Если она погладит, надо сразу помурчать, вот так «мур-р-р-р», тогда она даст что-нибудь вкусное.

Трузик. А я не умею мурчать. Что же делать?

Сфинкса. Еще можно перевернуться на спину и дать ей почесать тебе живот. Не знаю, что она в этом находит, но маме это ужасно нравится.

Трузик. На спину? Вот так? (*Трузик ложится на спину и смешно дрыгает лапами.*) У меня получается?

Сфинкса. Кажется, запахло лекарствами. (*Принюхивается.*)

Трузик (*тоже принюхивается*). Пахнет чем-то странным, но я не знаю, как пахнут бабушкины лекарства. А бабушку надо бояться?

Сфинкса. О да! Вот кому не надо показываться на глаза, так это бабушке! Она терпеть не может все неправильное. А животные в доме — это неправильно.

Сцена третья
Ночь первая. Продолжение.
Явление незваных гостей

Трузик. Юля такая милая, когда спит. У-у-у...

Сфинкса. Не могу с этим не согласиться. Люди вообще, когда спят, гораздо лучше, чем когда бодрствуют.

Трузик. А мы ее не разбудим, когда прыгнем к ней на кровать? А-у...

Сфинкса. Если ты будешь прыгать, как слон, тогда, конечно, разбудим.

Трузик. У-у-у...

Сфинкса. И если ты не прекратишь скулить, ты ее разбудишь еще до того, как прыгнешь.

Трузик. Это я от восторга! У-у... А-у... Я еще никогда не спал в настоящей кровати! Я спал только в картонной коробке.

Сфинкса. Помолчи! Мне кажется, я слышу какие-то посторонние звуки...

Трузик (*прислушивается*). Папа похрапывает. Мама посапывает.

Сфинкса. Нет-нет, что-то еще... часы... компьютер... машины на улице... нет, что-то еще, другое... И запах... (*Трузик вдруг начинает лаять на пустое место.*) Тихо ты!

Трузик. Тут кто-то есть!

Посреди комнаты появляется свечение, и сквозь него постепенно проступают очертания большоголовых «человечков».

Трузик. Ой! Мне страшно...

Сфинкса. Это что-то совершенно неправильное, как сказала бы бабушка.

Трузик. Кто это? Я их боюсь... Давай спрячемся под диван.

Сфинкса. Ты же пес, ты должен охранять свою хозяйку, а не прятаться.

Трузик. Да, мы должны ее охранять.

Оба прячутся под диван. Человечки проявляются и озираются вокруг, постреливая электрическими разрядами.

Трузик. Какие странные звери... Они, наверное, опасные...

Сфинкса. Папа недавно смотрел передачу про НЛО, эти существа похожи на зеленых человечков из той передачи.

Трузик. Зеленых человечков?

Сфинкса. Да. На инопланетян.

Трузик. Но они не зеленые, а какие-то серо-буромалиновые...

Сфинкса. Тогда мы будем звать их СБМ.

Трузик. Эсбээм?

Сфинкса. Люди всегда все непонятное называют по первым буквам длинного названия, у них это называется аббревиатура. Серо-Буро-Малиновые — СБМ.

Трузик. Как ты можешь думать про такое сложное, когда так страшно?

Сфинкса. А когда страшно, всегда надо думать про сложное, тогда не так сильно страшно.

Трузик. А-а-а... тогда понятно... Эсбээм... Как ты думаешь, эти эсбээмы кусаются?

Электрические разряды усиливаются, и из невнятного шипения возникают голоса.

Первый инопланетянин. Жи вшух дхи ру дли тань.

Второй инопланетянин. Вшух ру длат яяя ну хмаррь.

Трузик. Кажется, они разговаривают?

Сфинкса. Гм... сдается мне, что мы первые земляне, которым предстоит вступить в контакт с инопланетным разумом.

Трузик. А может, не надо?

Сфинкса. Гм... Может, и не надо...

Первый инопланетянин. Дли тань ну хмаррь жи.

Второй инопланетянин. Вшух ру вшух яяя дхи ру длат.

Трузик. Они потрещат-потрещат — и исчезнут, а мы к Юле под одеяло — и калачиком до утра.

Сфинкса. А утром мама молока даст и китикэт.

И н о п л а н е т я н е обнаруживают спящую девочку и направляются к ней.

Первый инопланетянин. Ру дли тань ру жи дхи дья.

Второй инопланетянин. Вшух длат яяя ну хмаррь вшухххх.

Из серо-буро-малиновых тел появляются змеевидные лучи, которые тянутся к спящей Юле.

Трузик. Ой! Они что-то хотят сделать с нашей Юлей!

Сфинкса. В той передаче, которую смотрел папа, говорили, что инопланетяне иногда похищают людей.

Трузик. Ой!

Сфинкса. И делают с ними всякие опыты...

Трузик. Ай!

Змеевидные щупальца из инопланетных тел дотягиваются до Юли и начинают ее обвивать.

Т р у з и к слаем кидается на них и начинает кусать. И н о - п л а н е т я н е бросают Юлю и мечутся по комнате.

Сфинкса. Осторожнее!

Первый инопланетянин. Джи ру-ру-ру!!!

Второй инопланетянин. Длат яяя-я-я-я!!!!

Юля просыпается и не может понять, в чем дело.

И н о п л а н е т я н е взрываются и исчезают.

Сцена четвертая

День второй. Трудное утро

Правильная бабушка. А я уверена, что это аллергия на собаку.

Мама. Доктор сказал, что похоже на ветрянку.

Папа. Или на корь.

Правильная бабушка. Современные доктора ничего не понимают.

Юля. Когда я проснулась, я видела что-то странное... светящиеся человечки...

Правильная бабушка. Вот, у ребенка бред! Ни ветрянки, ни корь не сопровождаются галлюцинациями.

Папа. Ну, насколько я знаю, аллергия тоже не вызывает ничего подобного...

Правильная бабушка. Даже если болезнь связана не с собакой, посмотрите, что этот гадкий пес сделал с обоями, с мебелью, со всей комнатой!

Мама. Да, это действительно странно...

Трузик. Гав! Это не я, это инопланетяне!

Правильная бабушка. Он еще и гавкает! Безобразия! Неправильно!!!

Мама. Вообще очень странно, как такой маленький щенок мог сотворить такой большой беспорядок.

Юля. Может быть, это не Трузик?

Правильная бабушка. А кто?! Пушкин?!

Трузик. Гав-гав. Я не знаю, как звали этих инопланетян, может быть, одного из них звали Пушкин.

Сфинкса. Пушкин — это у них такая присказка. Как что, сразу Пушкин. Не обращай внимания.

Трузик. Ну хоть ты им скажи, что я не виноват.

Сфинкса. Бесполезно, они не понимают нашего языка.

Папа. Ладно, я опаздываю на работу.

Правильная бабушка. Забери этого пса!

Юля. Нет! Пожалуйста!

Сфинкса. Трузик, между прочим, спас вашу дочку и внучку от инопланетян. Мяу!

Правильная бабушка. Вот Сфинкса подтверждает, что собака во всем виновата.

Сфинкса. Ничего они не понимают.

Правильная бабушка. Тут не только уборку, тут теперь ремонт надо делать! Забирай собаку!

Папа. Ну куда я его сейчас заберу?

Мама. Ладно, иди, а то и правда опоздаешь. Мы тут сами разберемся.

П а п а благодарно смотрит на м а м у, уходит.

Правильная бабушка. Та-ак! Значит, так... «сами разберемся»... Тогда я тоже ухожу. К соседке пить чай. И чтобы, когда я вернусь, собаки в доме не было.

Мама. Может быть, его только наказать на первый раз? Он все поймет и больше не будет.

Правильная бабушка. Он больше не будет?! Ребенок болеет. В доме разгром. На кровати собачья шерсть! Им этого мало...

Сфинкса. Он дрался с инопланетянами. Мяу! Он рисковал своей жизнью! Мяу!

Правильная бабушка. Вот и Сфинкса требует, чтобы пес был изгнан из этого дома.

Сфинкса. О мой кошачий бог! До чего люди глухи!

Правильная бабушка. Где мой корвалол? (*Уходит.*)

Трузик. Значит, в этом мире за хорошие поступки наказывают?..

Сфинкса. Да, у людей это случается довольно часто.

Юля. Мамочка! Я действительно ночью видела...

Мама. У тебя высокая температура, тебе надо выпить лекарство и заснуть.

Трузик. Почему люди совсем не понимают, что мы говорим? Ведь мы понимаем, что говорят они?

Сфинкса. Гм... Думаю, что существа, стоящие на более высокой ступени развития, понимают тех, кто менее развит, а менее развитые... увы, сам понимаешь...

Трузик. Значит, люди...

Сфинкса. Да. Бог создал их, чтобы они нам служили, кормили нас...

Трузик. А почему тогда они меня могут выгнать, а я их нет?

Сфинкса. Видишь ли, на определенном этапе люди взбунтовались, а потом, по своей глупости, всерьез поверили, что они и впрямь хозяева.

Трузик. Подожди, но тогда получается, что инопланетяне еще более развитые, чем мы...

Сфинкса. С чего ты взял?

Трузик. Но мы же ночью не понимали, что они говорят.

Сфинкса. Да, но... и они тоже нас не понимали.

Трузик. А мы с ними не говорили. Мы даже не пытались. Мы... спрятались...

Сфинкса. Гм... действительно...

Трузик. Мы трусили.

Пауза.

Мама. Ну что мне делать с этим щенком, ума не приложу.

Сфинкса (*обращается к Трузику*). Попробуй подставить ей живот.

Т р у з и к ложится на спину, подставляя маме живот.

Сцена пятая

Ночь вторая. Попытка контакта

Сфинкса. И с чего ты взял, что они сегодня снова появятся?

Трузик. По запаху. Я чувствую. У меня нос. Я же пес.

Сфинкса. Может, лучше не вмешиваться? Отсижись на кухне. И, если что, у нас алиби.

Трузик. Это как это? Вдруг они снова захотят Юлю похитить?

Сфинкса. А если утром снова в комнате будет беспорядок, тебя точно выгонят.

Трузик. Но ведь Юле грозит опасность!

Сфинкса. Что бы ты ни сделал, тебе не поверят и не поблагодарят.

Трузик. Юле грозит опасность!!!

Сфинкса. Подумай о себе!

Посреди комнаты появляется свечение, и очертания серо-буро-малиновых фигур проявляются в окружении электрических разрядов.

Трузик. Ну вот и наши эсбээмы. Мы не будем с ними драться. Мы попробуем вступить в контакт.

Сфинкса. Я, пожалуй, понаблюдаю со стороны. Кто-то должен быть в качестве... гм... независимого наблюдателя. Папа недавно смотрел одну передачу про политику, и там...

Трузик. Тихо. Потом расскажешь.

Фигуры проявляются окончательно и довольно уверенно направляются в сторону девочки.

Т р у з и к решительно выступает вперед. Фигуры притормаживают.

Трузик. Дорогие ... это... как же к ним обратиться?

Сфинкса (*подсказывает из укрытия*). ...братья по разуму. В таких случаях точка за скобкой

Трузик. Ага... Дорогие братья по разуму! Мы вас приветствуем на планете Земля. Но нашу девочку трогать не надо. Она болеет. И вообще, не надо никого похищать.

Первый инопланетянин. Ру тань жи дли вшух яяя.

Второй инопланетянин. Дхи хмаррь ну ру вшух длат.

Трузик. На этой планете живут люди, звери, растения. Вообще-то, я еще только щенок и многого не знаю... (*Сфинксе.*) Как ты думаешь, они меня понимают? Я их точно нет.

Сфинкса. У них очень сложный язык. Похож то ли на китайский, то ли на древнеарабский...

Трузик (*инопланетянам*). Меня зовут Трузик. А как вас зовут? Бабушка предположила, что одного из вас могут звать Пушкин... Правда, Сфинкса сказала, что это не имя, но... у-у, страшно-то как... Одним словом, давайте знакомиться.

Первый инопланетянин. Ру.

Второй инопланетянин. Дхи.

Первый инопланетянин. Тань.

Второй инопланетянин. Хмаррь.

Первый инопланетянин. Жи.

Второй инопланетянин. Ну.

Первый инопланетянин. Дди.

Второй инопланетянин. Вшух

Первый инопланетянин. Ру вшух.

Второй инопланетянин. Яяя!

Трузик. Простите, я не понял...

И н о п л а н е т я н е резким выбросом щупалец откидывают
Т р у з и к а к стене, хватают Ю л ю с кровати.

Сфинкса. Ну, это уже слишком!

С боевым кошачьим воплем С ф и н к с а набрасывается на
и н о п л а н е т я н , те взрываются и исчезают.

Сцена шестая **День третий. Изгнание**

Правильная бабушка. Поздравляю! Вот они, плоды милосердия... собачку пожалели. А родную дочь им не жаль! Отдали на растерзание дикому зверю!

Папа. Врач сказал, что это не укусы, а ожоги. Ожоги, понимаете.

Правильная бабушка. Не просто выгнать, а усыпить этого пса! Усыпить! А уколы ей прописали? От бешенства! Вдруг собака бешеная! Да наверняка бешеная!

Мама. Ей делают все, что надо. В нашей больнице хорошие врачи. И я сейчас снова туда поеду.

Правильная бабушка. Хорошие врачи? Ха-ха-ха! Айболит был последним профессионалом! И тот жил в сказке.

Другая бабушка. Так что же здесь все-таки случилось? У девочки серьезные ожоги. А в комнате никаких следов пожара, никаких электроприборов рядом.

Папа. Мы тоже ничего не понимаем.

Правильная бабушка. Вот именно. Никаких следов. Так что это не ожоги, а укусы. И я требую собаку усыпить! Это неправильная собака.

Трузик. Гав. А что такое усыпить? Заснуть я могу и сам. Свернусь калачиком и засну. Хоть сейчас.

Сфинкса. Молчи! Лучше подставь маме живот, может, опять сработает.

Т р у з и к послушно переворачивается на спину и смешно дрыгает лапами.

Папа. Ну как такой щенок может кого-то покусать?

Правильная бабушка. Он притворяется.

Мама (*гладит Трузика по животу*). Трузик, ты пока поживешь у другой бабушки, а когда Юля выздоровеет, мы что-нибудь придумаем.

Сфинкса. Сработало!

Мама. Юля все время говорит про каких-то светящихся существ.

Трузик. Да-да, это инопланетяне! Гав! Мы надеялись, что они нас поймут, но они не поняли. Га-ав.

Правильная бабушка. Больному ребенку снятся кошмары, а в доме два зверя.

Другая бабушка. Не волнуйтесь! Я увожу Трузика к себе. Я специально для этого приехала.

Правильная бабушка. Учтите, если он и вас ночью покусает, потом не жалуйтесь!

Трузик. Я не поеду без Сфинксы, мы с ней друзья. Гав-гав.

Сфинкса. Вообще-то, у кошек не бывает друзей. Но с Трузиком мы вместе спасали вашу Юлю. И я бы не слишком хотела оставаться здесь, наедине с правильной бабушкой, пока она в таком неадеквате.

Мама. Как жаль, что эти звери не умеют говорить. Они бы нам рассказали, что случилось ночью.

Сфинкса. Не умеют? Мы не умеем? Да это вы не умеете слушать!!! Мяу-мяу-мур-мур-мяу!

Трузик. Мы только и делаем, что рассказываем, а вы не понимаете. Гав-гяв-гяв-р-р.

Папа. В последних новостях я слышал, что сегодня ночью в нашем городе пропало несколько детей. Прямо из своих комнат и без следов взлома. Таинственные исчезновения.

Правильная бабушка. Не надо менять тему! Если этого пса не будут усыплять, то я... то я... иду к соседке пить чай. Где мой корвалол? (*Уходит.*)

Трузик. Почему эта бабушка такая злая?

Сфинкса. Скорее всего, ее кто-то обидел.

Другая бабушка. Когда я смотрю в глаза вашей Сфинксе, мне кажется, что эта кошка понимает гораздо больше, чем нам кажется.

Сфинкса. Именно так и есть. Мяу-у.

Другая бабушка. Пожалуй, до возвращения Юли я заберу к себе и кошку тоже.

Сцена седьмая

Ночь третья. На новом месте

Трузик. Интересно, а к этой бабушке можно залезть в кровать, как к Юле? Или она, как все взрослые, сразу прогонит и разозлится?

Сфинкса. Да-да, разозлится и стукнет тапкой... Правильная бабушка меня однажды стукнула. Ужасно больно.

Трузик. Ой, мы с тобой думаем об одном и том же? Ха! Как интересно...

Сфинкса. Хотя, пожалуй, эта бабушка тапкой не стукнет, она какая-то другая бабушка. Однако прогнать может.

Трузик. А как там наша Юля? В больнице, наверное, грустно.

Сфинкса. В прихожей есть кресло, бабушка оставила там свой плед. Мне даже кажется, что она оставила его там не случайно... Если сделать мне место для сна и сказать, что я должна там спать, я, конечно, его отвергну. А вот если, якобы случайно, забыть плед в кресле... Я начинаю уважать эту другую бабушку.

Посреди комнаты появляется свечение, и из него — очертания знакомых серо-буро-малиновых фигур в окружении электрических разрядов.

Трузик. Ой! Что это? Наши эсбээмы... а-а-а...

Сфинкса. Здесь? Зачем? Здесь же нет детей.

Трузик. Или это не наши, а другие. Но очень похоже...

Сфинкса. Они что — хотят украсть бабушку? Но она живет одна. И если они ее украдут, кто нас будет кормить? Мне это не нравится.

Трузик. А вдруг те, наши, сейчас в больнице и похищают Юлю?

Сфинкса. Что-то папа сегодня говорил про последние новости... таинственные исчезновения... без следов взлома... что-то мне это совсем не нравится...

Трузик. Что будем делать?

И н о п л а н е т я н е изучают пространство, обнаруживают спящую бабушку. Но электрических змей не выпускают, очевидно, совещаются.

Первый инопланетянин. Ру тань жи дли вшух яяя длат.

Второй инопланетянин. Дхи хмаррь ну ру вшух длат длат.

Сфинкса. Похоже, старушки интересуют их меньше, чем дети.

Трузик. Но они не уходят.

Сфинкса. В конфликте цивилизаций я бы предпочла держать нейтралитет.

И н о п л а н е т я н е выпускают свои щупальца, но не протягивают их к бабушке. А будто чешут ими головы.

Первый инопланетянин. Ру д л и в ш у х р у д л и р у д л и р у д л и.

Второй инопланетянин. Д х и х м а р р ь н у н у х м а р ь х м а r r r ь.

Сфинкса. Гм... Язык в принципе довольно простой, много повторяющихся звуков. Но, чтобы его выучить, нужно время.

Трузик. Наша бабушка им, кажется, понравилась. Надо что-то делать!

Сфинкса. Да. Надо. Но что?

Трузик. И немедленно...

Сфинкса. Я знаю. Надо разбудить бабушку!

Т р у з и к и С ф и н к с а начинают вопить, шипеть, рычать и бегать по комнате. И н о п л а н е т я н е исчезают. Б а - б у ш к а просыпается.

Другая бабушка. Что случилось?

Трузик. Ав-ав... здесь были инопланетяне. Они хотели вас утащить. А-ав...

Сфинкса. Ммм-яяя-у... Как Юлю... И в новостях... это уже нашествие...

Другая бабушка. Так я ничего не пойму. Давайте по порядку. Вы меня разбудили не просто так?

Трузик. Гав!

Сфинкса. Мяу!

Другая бабушка. Тут что-то происходило?

Сфинкса. Мяу!

Трузик. Гав!

Бабушка встает с кровати. Осматривает комнату. Не находит ничего странного.

Другая бабушка. Если вдруг что-то снова будет, сразу меня будите, договорились?

Трузик. Гав!

Сфинкса. Мяу!

Другая бабушка. Только лучше не кричите. Вот колокольчик. И еще, в темноте я ничего не увижу. Если появится что-то странное, вот сюда нажмите, включится свет, я проснусь. Ну-ка, попробуйте.

Бабушка ставит к стене стул, Трузик носом, а Сфинкса лапой по очереди включают-выключают свет, зубами трясут маленький, но звонкий колокольчик.

Другая бабушка. Отлично!

Сфинкса. Есть еще одна идея. Мяу! *(Прыгает на стол, трогает лапой бабушкин айфон.)*

Другая бабушка. Да. Стоит попробовать. *(Кладет айфон к самой кровати.)*

Сцена восьмая **День четвертый. Доказательство**

Папа. Размытое пятно в середине кадра. Это может быть просто брак съемки, пылинка на объективе...

Другая бабушка. Но я их видела.

Правильная бабушка. Что вы видели?.. Вас укусила эта собака, и вы сошли с ума.

Другая бабушка. Фигуры, немного прохожие на человеческие. Трузик включил свет, и я успела увидеть, как они исчезают.

Правильная бабушка. Собака включила свет... Угу... А кошка сделала фотографию... Ага... И вы хотите, что бы мы вам поверили?

Другая бабушка. Снимала я сама, но Сфинкса мне подсказала идею.

Правильная бабушка. В нашем с вами возрасте о душе пора думать, а не фантастику по ночам на компьютере смотреть.

Другая бабушка. А что в последних новостях? Про тех исчезнувших детей.

Папа. Я сегодня еще не смотрел, был у Юли, но сейчас посмотрю в интернете. Кстати, зверюги, от Юли вам большой привет!

П а п а включает компьютер.

Трузик. От Юли нам! Ура! Гав-гав-гав!

Сфинкса. Хорошо было бы Юлю тоже забрать к другой бабушке.

Правильная бабушка. И зачем было тащить сюда животных? Мы же договорились, что они будут жить у вас.

Другая бабушка. После того что мы пережили этой ночью, я не могу оставить их одних.

Правильная бабушка. Мир сошел с ума!

Сфинкса. Мяу. Иди уже к соседке пить чай.

Правильная бабушка. Всё. Ухожу к соседке пить чай.

Трузик. Да, и этот, корвалол. Гав.

Правильная бабушка. О-о, где мой корвалол?
(Уходит.)

Сфинкса. Я кажется, поняла...

Трузик. Что?

Сфинкса. Их язык... я все это время пыталась понять... но я шла по ложному пути! Эти повторяющиеся звуки — не слова...

Трузик. Ты научилась их понимать?!

Сфинкса. Пока нет, но я поняла принцип. Мы думали, что те звуки — это слова, как в речи людей...

Трузик. Ну да.

Сфинкса. А это просто побочный эффект их активности. А общаются они вовсе не звуками, а... что-то типа инфракрасного излучения... я много смотрю передач

вместе с папой, но не все запоминаю, может, и другие какие лучи, но я ночью их почувствовала кончиком хвоста и усами. Их речь надо «слушать» не ушами, а хвостом и усами.

Трузик. Ого...

Папа. Идите сюда. Вот нашел. Читайте.

Все взрослые собираются возле экрана компьютера и читают.

Сфинкса. Может, озвучите, что там случилось, эй!.. Читать ваши закорючки я не умею. Мяу.

Мама. Теперь пропадают не только дети, но и старики.

Папа. И не только в нашем городе. Вот смотрите, что на другом сайте...

Мама. А что полиция? Правительство?

Папа. Как обычно. Просят не поддаваться панике и сохранять спокойствие. Есть версия, что это гипноз, и люди сами уходят из дома, не сознавая, что делают. Но вот куда они уходят? Пока ни один из пропавших не найден.

Другая бабушка. Может, забрать Юлю из больницы?

Папа. Там охрана.

Другая бабушка. А здесь мы все вместе.

Мама. Юленька еще не совсем поправилась...

Папа. Сейчас посмотрим, пропадают ли дети из больниц.

Все снова утыкаются в экран. С ф и н к с а вибрирует хвостом, как антенной.

Сфинкса. Они не так уж далеко отсюда. Я чувствую их хвостом.

Трузик (*принюхивается.*) А я нет.

Сфинкса. Это значит только то, что хвост чувствительнее носа.

Трузик. Жаль, что у людей нет хвостов.

Папа. Нет, из больниц исчезновений не было. Только из квартир.

Сфинкса. Это потому, что... только дома ребенок или старик чувствуют себя расслабленно и снимают подсознательную защиту. А взрослые вообще не транспортабельны. Они всегда в стрессе. С ними никакого общения быть не может.

Трузик. Ой, откуда ты это знаешь?

Сфинкса. От хвоста! Я начинаю их понимать!

Сцена девятая **Ночь четвертая. Ночное бдение**

Правильная бабушка. А я не могу спать при свете. Они могут. А я нет. Спать при свете — это неправильно.

Сфинкса. Выпейте свой корвалол. Мяу.

Правильная бабушка. Уже выпила. О-о... Что?.. А-а... Мне показалось, что я...

Сфинкса. Вовсе не показалось. Мяу.

Правильная бабушка. Конечно, мяу. Мяу, и больше ничего. Это все нервы.

Трузик. Если вы в стрессе, вас инопланетяне не заберут. Вам бояться нечего. Гав.

Правильная бабушка. А ты чего не спишь? Кошка — животное ночное, она днем выспалась. А ты — собака, и тебе правильно по ночам спать.

Трузик. Если хотите, можете погладить мне живот. Может, вам станет не так грустно.

Т р у з и к ложится перед п р а в и л ь н о й б а б у ш к о й животом вверх, смешно дрыгая лапами. Б а б у ш к а оглядывается, чтобы никто не видел, и гладит Т р у з и к а по животу.

Сфинкса. Она тебя усыпить хотела, а ты... Странные собаки существа, никакого честолюбия.

Трузик. Она такая печальная, ее жалко.

Сфинкса. А она тебя — усыпить...

Трузик. Пока она не заснет, они не появятся. А пока они не появятся, мы не сможем выяснить их намерения.

Сфинкса. Вообще-то, я не горю желанием вступать с ними в переговоры.

Трузик. Но ты ведь уже их понимаешь!

Сфинкса. Одно дело — хвостом на расстоянии, и совсем другое...

Трузик. Ты боишься?

Сфинкса. А почему я должна спасти человечество? Люди — очень несовершенный вид, к тому же агрессивный. Если исчезнут люди, возможно, кошки станут доминирующей расой.

Трузик. Да как ты можешь? Тебя любит Юля, тебя кормит мама, с тобой смотрит свои передачи папа... Даже правильная бабушка... Ой... Она... плачет?

Пауза. Щенок и кошка уставились на плачущую правильную бабушку.

Правильная бабушка. Когда я работала учительницей, я очень хотела воспитать детей хорошими, правильными. Мы изучали великие события нашей великой страны, и каким надо быть, чтобы быть достойными гражданами этой замечательной страны... и я любила детей... а они ... Они любили собак, а меня ненавидели. А потом вся страна поменялась, и я перестала понимать, чему надо учить детей. А у собак все осталось по-прежнему. И все снова любят собак. А я... я разве я хуже собаки?

Сфинкса. Конечно хуже. Трузик никогда бы не потребовал, чтобы тебя убили только потому, что ты ему не нравишься. Выпей еще своего корвалола.

Правильная бабушка. Да, да, сейчас... Ой, опять мне показалось...Сфинкса, ты ведь сказала просто «мяу», ведь так?..

Сфинкса. Разумеется, я сказала просто «мяу», — и больше ничего... Мяу-у.

Правильная бабушка. Надо все же попробовать заснуть.

Сфинкса. Иди уже. У нас тут сеанс инопланетной связи, и твое присутствие неуместно.

Бабушка уходит.

Трузик. А ты сможешь задать им все нужные вопросы, когда они появятся?

Сфинкса. Откуда я знаю... Попробую.

Трузик. Значит, так, давай повторим, чтобы ничего не забыть. Главное: зачем они прилетели? Что они хотят сделать с людьми? Куда делись все те, кто исчез? И как их вернуть?

Сфинкса. Пф... Ты готовишься быть учителем в со-
бачьей школе? «Давай повторим»...

Появляются папа и мама.

Мама. Надо было забрать ее сегодня.

Папа. Мы заберем ее завтра, все будет хорошо.

Мама. Если с Юлькой что-то случится, я сойду с ума.

Папа. Плохая была идея — спать, не выключая света.

Мама. Я ее так люблю, но никогда не говорю ей об этом... мне почему-то неловко. Глупо, да? Ругаться ловко. А сказать, что люблю, — нет...

Папа. Ну почему же глупо... просто так принято... почему-то об этом не говорят...

Мама. И тебя я очень-очень люблю, но всегда только ругаюсь...

Папа. И я тебя люблю. И Юлю очень люблю. И вообще всех люблю. Сфинксу вон, Трузика... Всех.

Мама. И своего начальника на работе?

Папа. И начальника... Ну нет... начальника не люблю.

Мама. А зачем тогда врешь, что всех?

Папа. Ну что ты как маленькая?

Мама. А как ты думаешь, это инопланетяне? Или гипноз?

Папа. Я не знаю.

Мама. А если это начало конца? И мы все погибнем? Мне страшно.

Сфинкса. М-да, сюда наши эсбээмы не прилетят. Слишком много нервов и электрического света. Пошли.

Сцена десятая **День пятый. Катастрофа**

Правильная бабушка. Если они сейчас не придут, я скормлю кошке всю рыбу.

Другая бабушка. Так перестаньте ее кормить.

Правильная бабушка. Сфинкса умеет говорить слово «корвалол», и я буду ее кормить, сколько в нее влезет. Это необыкновенная кошка.

Другая бабушка. Что с вами? Вы хорошо спали?

Правильная бабушка. Плохо. Я вообще не спала! Почему не отвечают их мобильные? Почему не работает ваш интернет? Что происходит?

Другая бабушка. Я тоже не знаю, что происходит. Но это не повод скормить одной кошке всю рыбу, приготовленную на обед для всей семьи. Хотя бы потому, что кошку скоро стошнит.

Трузик. Сфинкса! Кончай есть! Даже мой несовершенный нос чувствует, что они где-то рядом. Что говорит твой хвост?

Сфинкса. Это моя любимая рыба. Бабушка мне ее никогда раньше не давала. Пока я не наемся, твои инопланетяне меня не интересуют. Отстань.

Трузик. Что значит «мои инопланетяне»? Ты слышала, у людей не работают их мобильники и Интернет.

Сфинкса. Ну да. Для них это катастрофа. Но это не повод мешать мне есть мою любимую рыбу.

Трузик. Куда пропали папа и мама? Они пошли за Юлей в больницу рано утром!

Сфинкса. Если перестал работать интернет, то, возможно, не работает и городской транспорт, а велосипеды они с собой не взяли.

Трузик. Транспорт?

Правильная бабушка. Надо же позвонить в больницу по-городскому.

Другая бабушка. Городские телефоны тоже не работают. Я уже обошла всех соседей.

Правильная бабушка. О-ой!

Сфинкса. Корвалол.

Правильная бабушка. Да. Надо выпить.

Сфинкса. Вероятно, инопланетяне перешли ко второму этапу своего захватнического плана.

Трузик. Ты говоришь об этом так спокойно?! Я... я тебя сейчас покусую!

Сфинкса. Я ем рыбу, болван, потому что там фосфор. А он мне сейчас необходим. С минуты на минуту эсбээмы будут здесь. Я с прошлой ночи посылаю хвостом сигналы, и они отозвались. А ты мешаешь мне подготовить свой совершенный организм к великой миссии.

Трузик. О... если так, то, конечно, ешь... Но сейчас день, и бабушки не спят...

Сфинкса. Как я выгляжу? На усах нет капелек рыбьего жира? Это было бы сейчас некстати.

Хвост С ф и н к с ы взлетает вертикально вверх, усы подрагивают. Посреди комнаты гаснет свечение, из которого проявляются уже знакомые серо-буро-малиновые фигуры.

Сцена одиннадцатая **День пятый (продолжение). Переговоры**

Правильная бабушка. Ч-ч-что эт-то такое?

Другая бабушка. Жаль, что не работает айфон. Сейчас бы я сняла их более отчетливо.

Обе отступают к стене и пытаются слиться с мебелью.

Первый инопланетянин. Жи вшух дхи ру дли тань.

Второй инопланетянин. Вшух ру длат яая ну хмаррь.

С ф и н к с а медленно приближается к ним, вибрируя хвостом и усами.

Третий инопланетянин. Ру дли вшух ру дли ру дли.

Четвертый инопланетянин. Дхи хмаррь ну ну хмарь хмарррь.

С ф и н к с а садится посреди и н о п л а н е т я н в позу сфинкса и замирает. Только хвост и усы продолжают активно вибрировать. Б а б у ш к и у стены сползают на пол в полуобморочном состоянии.

Трузик. Ой, какая ты смелая, Сфинкса, я бы так не смог... Ужасно хочется спрятаться под диван.

И н о п л а н е т я н е шуршат хором. С ф и н к с а вибрирует.

Правильная бабушка. Нам это снится или это коллективная галлюцинация?

Другая бабушка. Боюсь, что ни то и ни другое.

Трузик. Ну что они говорят? Что?

Сфинкса. Они беженцы. Их планета то ли погасла, то ли взорвалась.

Трузик. Они хотят занять землю, уничтожить людей?

Сфинкса. Они надеялись на доброе соседство. Не мешай.

И н о п л а н е т я н е шуршат очень активно. Затем затихают и замирают мерцающими серо-буро-малиновыми кочками.

Сфинкса. Они передали информацию в центр и ждут ответа.

Трузик. Какую информацию? Ну, расскажи... я весь чешусь от любопытства.

Сфинкса. Я объяснила им, что с людьми договориться не получится. Люди и между собой-то не могут жить мирно, без конца воюют. И друг друга не понимают даже те, кто говорит на одном языке. Люди, увы, ещё не доросли до доброго соседства. С людьми можно только воевать или приспособливаться к ним, как мы, кошки. Эсбээмам это не подходит, они очень развитая цивилизация.

Трузик. А зачем они похищали людей?

Сфинкса. Для изучения. Они пытались понять, как с людьми общаться.

Трузик. А зачем вырубил телефон и интернет?

Сфинкса. Какие-то приборы слежения обнаружили их корабли на орбите, для своей безопасности им пришлось полностью обесточить всю землю.

Трузик. Всю землю? Значит, они так сильны? Они легко могут всех уничтожить...

Сфинкса. Могут, но не хотят.

И н о п л а н е т я н е начинают шевелиться и шуршать. Затем змеевидные лучи поднимаются вверх, образуя над С ф и н - к с о й нечто вроде беседки, и, вспухнув радужным сиянием, все исчезает.

Трузик. Ну что? Что они решили?

Сфинкса. Я им посоветовала высадиться в Антарктиде. Есть шанс договориться с пингвинами. Это тоже древняя цивилизация. И куда менее агрессивная, чем люди. Они решили попробовать.

Трузик. Сфинкса! Ты... ты...

Сфинкса. Теперь я могу доесть свою любимую рыбу.

Сцена двенадцатая День шестой. Возвращение

Папа. Все исчезнувшие дети и старики обнаружены в своих постелях без каких-либо повреждений, но с частичной амнезией.

Мама. Оторвись, наконец, от компьютера и иди завтракать, сколько можно ждать? Все уже остыло. Юлька! И ты иди уже!

Юля. Я заболела сразу после дня рождения и не успела поиграть со своим щенком. А он такой замечательный!

Правильная бабушка. Только не вздумай его тащить за стол, у него своя миска.

Папа. И все-таки что это было? Эти исчезновения и эта глобальная авария в сети?

Мама. Есть специалисты, пусть разбираются. А тебе важно не опоздать на работу.

Другая бабушка. А тут подумала, а вдруг это инопланетяне...

Юля. Мне в ту ночь, перед больницей, снились светящиеся человечки.

Мама. Ну ты и выдумщица, Юля!

Другая бабушка. Сон — это не просто выдумка.

Правильная бабушка. Нечего ребенку глупостями голову забивать. Мне тоже иногда после снотворного такое снится...

Трузик. А как бы узнать, получилось у эсбээмов с пингвинами договориться?

Сфинкса. Пыталась уже. Далекое. Никак не получается на Антарктиду настроиться. Атмосфера мешает.

Трузик. А хорошо бы — получилось...

Сфинкса. Надеюсь, пингины на меня не обидятся.

Мама. Трузик! Сфинкса! И вы идите к своим мискам, для вас тоже кое-что вкусное.

К о н е ц

Литературно-художественное издание
МОСКОВСКИЙ ДОМ

Выпуск № 7

ОБРЕЧЁННЫЕ НА ДУЭЛЬ

Руководитель проекта «Московский Дом»
Ольга Грушевская

Подготовка оригинал-макета и дизайн
Группа «Московский Дом»

Редакторы
Всеволод Круж
Ирина Чижова
Ольга Рыбакова

Обложка
На первой и четвертой страницах
стрит-арт-работа Дарьи и Ивана Никитиных
в рамках проекта «Небесные рыбы».
Фото Микаела Абаджянца, 2014

Компьютерный дизайн обложки
Алексей Старобурасовский

Подписано в печать2016 г. Формат 60x90 1/16

Усл. печ. л. 20,6. Тираж 130 экз.

Заказ № M01.0810.002

Московский салон литераторов
(МОССАЛИТ)
www.mossalit.ru

Отпечатано в «онтоПринт»
www.ontoprint.ru